

уральский

следопыт

№2 **** 1981

**XXVI
СЪЕЗДУ
КПСС**

У ОГНЯ

Сооружение на тагильской земле первого отечественного стана мощностью один миллион тонн проката в год, реконструкция кислородного цеха были определены директивами XXV съезда КПСС. Строители Урала задание партии выполнили! И вот уже сталь идет в цех прокатки широкополочных балок. Уникальная уральская продукция будет использована при сооружении объектов Байкало-Амурской магистрали, Нечерноземья, Тюменского Севера.

*Репортаж Бориса КОРТИНА о нижнетагильских металлургах
читайте на 7 стр.*

В номере:

БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ БОЛЬШОГО УРАЛА	2
Б. Кортин У ОГНЯ	7
Г. Зеленцов ХЛЕБ ТРУДНЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ	8
Ю. Надточий СИЛА РОСТА	11
М. Горшкова МОЙ ГЕРОЙ — УРАЛМАШ	16
В. Крапивин ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО. Продолжение	17
В. Нестеренко ТОВАРИЩ РОБОТ, ВАМ ПОРУЧАЕТСЯ...	42
ВЫ СПРАШИВАЛИ...	45
А. Белозерцев ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ	46
ПОЭЗИЯ МАГНИТ-ГОРЫ. Стихи	49
В. Попов УРАЛЬЦЫ В АРКТИКЕ	54
Е. Шумилов ОХАНСК	56
И. Антропов ИРБИТСКИЕ ЯРМАРКИ	57
Е. Кончин ЭКСПЕРТ ЗА РАБОТОЙ	58
Л. Чумичев ГДЕ НОЧУЮТ ГОЛУБИ. Рассказ	60
В. Карпов ВНУЧЕК-ТО ОДИН... Рассказ	64
И. Алебастров, Г. Беляковский ГЕНЕРАЛ СУВОРОВ И АДМИРАЛ ДЖОНС	68
Н. Ламан ФАБРИЧНЫЙ ТЕАТР СТАНИСЛАВСКОГО	70
В. Печенкин НАСЛЕДСТВО МЕЦЕНАТА	74
МИР НА ЛАДОНИ	76
М. Седова ЧУГУННЫЕ МАСКАРОНЫ	80

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 31.10.1980 г.
НС 11634
Подписано к печати 19.12.1980 г.
Бумага 84×108^{1/2}/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 11,1.
Тираж 254000.
Заказ 499.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1 стр. обложки — рис.
С. СУХОВА.

© «Уральский следопыт». 1981 г.

№2 * 1981

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

БОЛЬШИЕ

Беседа с первым заместителем председателя Президиума Уральского научного центра, иленом-корреспондентом АН СССР М. А. Сергеевым

Съезды партии — большое событие в жизни коммунистов, всех трудящихся нашей страны. Партия подводит на съездах итоги трудовых свершений советского народа, вооружает программой на предстоящие годы. В феврале открывается XXVI съезд КПСС. Он обсудит основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года. Курс партии — это курс мира, приумножения материальных и духовных богатств нашей Родины.

— Во всех важнейших документах партии, где определяются экономическая политика страны, стратегия ее развития, Уралу отводится важное место. Наша беседа проходит в преддверии XXVI съезда КПСС. Наверное, уместно начать рассказ об Уральском экономическом районе с его прошлого, чтобы перейти затем к сегодняшним проблемам, к перспективам развития нашего края.

— Урал — один из крупнейших территориально-хозяйственных комплексов Советского Союза. Взгляните на карту: более чем на две тысячи километров протянулась Уральская горная система — от Северного Ледовитого океана до ковыльных степей Оренбуржья. По характеру рельефа, природным особенностям Урал, как известно, делится на Полярный, Приполярный, Северный, Западный, Средний и Южный. Полярный и Приполярный Урал — области пока мало исследованные и крайне слабо освоенные в хозяйственном отношении. Так что когда мы говорим об уральском экономическом районе как крае могучей индустрии, то подразумеваем прежде всего Западный, Средний и Южный, а также отчасти Северный, где сосредоточены крупнейшие промышленные центры, где живет подавляющая часть населения нашего региона.

Ключевые позиции Урала определяются самим его местоположением, геологической структурой. Принято говорить об Урале как об естественном пограничном рубеже, разделяющем европейскую и азиатскую части страны. Но мне, экономисту, представляется крайне важным сделать акцент не на слове разделять, а на слове воссоединять, объединять. Урал является соединительным звеном в цепи хозяйственного механизма, образно говоря, тем мостом, который объединяет в единое целое европейскую часть страны с ее мощно развитым научно-промышленным потенциалом с молоды-

ми, но бурно прогрессирующими экономическими районами Сибири и Дальнего Востока. Достаточно напомнить, в качестве иллюстрации, хотя бы тот колоссальный объем грузопотоков железнодорожного и авиационного транспорта, который принял на свои плечи наш край, особенно в связи с освоением промышленных комплексов Сибири.

На востоке регион связан с колоссальными источниками сырья, топлива и энергии Западной и Восточной Сибири, на западе, повторыю, с центрами научно-технического прогресса, на севере — с районами, имеющими богатые топливно-энергетические и лесные ресурсы. На юге — Казахстан с его мощной минерально-сырьевой базой.

Уральская гряда сформировалась в результате неоднократных горнообразовательных процессов, чередовавшихся с длительными промежутками относительного покоя. Есть на нашей планете хребты более величественные, но мало какой из них может сравниться с Уралом по своим подземным богатствам. Он уникален, это подлинная сокровищница, шкатулка, если вспомнить бажовские сказы, в которой хранятся бесценные клады. Из 55 видов важнейших полезных ископаемых, которые разрабатываются в СССР, 48 представлены на Урале.

Именно богатства нашего края вызвали к жизни заводы и города, наложили решающий отпечаток на характер экономики. В документах ГОЭЛРО, в основу которых были заложены ленинские идеи, отмечалось, что «интересы всего народного хозяйства, регулируемого по определенному государственному плану, выдвигают Урал на первый план, так как положение Урала на границе Европейской России и Сибири с ее необъятными перспективами развития повелительно диктует возможно полное использование его богатств».

В годы первых пятилеток Урал превратился в огромную строительную площадку. Легендарная Магнит-

ПРОБЛЕМЫ БОЛЬШОГО УРАЛА

ка стала символом индустриализации страны. Важно подчеркнуть, что строились не просто новые заводы, а комбинаты-флагманы ведущих отраслей отечественной экономики. Такими стали Уралмаш, Челябинский тракторный, Уральский алюминиевый и вагоностроительный, Березниковский химический и Соликамский калийный, Краснокамский целлюлозно-бумажный заводы и комбинаты.

Создание на Урале новейшего промышленного комплекса сыграло важную роль в период Великой Отечественной войны. Его экономический потенциал резко усилился в связи с эвакуацией в наш край ряда заводов. Уже к лету 1942 года сюда перебазировалось 703 крупных предприятия. Урал стал главным военным арсеналом, кузницей оружия. Здесь производилось 40 процентов всей военной продукции страны, в том числе 60 процентов средних и все тяжелые танки. Каждый второй снаряд, каждая третья пушка были изготовлены из уральской стали.

В послевоенный период наш край получает дальнейшее комплексное развитие...

— Вот мы и подошли, Михаил Александрович, к дням сегодняшним. Хотелось бы с вашей помощью уточнить, что скрывается под понятием Уральского экономического района, какие важнейшие слагаемые определяют его лицо.

— В нашей стране после перехода от совнархозовской системы управления народным хозяйством определено 18 экономических районов, в том числе десять на территории РСФСР. В состав Уральского экономического района входят Курганская, Оренбургская, Пермская, Свердловская, Челябинская области и Удмуртская автономная республика.

Общая площадь района составляет 680,4 тысячи квадратных километров. Он принадлежит к числу наиболее урбанизированных: здесь

расположены 121 город и 224 поселка городского подчинения. Около 75 процентов жителей проживает в городской местности.

Традиционно, еще со времен Демидова, наш край известен своей металлургией. Начнем и мы с нее, тем более, что и сейчас, когда экономика приобрела многопрофильный характер, металлургия тем не менее остается одной из доминирующих отраслей. Район производит около тридцати процентов союзного производства стали, проката черных металлов, чугуна, в последние годы бурно развивается трубостроение — каждая третья вырабатываемая в стране труба носит уральское клеймо.

Древняя отрасль переживает ныне революционные изменения. Строятся крупные производства, совершенствуется оборудование, технология. Коснусь лишь одного, но очень существенного момента. На Урале практически все руды полиметаллические, в них содержатся до сорока ценных компонентов, а существующая технология позволяет извлекать из богатого сырья чаще всего лишь несколько, в цветной металлургии, к примеру, 8—19, а в черной всего 1—2 компонента. Остальное идет в отвалы. Институтом металлургии Уральского научного центра разработана технология глубокой металлизации гранулированных комплексных руд в фильтруемом слое на агрегатах колосниково-конвейерного типа, конечным продуктом которой являются железные и полиметаллические концентраты. По этой технологии из железохромоникелевых руд, например, типа серовских, запасы которых превышают один миллиард тонн, будет извлекаться 89—95 процентов железа, в концентрат перейдет практически весь никель и частично хром. Металлизированные железные и полиметаллические концентраты дадут мощный толчок развитию порошковой металлургии.

От металлургии вполне естественно перекинуть мостик к машиностроению, которое в значительной

мере определяет лицо экономического района, является его сердцевиной, его гордостью.

Урал выдвинулся в первый ряд поставщиков продукции тяжелого, транспортного, энергетического, химического, строительного и дорожного машиностроения. Уже по самому перечню можно судить, что наш край выпускает машины и оборудование для тех отраслей, которые, образно говоря, делают погоду в экономике и составляют ее основу. С помощью этой техники наше государство добывает семьдесят процентов нефти и газа, производит 80 процентов агломерата, непрерывнолитых слябов, автолиста, 70 процентов чугуна, всю холоднокатаную трансформаторную сталь и загонные колеса. Добавим к этому, что почти каждый третий товарный вагон в стране, каждый второй мотоцикл и каждая одиннадцатая легковая машина изготовлены на Урале.

Многие машины с маркой уральских заводов находятся на уровне или превосходят аналогичные образцы зарубежных фирм. Это обжиговые машины, установки непрерывной разливки стали криволинейного типа, блюминги «1300» производительностью в 6 млн. тонн в год, колесо-прокатные станы, рулонированные сосуды высокого давления и другие.

Вместе с тем нас не может не тревожить, что многие машины слишком громоздки, тяжелы (есть такой термин материалоемкость), потребляют много энергии, относительно часто требуют ремонта, весьма дороги в процессе изготовления. Есть все основания предполагать, что в документах съезда будет сказано об улучшении качественных характеристик советского машиностроения. Применительно к нашим условиям мы считаем, что необходимо резко совершенствовать технологию, активно внедряя литые и кованные заготовки, экономно легированные сталь и чугун, вводить новые предприятия для массового производства общемашиностроительных узлов и деталей — редукторов,

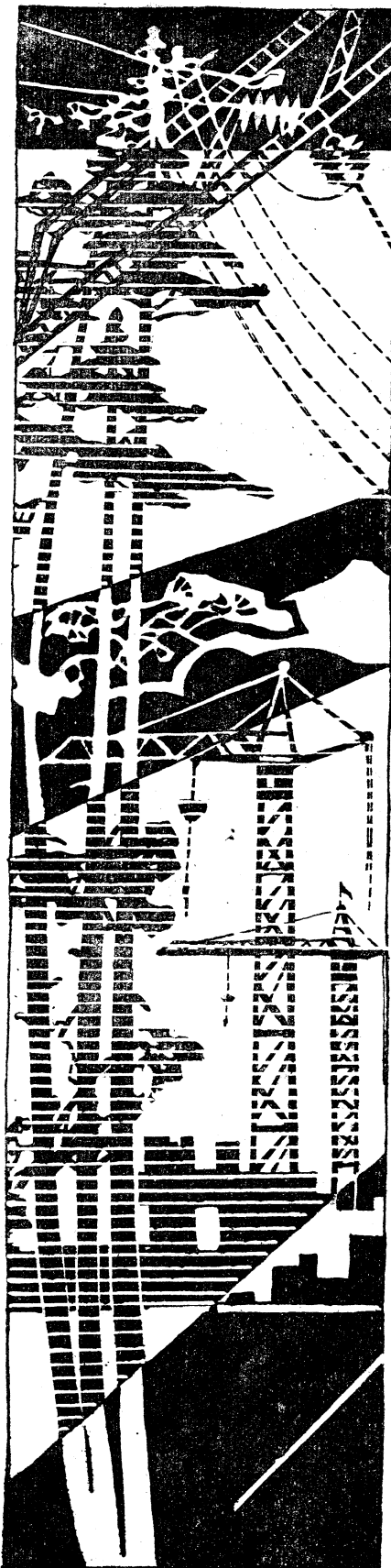
муфт, тормозов и т. д. На наших предприятиях часто еще можно видеть гору стружек. Это не столько результат бесхозяйственности, хотя и такие факты, как говорится, имеют место, сколько крайне суженный сортament сортового, листового и фасонного проката, вследствие чего приходится из крупногабаритной заготовки вытачивать сравнительно маленькую деталь. В таком большом хозяйстве не может быть мелочей. Сейчас, к примеру, сплошь и рядом в машины закладываются цельные валы и оси, хотя без ущерба для надежности их можно и нужно делать пустотелыми, памятуя, что вес при этом снижается на одну треть. Уральским научным центром при участии научно-исследовательских институтов, в частности НИИтяжмаша, разработана целевая программа по машиностроению, в основе которой лежит следующее положение: машиностроение будет развиваться в направлении глубоких, от сырья к готовому продукту, непрерывных процессов производства.

— В последние годы довольно часто слышится расхожая фраза о том, что Урал оскудел запасами. Как отделить здесь зерно от плевел, истинное знание предмета от обывательских домыслов!

— Многие десятилетия, два с половиной века, уральская промышленность работала на собственном сырье. Богатства природы, однако, какими бы огромными они ни казались, не безграничны. Горы Магнитная и Высокая, например, давшие жизнь Магнитогорскому и Нижнетагильскому комбинатам, давно уже не горы, они остались такими лишь в песнях и в благодарной памяти людей. Горы, как говорят в народе, изработались.

Надо честно признать, что интенсивная, далеко не всегда рациональная эксплуатация действующих месторождений, отставание геологоразведочных работ и горнорудной промышленности привели к весьма чувствительным последствиям. Минерально-сырьевая база перестала удовлетворять потребности заводов, особенно это касается железа и меди. Железную руду, например, приходится сотнями тонн завозить с Курской магнитной аномалии и даже с Кольского полуострова. Не надо быть экономистом, чтобы представить, в какую копеечку обходится народному хозяйству эта перевозка, насколько усложняет она и без того напряженный ритм железнодорожного транспорта.

Словом, на повестке дня весьма остро стоит вопрос: обеспечить уральскую металлургию собственным сырьем или продолжить ориентацию на привозное? Точка зрения

уральских ученых в принципе однозначна, мы, безусловно, склоняемся в пользу первого варианта. На чем, собственно, основан наш оптимизм?

Урал давно освоен геологами и, на первый взгляд, здесь нельзя ждать открытий. Но это лишь на первый взгляд. Как ни парадоксально, но наш исхоженный и переходный край, с точки зрения геологии, изучен недостаточно, даже основные месторождения исследованы до глубины 500—600 метров. Между тем, пробное бурение, геологохимические и геофизические данные убедительно свидетельствуют, что рудные тела простираются на значительно большие глубины — до двух тысяч метров и более. Фронт геологической разведки таким образом нацелен сейчас не столько в ширину, хотя и это необходимо, сколько в толщу земной коры.

Наиболее перспективны в настоящее время зауральские месторождения железной руды — Тургая-Качарское, Соколовское и Сарбайское. Но и здесь разведаны пока лишь поверхностные слои. А второй рудный этаж все еще ждет исследователей. Есть все основания предполагать наличие таких запасов руды, которые обеспечили бы сырьем Магнитогорский металлургический комбинат на многие десятилетия. Второй горизонт рудных залежей вскрыт и в одном из старейших районов — Тагило-Кушвинском. Бурение глубоких скважин дало здесь весьма обнадеживающие результаты. Новое мощное развитие должен получить Качканар в связи со строительством второй очереди горнообогатительного комбината. Увеличится разработка сидеритовых руд байкальской группы.

Перспективны геологические запасы для медной промышленности. Здесь наши взоры обращены прежде всего на Южный Урал с прилегающими к нему Башкирией и Северным Казахстаном. Не сказали своего последнего слова и такие старейшие рудники, как Левиха, Дегтярка, имени III Интернационала.

Урал — основная сырьевая база алюминиевой промышленности, единственный в стране район высококачественных бокситов. Важно подчеркнуть, что уральские бокситы включают в себя не только глинозем, но и титан, железо, галлий, скандий и другие редкие элементы. Добыча их весьма сложна: резко различны крепости руд, мощность пластов, известняковая порода склонна к обрушению и т. д. Поисковые работы будут нацелены на глубокие горизонты Северо-Уральского бокситового месторождения и дальше на север, к району Приполярья, где мы вправе ожидать естественного продолжения тех же бокситоносных площадей.

В этой связи уместно сказать, что полярный и приполярный районы привлекают нас не только своими бокситами. Результаты экономико-геологических экспедиций последних лет дают основание говорить о перспективности открытия новых месторождений медных, железных и других руд, коксующихся и энергетических углей. Геологи уже обнаружили на севере проявление более старых рудных и угольных месторождений. Условия для работы и жизни здесь суровые, Приполярье есть Приполярье — отсутствие дорог, жестокие морозы, горы и болота, гнус, но богатства, хранимые в этой природной кладовой, пока нами только чуть-чуть приоткрытые, зовут своих исследователей. Убежден, что многие читатели вашего подросткового журнала, возмужав, найдут свое жизненное призвание на трудных, но выковывающих характер и волю тропах уральского севера.

Наконец, надо отметить, что экономика Урала занимает важное место во внешней торговле. Более четырехсот крупнейших предприятий выполняют заказы зарубежных фирм, направляют свою продукцию в 89 стран мира.

— До сих пор мы вели речь, так сказать, о промышленном облике Уральского экономического района. Но есть Урал и сельскохозяйственный...

— Да, и доля его в народном хозяйстве достаточно весома. Общий объем валовой продукции сельского хозяйства составляет десять процентов от республиканского производства, по площади сельскохозяйственных угодий мы занимаем третье место в республике.

Наш край чрезвычайно разнообразен по своим природным условиям — в этом специфика, в этом проблема сельского хозяйства. В черноземной зоне, куда входят Свердловская, Пермская области, Удмуртская АССР, преобладают картофель, овощи, в южной части региона — зерновые культуры, особенно яровая пшеница. Эта традиционно сложившаяся специализация сохранится и в последующие годы.

Урал не Украина, не Кубань, что, естественно, сказывается на эффективности сельскохозяйственного производства. Потребность населения региона по научно обоснованным нормам обеспечивается только зерном и картофелем.

Магистральный путь развития на селе — интенсификация сельскохозяйственного производства. Это тем более важно, поскольку значительного расширения угодий предвидеть трудно, ибо и сейчас использование земельной площади у нас в три раза выше, чем по стране.

Перевод основных отраслей на промышленную основу, строительство близ городов тепличных хозяйств, животноводческих комплексов, птицефабрик, зоны орошаемого овощеводства и картофелеводства, резкое увеличение поставок минеральных удобрений, организация подсобных хозяйств при производственных объединениях и заводах — таковы пути развития аграрно-промышленного комплекса.

— Коль скоро речь зашла о земле, то, видимо, в самый раз перейти к такой важной теме, как экология. Естественно желание человека видеть землю без отвалов и зияющих провалов, небо без шлейфа черного дыма, пить воду без опаски получить отравление. Ученые нашей страны, всего мира все настойчивее поднимают голос в защиту родной природы. Каков здесь вклад уральских ученых?

— Экология, проблемы экологической ситуации давно вышли за пределы узкотеоретической науки, они активно влияют на все процессы производственной и общественной жизни. В условиях Урала с его насыщенной промышленностью окружающая среда испытывает особо большую нагрузку, и все мы призваны сделать максимально возможное по охране и оздоровлению природы.

Надо признать, что состояние воздушного и водного бассейнов, почвы, растительности в промышленных центрах вызывает серьезную тревогу: велико еще количество вредных веществ, выбрасываемых в атмосферу, загрязнены и потеряли способность к самоочищению многие реки и озера.

Одна из наиболее острых проблем природопользования — водоснабжение. Особенностью региона является то, что по промышленному потреблению воды он занимает первое место среди всех экономических районов страны.

Исследования показывают, что в Уральском экономическом районе достаточно естественных водных ресурсов. Однако резко отстает развитие водного хозяйства, а оснащенность предприятий и городов очистными сооружениями значительно ниже, чем в среднем по РСФСР. Встает неотложная задача форсировать строительство Нижне-Сысертского, Больше-Аштинского, Долгобродского, Янгельского, Кувандыкского и других водохранилищ, совершенствовать системы оборотного и повторного водоснабжения, безотходных технологических процессов. В 12-й пятилетке предполагается завершить перевод всей промышленности Урала на бессточные системы. Все эти задачи архисложные, требующие больших капи-

тальных затрат, целеустремленных усилий многотысячного отряда работников. Как легко понять, весь этот комплекс мер дает не только большой экономический эффект — по нашим подсчетам 200 млн. рублей в год,— он прежде всего направлен на охрану здоровья людей.

Забота о чистоте рек — забота всего общества. Мне представляется, что многое здесь могут сделать и юные читатели журнала. Скажем, истоки рек. Даже самые большие реки начинают, как известно, свой путь с маленького родника. Очистить, благоустроить истоки рек, пробудить к жизни десятки, сотни ручейков — все это вполне по силам школьным, пионерским коллективам. В такой конкретной шефской работе и воспитывается любовь к природе, чувство хозяина земли.

Уральским научным центром разработана комплексная программа «Воды Урала», актуальность которой я только что подчеркнул. Но, разумеется, влияние человека, его хозяйственной деятельности на природу более масштабно, всеохватывающе, оно затрагивает почву, атмосферу, животный и растительный мир. Вот почему составлена программа «Урал-биосфера», суть которой сводится к тому, чтобы выработать единую стратегию жизни человека в изменяющейся среде, разработать систему охраны наиболее ценных ландшафтов и пути формирования ландшафтов будущего, редких видов растений и животных. Она рассчитана до двухтысячного года и объединяет усилия 65 академических и отраслевых институтов, вузов, предприятий, организаций Урала и других областей страны.

Коснусь чуть подробнее некоторых аспектов этой проблемы. Урал располагает значительными лесными ресурсами, на его долю приходится около пятнадцати процентов общесоюзных заготовок. В последние годы наш богатый фонд начинает истощаться — сказываются систематические перерубы леса. Выход мы видим в том, чтобы сократить объем заготовок, компенсируя в значительной мере это снижение рубками промежуточного пользования, а также, что особенно хочется подчеркнуть, более комплексным использованием древесины. Сейчас около сорока процентов отходов, а отходы здесь очень не точное слово, все это ценное сырье гниет, сжигается, попадает на свалку.

Интенсивная добыча и переработка полезных ископаемых привела к тому, что в Свердловской области, например, площадь под отвалами и карьерами составляет более 66 тысяч гектаров, причем, цифра эта, судя по всему, будет возрастать. Пример-

но половина этих земель может быть восстановлена, разумеется, в известных пределах, естественным путем, так сказать, самозарастанием, а другая половина нуждается в активной биологической рекультивации. У нас есть успешный опыт в этом отношении. В частности, хорошо прижились лесные насаждения, высаженные десять лет назад по рекомендации ученых Карпинским лесхозом на отвалах месторождений бурого угля.

Рекультивация земель, увеличение естественного воспроизводства рыбы в Обь-Иртышском бассейне, состояние атмосферы крупных городов, расширение функций мониторинга — государственной системы наблюдения и контроля за качеством и чистотой окружающей среды — эти и другие важные проблемы входят в комплексную программу «Урал-биосфера».

— Комплексный подход, как мы понимаем, означает концентрацию усилий ученых и средств на решение важнейших проблем Уральского экономического района. Видимо, он характерен не только применительно к экологии...

— Разумеется... Уральским научным центром разработано семь целевых программ, две из них были только что названы. Существовавших целевых программ, как «Недра Урала», «Черная металлургия Урала», «Комплексные проблемы машиностроения», я так или иначе также коснулся в нашей беседе.

На Урале сейчас сложился крупный научно-технический потенциал. Помимо Уральского научного центра здесь сосредоточено более 250 научных, проектных и конструкторских институтов и учреждений, 50 высших учебных заведений.

Прочный союз науки и производства жизненно необходим как промышленности, так и самой науке. Вот почему первостепенное значение мы придаем контактам науки и производства — в десятой пятилетке заключено 4500 хозяйственных договоров и договоров о сотрудничестве. Настоящей базой УНЦ стал Уралмаш с его огромным индустриальным потенциалом. Многие научные разработки проходят здесь промышленную апробацию и после доводки получают путевку в жизнь. Генеральные договоры оформлены с Уралхиммашем, Уралэлектротрактормашем и другими предприятиями.

В последние годы в деятельности нашего центра становится ведущей ориентация на отрасль, когда результаты научных исследований становятся достоянием не одного предприятия, а в целом ведомства, министерства. Генеральные догово-

ры заключены с министерствами цветной металлургии, геологии РСФСР, Государственным комитетом по труду РСФСР, совместные исследования ведутся с министерствами электронной промышленности, автомобильной, а также текстильной промышленности нашей республики. Экономический эффект от такого сотрудничества проиллюстрирую одним примером. Внедрение магнитной системы для устройства, позволяющего соединять нити, только на одном Яковлевском льнокомбинате позволит сберечь государству два миллиона рублей, а в целом по Российской республике — 60 миллионов.

Коль скоро речь зашла о «рентабельности» науки, то целесообразно назвать такой обобщающий показатель: каждый затраченный рубль на внедрение результатов фундаментальных исследований, проводимых Уральским научным центром, дает более трех рублей экономического эффекта. При этом улучшаются условия труда, повышается социальный комфорт. Стоит однако предостеречь от опасного заблуждения измерять труд ученого одним лишь рублем. Целый ряд фундаментальных исследований в области естественных и общественных наук не имеет прикладного характера, внося тем не менее большой вклад в достижение высшей цели Коммунистической партии — улучшение жизни и благосостояния советского народа.

В мае 1980 года коллегия Госплана СССР рассмотрела на своем заседании вопрос о внедрении разработок Уральского научного центра АН СССР в народное хозяйство страны и о развитии производительных сил Урала в одиннадцатой пятилетке и на более длительный период — до 1990 года. Предложения уральских ученых будут учтены при завершении работы над проектом основных направлений экономического и социального развития страны в предстоящие годы.

В решениях XXV съезда партии подчеркивалась возрастающая роль науки в условиях развитого социализма, указывалось на то, что советская наука должна способствовать увеличению материального и духовного богатства нашего народа. Нет сомнения, что это положение с новой силой будет развернуто в документах XXVI съезда КПСС. Всемерно содействовать этой высокой цели, оказывать все возрастающее воздействие на многогранную жизнь нашего большого индустриального региона — в этом смысле, призвание и долг уральских ученых.

**Беседу вели
А. МОТЫРЕВ,
С. ФЕДОРОВ**

*Рисунки
Т. Анпилоговой*

У О Г Н Я

Борис
КОРТИН

См. 2-ю стр. обложки

Уж как ни удивлялся вогул Яков Савин, открывший, по преданиям, несметные богатства магнит-камня на горе Высокой, не меньшее удивление, вероятно, вызвал бы у Савина взгляд на сегодняшний Нижний Тагил, говоря словами Д. Н. Мамина-Сибиряка, «широкой картиной развернувшийся у самого подножия Урала, как самое близкое и самое дорогое его каменному сердцу дитя».

Глубокими корнями уходит история рабочего города в железодельный промысел, питающийся соками замечательного уголка земного шара, где «на таком сравнительно очень незначительном пространстве природа с истинно безумной щедростью расточила свои дары». Во всем мире славилось выпускавшееся здешними мастерами железо марки «Старый соболь».

И сегодня — постучись в любой тагильский дом — обязательно найдешь горняка, металлурга или металлообработчика.

Почетная задача выпала строителям Свердловской области — соорудить на тагильской земле первый отечественный стан мощностью один миллион тонн проката в год, провести реконструкцию кислородно-конверторного комплекса.

Сложное задание! Но в том, пожалуй, и заключался захватывающий азарт покорения новой высоты — в техническом паспорте «широкополки» было записано: «ежегодно сэкономит народному хозяйству 100 тысяч тонн металла»... Ради этого стоило засучить рукава. Так в материалах XXV съезда КПСС и записано: «...осуществлять ввод в эксплуатацию новых мощных металлургических агрегатов».

Оператор конвертера Юрий Дежин внимательно изучил документацию о металле, который предстоит выплавить.

Сегодня сталь пойдет в цех прокатки широкополочных балок. Уникальная продукция, Юрий читал об этом в заводской многотиражке, будет использована при сооружении объектов Байкало-Амурской магистрали, Нечерноземья и Тюменского Севера. Требования к качеству металла повышенные, так что конвертерщикам оплошать никак нельзя. Поправки на недавнюю реконструкцию, на незавершенный процесс освоения большегрузных сталеплавильных агрегатов не принимались.

Дежин взбежал по трапам на главный пост управления конвертером. Уже издали приветливо помахал оператору из смежной бригады Саше Сорокажердеву.

— Хорошо идет... Чтобы не сглазить, — по-своему понял тот приветствие.

Агрегат делал первые после реконструкции самостоятельные шаги. Его еще многому предстояло обучить.

— Сообразительный малый, — кивнул Сорокажердев на конвертер, — быстро привык к рукам. Вот наладился с сырьем, знай подставляй ковши — рекой пойдет сталь...

Дежин еще раз оглядел приборы. Хотел было присесть в операторское кресло, но вместо этого отодвинул его в сторону: рассаживаться сегодня не придется.

Юрий хорошо видел орудовавших возле «груши» сталеваров. Вот торопливо подошел к ним мастер Юрий Вахрушев. Совсем недавно был подручным у Дежина, учился на вечернем отделении филиала Уральского политехнического института; теперь, став дипломированным инженером, осваивает должность мастера.

Недавно они всей бригадой проводили в заграничную командировку его предшественника Василия Васильевича Волонковича. Многие тагильские конвертерщики передают свой опыт металлургам братских социалистических и развивающихся стран. Об уральцах с благодарностью вспоминают зарубежные ученики. Анатолий Шмухаметов получает дружеские письма из Индии, Авет Воробьев — из КНДР, Анатолий Кулаков — из Ирана. Почтальоны приносят в цех конверты с марками Алжира, Турции, Болгарии.

На смену уехавшим заступают их «дублиеры», в основном — молодежь. Вот и Вахрушева черед настал...

— Привет, тетка, — слышит Дежин его голос, — о марке стали уж знаешь? Знаешь, тогда поехали...

Гагаринское «поехали» прижилось во многих профессиях. Прочно пустило оно корни и у металлургов. Звучало это заветное слово при испытаниях тагильского блюминга «1500», при горячем опробовании «широкополки», первой плавке четвертого конвертера. Звучит не только в дни пуска, звучит — в будни. Не приходится. Сложные химические

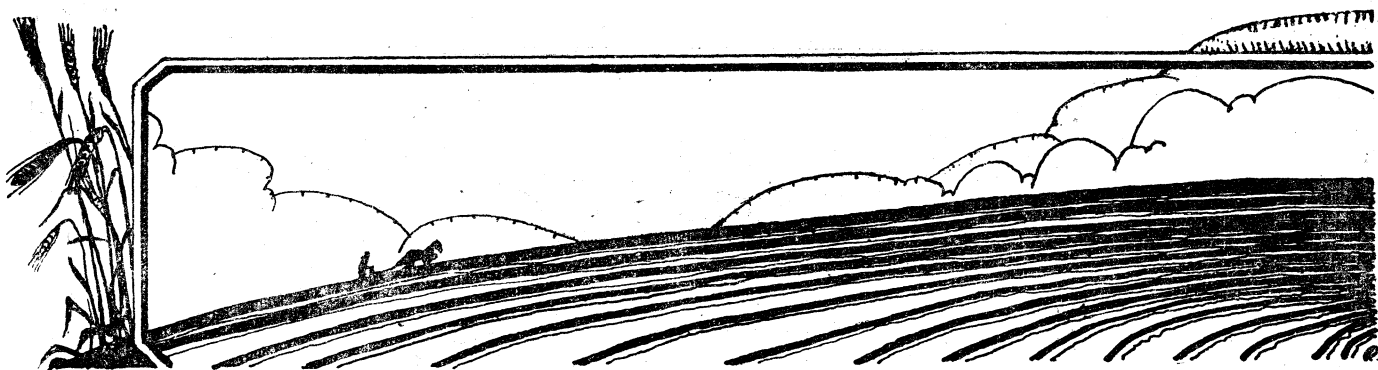
задачи решает Юрий в уме. Кипит в конвертерной «груше» стальное варево. Чутко прислушивается к его пению оператор.

Перед выпуском металла в стали должно быть не ниже 0,10 процента примеси. Высокого мастерства требует это самое балансирование на уровне сотых долей процента.

Одна стадия плавки сменяет другую. Вот уже не видно из горловины агрегата дыма — значит, кислород выжег из металла ненужное. Начинает выгорать углерод. Чем ярче пламя, тем больше углерода. Искры появились, шаловливо заиграли бенгальским огнем. Дежин научился по этому огню и искрам «пристреливаться» к параметрам по углероду, судить о температуре металла. Сегодня варится «10-я спокойная», значит, нижний температурный предел для нее 1585 градусов, а верхний — на 15 больше. Попробуй попади в такой режим! Не каждому удается. Дежин — лауреат премии Ленинского комсомола «за высокие производственные показатели и освоение выплавки новых марок стали». Именно его комсомольско-молодежная бригада, возглавляемая старшим сталеваром Михаилом Кузьмичем Мацуковым, первой в цехе покорила высоты проектных мощностей реконструированных конвертеров. За смену они выдали небывалое — двадцать плавок! Затем этот рубеж перешагнула бригада делегата XXV съезда КПСС, лауреата Государственной премии СССР старшего сталевара В. А. Журавлева, другие коллективы.

...В 1969 году после окончания Нижнетагильского ГПТУ-93 пришел восемнадцатилетний комсомолец Юрий Дежин в конвертерный цех. Четырнадцать их было — молодых ребят с новенькими дипломами конвертерщиков. Десятеро здесь трудятся и по сей день. Служили в армии. Вернулись. И, как видим, успешно трудятся.

В нижнетагильском городском архиве хранится папка № 1753, среди материалов которой есть выписка из решений Верхотурской земской управы, датированная 1890 годом. Царские чиновники пессимистично заключали: «Нижнетагильск сыграл свою роль в истории края, будущее его неопределенно». Промашка с прогнозом вышла. Город — это люди. А люди — растут. И закаляются у огня.

ХЛЕБ ТРУДНЫЙ

О нравственной силе, о преемственности поколений земледельцев, о месте в борьбе за трудный сибирский хлеб молодежи села рассказывает секретарь Алтайского краевого комитета ВЛКСМ Александр Сираш.

Немного в стране найдется мест, где природа столь разнообразна. Алтай — это полупустыни и высокогорные альпийские луга, могучие ледники и леса, величественные долины и чистейшие озера. Природа определила и занятия человека. На обширных равнинах — в Кулундинской, Алейской, Рубцовской степях — люди издавна растят хлеб; черная тайга, Алтайские горы дали возможность развивать лесное хозяйство, заниматься мараловодством, овцеводством, добычей полиметаллических руд.

Алтай — это целый комплекс промышленного и сельскохозяйственного производства. Он дает стране мощные тракторы, котлы и станки, отличный сатин и ситец, химическое волокно, масло, сыры, мед.

Несколько десятилетий назад сибиряки и думать не думали растить яблоки, смородину, вишню, малину, черноплodную рябину. Рассуждали: «Где уж тут сады разводить — зима-то вон какая суровая, морозы за сорок градусов держат-

ся месяц, а то и два, летом жара, как в Сахаре». А ученые Алтая — сотрудники института садоводства Сибири имени академика М. А. Лисавенко — опровергли давным-давно устоявшееся мнение здешнего крестьянина — распространили по всему краю свои сорта плодов и ягод, отлично чувствующие себя и в стужу, и в засуху.

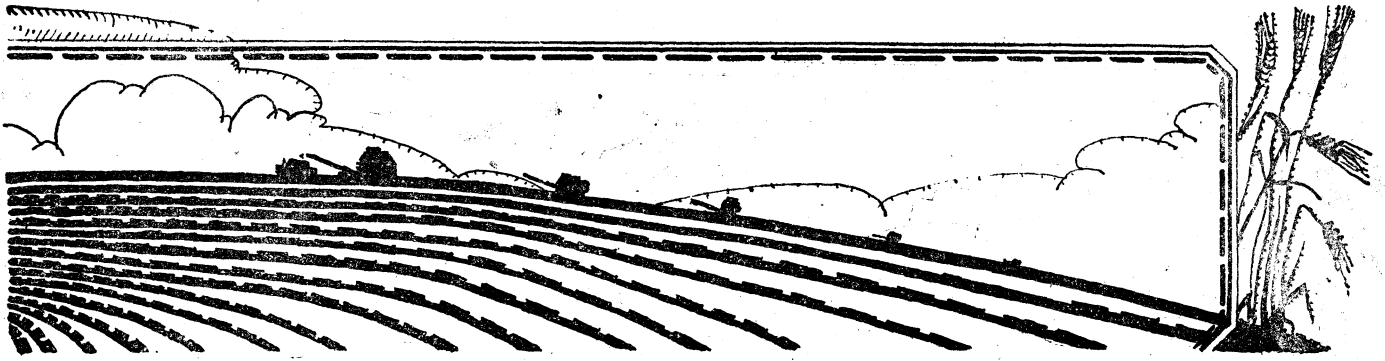
И все-таки один из главных символов нашего края — хлебный колос. Богатство, сила, гордость и слава Алтая — хлеб, трудный и все же счастливый сибирский хлеб.

Есть у нас в крае священное место, Ильичевым полем называется. В далеком двадцать втором году этот небольшой участок в 196 гектаров, принадлежавший коммуне «Свобода» Славгородского уезда, впервые был распахан не крестьянской сохой, а мощным по тем временам трактором. Его прислал коммунарам Владимир Ильич Ленин. И теперь образцовое Ильичево поле символизирует собой начало новой, советской эры сибирского земледелия. Каждую весну и осень десятки сельских парней и девчат дают здесь клятву служить родной земле честно. Тысячи молодых хлеборобов по праву считают себя активными участниками замечательного пат-

риотического движения юношей и девушек — «Превратим нивы Алтая в Ильичево поле отличного качества!»

Поразительны судьбы людей нового села. Достаточно, к примеру, назвать имена Семена Ефимовича Пятницы или первой женщины-трактористки края Варвары Максимовны Бахолдиной. Не одно поколение последователей вывели они на широкую дорогу жизни. Любовь к сельским профессиям, к хлебу прививается человеку с ранних лет. Можно много рассказывать о системе воспитания юношества, целом ряде комсомольских начинаний, достигающих хорошего эффекта. Пока скажу о главном — большой разговор о хлебе как нравственной категории, мерило благородных поступков человека неослабно ведется с первых целинных дней, с тех пор, когда в Алтайскую степь прибыли добровольцы из Москвы, Ленинграда, Украины, Поволжья, Свердловска, Челябинска и других городов и республик нашей страны. К обширному полю края добавился тогда солидный «кусочек» — без малого три миллиона гектаров. И сейчас, когда на просторных нивах Алтая работают не только первоцелинники, но и их дети и уже дети их детей, с особым чувством воспринимаются слова Леонида Ильича Брежнева:

И СЧАСТЛИВЫЙ

«Люди растили хлеб на земле — земля растила людей».

Вроде бы не хотел часто обращаться к истории, а без этого не получается, потому что проследить крестьянскую жизнь можно только на примере нескольких поколений, сделать какие-то выводы, найти источники, объясняющие тот или иной факт, явление, опять-таки можно на основе сравнений: как было и как стало.

Последние два десятилетия краевая комсомольская организация одной из своих главных задач считает закрепление молодежи на селе. Это ответственное поручение, данное ей краевым комитетом партии, выполняется с энтузиазмом, но без излишней горячности, торопливости. Торопливость здесь пошла бы только во вред, потому что дело это касается жизненного уклада сибирского села, у которого есть и светлые, и темные стороны. Светлые — преданность человека земле, при любых, самых невероятных ситуациях он не покинет поля, как бы тяжело не пришлось. В то же время обезкураживает вот такая крестьянская философия: мы натерпелись всякого — хватило через край, — так пусть хоть дети наши не видят и не знают всего этого, пусть едут в города, ищут свое счастье. И дети ехали, и искали свое счастье. Не найдя его в чу-

жих местах, приставали к родным берегам. Философия эта была гордой. Терялись лучшие молодые годы. В лице приезжего паренька или девушки город зачастую так и не приобретал достойного работника, а село тем временем задыхалось от нехватки крепких рук. Миграция населения достигла угрожающих размеров. В некоторых хозяйствах дело доходило до того, что даже на посевную — операцию менее трудоемкую и более быстротечную, чем уборка урожая — приходилось приглашать людей со стороны.

И сельские комитеты комсомола взялись тогда за нелегкое дело — повернуть молодежь лицом к своему родному хозяйству, к своей деревне, к отчужденному дому, наконец. Излишне говорить, что на селе стали быстро расти культурно-бытовые центры, животноводческие комплексы, пополнялся машинно-тракторный парк. Такое можно встретить в Сибири повсюду. Но мы пошли дальше. Нисколько не умаляя воспитательного значения школы, основное внимание уделяем семье, ибо считаем, что именно в ней формируется отношение молодого человека к земле, под влиянием отца и матери в основном складывается его представление о сельском труде. Комсо-

мольские активисты в содружестве с работниками культуры стали устраивать целые циклы семейных праздников — от рождения ребенка до посвящения сына или дочери в хлеборобы. А результаты, вот они. В прошлом году выпускники покровской средней школы Ключевского района (совхоз «Путиловский») всем классом остались в селе, пошли на курсы механизаторов. Часть ребят была направлена на учебу в сельскохозяйственные вузы и техникумы совхозными стипендиатами. Нынче — то же самое. В покровской восьмилетней школе все преподаватели уроженцы села. Не одно это хозяйство славится на Алтае своими (не приезжими!) кадрами.

Работа с молодыми хлеборобами не заканчивается праздником посвящения в профессию. Создаются комсомольско-молодежные полеводческие звенья. Во время уборки урожая ими руководят освобожденные шефы-наставники из числа опытных и уважаемых кадровых механизаторов. Заканчивается осенняя страда, и молодежное звено идет на курсы механизаторского всеобуча, пополняет знания.

В прошлом году краевым научно-методическим центром народного творчества и культурно-просветительской работы совместно с комсомольскими организациями прово-

дилось небольшое социологическое исследование. Для примера взяли два соседних района с примерно равными условиями. В одном районе воспитательная работа велась по-настоящему, на совесть, в другом — почти ничего не делалось. И наши прогнозы подтвердились — Павловский район (он был взят за образец) практически не испытывал недостатка в кадрах, тогда как его сосед находился в бедственном положении.

Не берусь утверждать, что успех павловчан зависел только от количества и качества проведенных воспитательных мероприятий. Нет, конечно. Факторов, прямых и косвенных, влияющих на закрепление молодежи на селе, много. Настолько много, что порой даже теряешься перед ними.

В свое время нас одолевали сомнения: а не внешнее ли это благополучие в работе с молодежью, ведь, как говорят, каждому в душу не заглянешь. Возможно, у парня или девушки настрой на сельскую жизнь временный. Мол, поработаю несколько лет, оправдаю заботу о себе и подамся в город. Но время — самый лучший барометр — опровергало эти сомнения. Молодежь не отработывала, она героически работала и продолжает работать на своей земле.

В связи с этим вспоминается один любопытный случай. Накануне уборки урожая 1980 года в Каменском районе состоялся большой праздник — проводы хлеборобов в поле. Здесь же около 100 молодых людей — выпускников школ, СПТУ-19 — были посвящены в земледельцы. Среди них две девушки. Одна из них, Татьяна Ненуженко, дочь знатного механизатора, Героя Социалистического Труда Анатолия Максимовича Ненуженко. Тогда Татьяна сказала так: «Не думайте, что мне, дочери Героя, захотелось умножить заслуги отца, сыграть на его славе. Конечно, я горжусь отцом. Но решение остаться работать в селе — мое, собственное. В поле выйдем семейным звеном».

Осенняя страда — венец хлопотному и бесконечно трудному делу

хлебороба. Нелегко приходится людям, которые убирают урожай. Механизаторы не жалеют себя, чтобы до дождей, которые всегда выпадают не ко времени, до сибирских снегов и морозов (они тоже нередки в сентябре) успеть убрать хлеб. У земледельца в это время даже мысли такой нет — смириться с непогодой, оставить драгоценное зерно в поле. И начинается тогда работа от зари до зари. И каждый страданный день и час отмечен рекордами. Земледельцы работают, как велит совесть.

Приведу разговор, который состоялся при встрече с молодежью Героя Социалистического Труда, первого секретаря Шипуновского райкома партии Василия Тимофеевича Христенко (ныне заместитель председателя Алтайского крайисполкома). Был задан вопрос: «Что же такое подвиг?» «На этот счет очень много ответов дает литература, — сказал В. Т. Христенко, — но я буду кратким. Подвиг — это исполнение своих обязанностей в, казалось бы, безвыходном положении. На днях я побывал в соседнем районе, которому наши механизаторы помогают убирать хлеб. Председатель одного из колхозов не уставал дивиться работе парней. Спрашиваю у Володи Савинова, недавнего выпускника СПТУ, как потрудились. «Неплохо работается. Только вот роса выпадает рано. До двух часов ночи берем хлеб, а могли бы и дольше». Это и есть подвиг».

Возвращаясь к роли сельской семьи, хочу отметить еще, что родители в последние годы охотнее отдают своих детей в профтехучилища. А ведь совсем недавно картина была совершенно иная. Даже школьные учителя писали в характеристиках такую вот нелепицу: «Особого интереса к знаниям не проявлял, сможет учиться только в СПТУ или ГПТУ» А этот, с точки зрения учителя, «равнодушный» молодой человек на поверку оказывался добросовестным работающим парнем. Не припомню случая, чтобы кто-то из выпускников сельских ПТУ края из-

менил своей специальности, хлеборобскому долгу, отправился на поиски легкой жизни.

Все меньше сельских ребят уезжают в город. Более того, есть факты, когда выпускники городских школ края обращаются с просьбами направить их на работу в село. Но здесь опять должен действовать наш главный принцип — не спешить. Вопрос этот ох как непрост. Он связан с человеческими судьбами, а мерить их одной меркой непозволительно.

Постепенно, год от года, растворяются, исчезают бесследно теньевые стороны сельского уклада, родительская забота о детях все больше связывается с заботой о крестьянском труде. Отцы и матери видят в сыновьях и дочерях своих продолжателей, хозяев той земли, на которой они живут. И все больше подтверждается истина: хлеб начинается не с сева, не с уборки, хлеб начинается с равнодушного отношения к нему человека.

Записал Г. ЗЕЛЕНЦОВ.

Рисунок
В. Ганзина

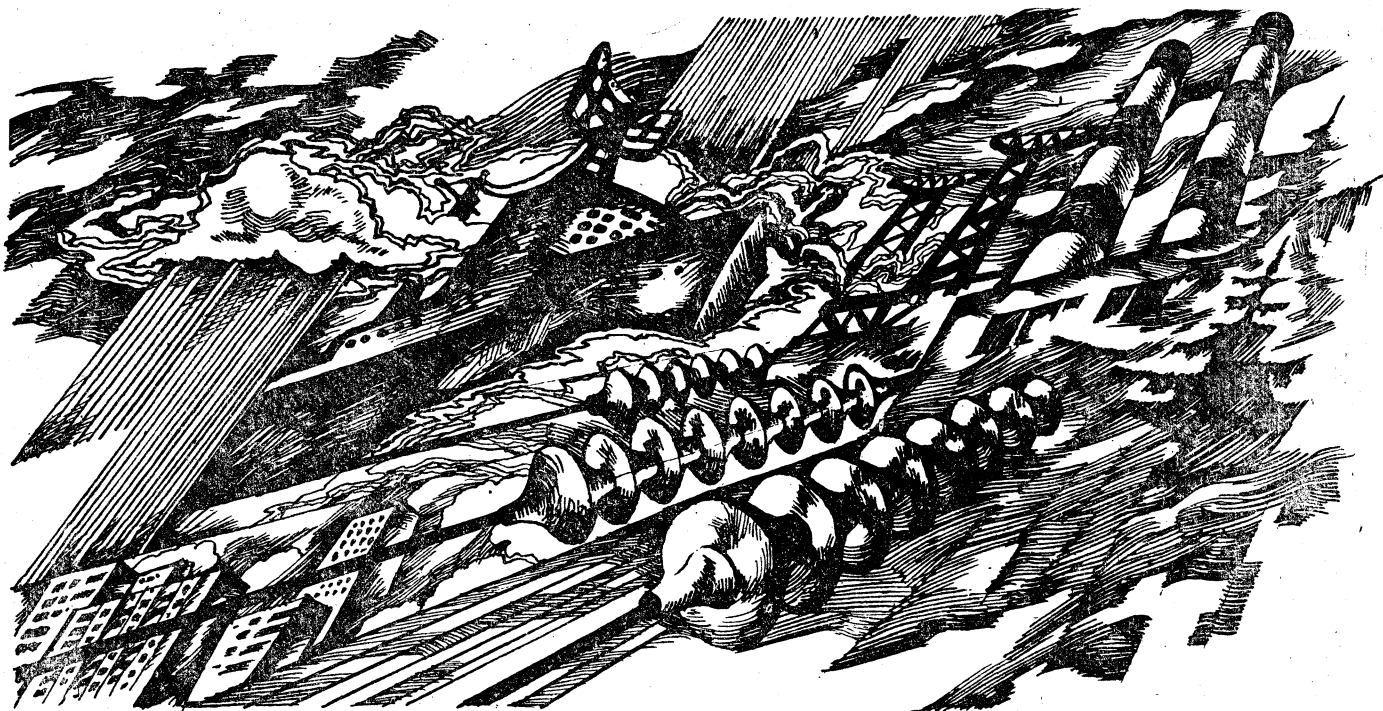
СИЛА РОСТА

Юрий
НАДТОЧИЙ

Рисунки
С. Сухова

**...УСКОРИТЬ СТРОИТЕЛЬСТВО
И ОСВОЕНИЕ РЕАКТОРОВ
НА БЫСТРЫХ НЕЙТРОНАХ.**

Основные направления развития
народного хозяйства СССР
на 1976—1980 годы

В июне прошлого года в Свердловске состоялся слет молодых публицистов страны. Сразу после встречи участники слета разъехались на крупнейшие стройки и промышленные объекты. Среди публицистов был и наш автор, инженер Юрий Надточий, побывавший на Белоярской АЭС.

Публикуем его очерк.

Мимо ворот атомной электростанции шли мальчишки с корзинами грибов. Бетонные блоки производственных корпусов поднимались над сосновым лесом, водой, казались необычайно легкими. Опоры ЛЭП уходили к соснам, провода прогибались плавными кривыми, вычерченными по огромному лекалу.

У первой опоры, которая несла на себе в объединенную энергосистему Урала ток Белоярской атомной электростанции, стоял стожок сена и рядом с бетоном и сталью хранил в себе запах завянувшей полыни, мать-мачехи, медовой кашки. Молодые парни, таких я встречал на стройках Тюмени, на БАМе и КамАЗе, спешили через проходную, туда, где глядело на них с фронта станции лицо человека, который сказал: «Не призракам разрушения, а светлым идеалам созидания должен служить завовавший человеком атом».

Лицо Курчатова.

Под барельефом слова: «Я счастлив, что родился в России и посвятил свою жизнь атомной науке Страны Советов».

В 1980 году вспоминается про-

зрение академика В. И. Вернадского: «Недалеко то время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет. Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетие».

Перефразирую Вернадского, корректирую его слова во времени, получаю: «Атомная энергия... дает возможность человеку строить свою жизнь, как он хочет».

На Харасавее, на далеком заполярном Ямале, довелось мне увидеть среди зимы караван судов, пробившийся с грузами через льды к газовым месторождениям с севера Тюменской области. Суда привел атомный ледокол «Арктика». Буровики принимали грузы, из тунд-

ры, из полярной ночи примчались на оленьих упряжках ненцы-оленьеводы, кружили тропы вокруг ледокола, повторяли:

— Атомоход — саво.

И по русски:

— Атомоход — хошошо!

Вторая половина двадцатого века... Поиски новых видов энергии завершаются пуском первой атомной электростанции на 5 тысяч киловатт. И тут же выкладки прогнозов, которые доказывают, что человечеству к 2000 году потребуется не менее 5—6 миллиардов киловатт. И уточнение: доля атомных электростанций составит 2—3 миллиарда киловатт.

...Гул генераторов, поднимающиеся к небу бездымные трубы вентиляции. Первая очередь АЭС, вторая очередь АЭС. Вторая очередь качественно отличается от первой. По мощности, совершенству технологии. Она еще очень молода. Ей меньше года.

...Центральный щит управления третьего блока второй очереди Белоярской атомной электростанции. Работает вахта Александра Андреевича Макарова.

У секретаря комсомольской организации атомной Сергея Щербина я спросил, сколько молодежных вахт на новом блоке.

— Пять вахт, — ответил Сергей.

— Из скольких?

— Из пяти. А всего на станции тридцать три молодежных коллектива.

Сергей улыбался, гордился этой комсомольской силой, произносил:

— Самая перспективная станция в стране. — Он задумался, продолжил, как о чем-то глубоко личном. — И в мире.

Светятся экраны дисплеев, выбрасывают зеленые, красные, сиреневые цифры — параметры работы реактора, турбогенераторов. Анализирует полученную информацию, идущую с сотен датчиков, от технологических каналов СИУР, Владимир Селиверстов, поглаживает сосредоточенно светлые казацкие усы.

Записывает в тетрадь полученные данные начальник смены реакторного цеха Виталий Константинович Толстоногов.

Я тоже записываю. Составляю краткий список сокращений, принятых на любой атомной электростанции Советского Союза.

СИУР — старший инженер управления реактором.

СИУТ — старший инженер управления турбиной.

СИМ — старший инженер-механик.

ДЭМ — дежурный электромеханик.

ТВЭЛ — тепловыделяющий элемент.

А вот сокращение, которое употребляется только на Белоярской АЭС имени И. В. Курчатова.

БН-600.

Или — третий блок.

Или — вторая очередь Белоярской атомной электростанции.

Хочу расшифровать запись как можно короче, чувствую, что тремя словами здесь не обойтись.

Горы отходов отягощают планету, напоминают, что у природы нет отходов, толкают ищущую мысль к созданию безотходных производств.

Главный инженер Белоярской АЭС Валентин Ипполитович Купный говорил об отходах урана, вернее, о той его части, которая до недавнего времени считалась отходами, бесполезной отвальной породой.

— В природном уране основную часть, более девяноста девяти процентов, составляет изотоп урана с порядковым номером 238 и только 0,71 процента приходится на долю урана с номером 235, который сейчас служит горючим в тепловых реакторах на атомных электростанциях. Современные тепловые реакторы могут реализовать не более 1,2 процента заключенной в урановом топливе энергии.

Главный инженер писал формулы, показывал движение нейтронов, открывал другой, невидимый и бесконечный, космос, в нем неслись свободные нейтроны, разбивали ядра урана, отдавали им свою энергию, высвобождали — большую. Отвалы бесполезной породы превращались в новое вещество.

Алхимики средневековья, одиночки, тратившие жизни на поиски «философского камня», что бы выдали, чтобы услышать этот разговор?

— Реакторы на быстрых нейтронах позволяют использовать весь природный уран. Они превращают отвальный уран в более калорийное топливо — плутоний. Более калорийное, чем уран двести тридцать пятый.

Валентин Ипполитович делает паузу, заканчивая фразу:

— Сжигая считанные килограммы урана с номером 238, мы можем получить до полутора килограммов плутония. Создание современных реакторов на быстрых нейтронах, эксплуатируемых совместно с реакторами на тепловых нейтронах, повысит выработку энергии с тонны природного урана в 20—30 раз.

Так постепенно расшифровывалось значение краткой аббревиатуры БН-600. Самый крупный в мире промышленный реактор на быстрых нейтронах мощностью в 600 мегаватт. Или — в шестьсот тысяч ватт. Производящий электроэнергию и, одновременно, горючее для своей дальнейшей работы, для других, новых, более мощных реакторов.

Наша страна занимает лидирующее место в строительстве АЭС с подобными реакторами. Во всем мире они признаны одной из главных перспектив энергетики.

— Почему не главной? — с осторожной увлеченностью спрашивал я Валентина Ипполитовича.

— Кроме атомной, или, правильнее, ядерной энергии, есть еще термоядерная. Как атомная энергетика вытесняет тепловую, так и термоядерная вытеснит атомную.

Такое разъяснение вводило в перспективу, заставляло думать, что человечество, может быть, только стоит на подступах к полному освоению энергии.

— Все естественно, — неожиданно улыбался Валентин Ипполитович, — в двадцать три года я, например, поступил работать после института на тепловую электростанцию, в двадцать восемь — на первую очередь нашей АЭС с реактором на медленных нейтронах, теперь осваиваю БН-600.

Взгляд его опять падал на датчик, возвращал в сегодняшний день.

— Как проходит освоение?

— По графику. Физика и инженерная часть реактора, всего оборуду-

дования разработана советскими специалистами. Оборудование изготовлено на советских заводах. Освоение для нас — это обкатка техники, создание коллективов, обслуживающих технику. А так как к технике и персоналу замечаний нет, то освоение проведем в кратчайший срок.

Что ж, видимо, более полного ответа я и не мог ждать. Хотя Валентин Ипполитович продолжил его:

— Большинство работников на БН-600 — члены ВЛКСМ.

Каков он, современный комсомолец, на сложном, спроектированном на будущее, производстве? Что отличает его от парня, строившего Магнитку, осваивавшего целину? Что связывает его с ним, запечатленным на мелькающей киноленте с лопатой в руках, утрамбовывающим ногами первый бетон в основание первой советской ГЭС?

...Удивительное спокойствие царит у щита управления. Ни одного резкого движения, изредка неторопливый, вполголоса обмен мнениями. Старшие по опыту и занимаемой должности здесь не приказывают, а советуют. В то же время ни минуты расслабленности.

Толстоногов, всегда сдержанный, интеллигентный, изредка подходил к СИУРу, смотрел с ним на экран, видел схему реактора.

— Кстати, БН аргончиком надо подпитать.

Расшифровываю: БН — бак буферный натриевый. Представляю, как внутри реактора ходит по замкнутым контурам применяющийся в качестве теплоносителя активный, опасный в обращении металл натрия, получает тепло от тепловыделяющих элементов, на них идет распад урана, нагревается до пятисот пятидесяти градусов, отдает тепло воде.

— Водичку надо прижимать.

Делает очередную пометку в журнале распоряжений оператор Витя Лаутеншлагер, нажимает клавишу телефона, связывается с рабочим персоналом реактора и турбины.

Технологическая цепочка идет дальше, к двадцатипятилетнему Александру Иннокентьевичу Добрынину, высокому, крепкому, действительно похожему на былинного Добрыню, с той, пожалуй, разницей, что в руках у нашего Добрынина

управление работой трех турбин блока.

Александр Макаров встает со своего места, подходит к Лаутеншлагеру.

— Витя, проверьте шестую петлю.

Макаров и Лаутеншлагер живут в одном доме, соседи. Вряд ли на лестничной площадке они обращаются друг к другу на «вы». Но здесь работа. А она требует уважения к делу, уважения к людям, работающим с тобой, уважения к себе, уважения к технике.

А суть должности начальника вахты БН-600 Макарова как раз и заключается в организации надежной экономичной и безаварийной работы. Так кратко записано в инструкции для начальников вахт. Но Макаров-то знает — для надежной работы нужна надежная вахта.

Под началом Макарова тридцать человек. И не только у щита управления, но и в реакторном отделе, в цехе тепловой автоматики и измерения, в электроцехе, турбинном...

На улице, в толпе его, пожалуй, еще можно назвать молодым человеком. На станции он серьезный от-

ответственный руководитель. Прошел все ступеньки, по которым обязательно поднимается молодой инженер на атомной электростанции, по частям постигал ее сложный механизм.

— А ведь сначала хотелось прямо по блоку управления на руках пройтись. И к совету мог не прислушаться, и на замечание обидеться. А совет-то был правильный, и замечание — тоже. А техника наша такая, что на любое движение реагирует, мы к ней как к равноправному партнеру относимся.

Смотрю на Лаутеншлагера, думаю, что он и сейчас бы не прочь пройтись на руках. Ах, Витя, твоя сдерживаемая с трудом энергия говорит о нарождающейся зрелости. Так и выходит, что человек создает новую технологию, но и технология способствует рождению нового человека.

Впрочем, как потом скажет начальник цеха наладки и испытания оборудования станции Эдуард Иванович Собин: «Вся технология нового блока, принципы управления им с самого начала были рассчитаны на молодых. На их темп работы, знания, психологию. Не надо забывать, что напряжение, испытываемое оперативным работником на АЭС, особенно на блоке с быстрыми нейтронами, не меньше, чем у летчика на скоростном самолете. И молодые инженеры с благодарностью откликнулись на доверие».

Здесь чистота, лампы дневного освещения, стекло, пластик и непрекращающаяся ядерная реакция, заключенная в глубины реактора. Отсеченная от человека надежнейшими системами биологической защиты, метрами стали и бетона.

— Что в первую очередь, на ваш взгляд, характеризует работу специалиста на атомной электростанции? — спрашиваю Толстоногова.

Виталий Константинович отвечает не задумываясь, казалось, он заранее был готов к ответу.

— В любой ситуации мы знаем, что делать, и в любой момент знаем, что делать дальше. На любую ситуацию рассчитана и система управления станцией и ее защита. Даже на самую экстремальную.

— Но случайность...

— Нелогичных случайностей быть не должно. Слишком велика ответственность.

Результаты тщательного дозиметрического и радиометрического контроля, научных исследований свидетельствуют, что радиационная обстановка в зонах свободного режима атомных электростанций (например, на щите управления) ничем не отличается от помещений других промышленных объектов. Сюда даже водят экскурсии, но все равно на стене блока управления висит приклеенный лейкопластырем черный квадратик дозиметра фотоконтроля.

Нелогичных ситуаций быть не должно, нельзя терять бдительности.

...У двадцатитрехлетнего инженера-оператора Валерия Сидорова привычное для него занятие. Провзрелое звание выпускника Уральского политехнического института Олега Лаврского. Для работы на блоке вспомогательных систем.

У Валерия еще юношеские пухлые губы, по-мальчишески стоптанные тапочки, но вряд ли это замечал Олег, он запоминал каждое слово и движение своего наставника. Блок предназначен для очистки натрия, направляет его в закрытые, замкнутые контуры реактора.

— Давай давление.

— Пробую.

— Ну, потихонечку.

— Пошел расход.

И у обоих одинаково невозмутимые лица.

Натрий отдавал тепло воде, пар на выходе нагревался до 505 градусов, устремлялся на турбину. Натрий двигался противоточно по отношению к воде и пару, полузабытые знания из невнимательно пройденного в школе учебника химии выбивались из закутков памяти, напоминали, что активный металл натрий при контакте с водой взрывоопасен.

— Еще раз проверим схему.

Теперь я вижу волевой подбородок Валерия, высокий лоб Олега.

Валерий пришел на станцию в 1978 году после окончания Томского политехнического института. Как раз в это время набирался персонал на третий блок. По образованию он теплоэнергетик, специальность —

атомные электростанции и установки. Родился и жил в таежном поселке Катайга Томской области. Мать у него бухгалтер в леспромхозе, отец всю жизнь проработал кузнецом. Ну и что ж, отец имел дело с металлом и молотом, сын обслуживает атомный реактор. Вполне естественная современная ситуация.

Такая же как у стажирующегося на начальника смены электроцеха Михаила Овчинникова. Из Челябинска. Мать учительница, отец — мастер на лакокрасочном заводе... А сын с восьмого класса знал, что пойдет в энергетику.

— Никого в родне энергетиков не было, — удивлялся Михаил, радовался своей удаче.

— А что, кроме энергетики, есть в твоей жизни?

— Главное — энергетика. А еще спорт. Я перворазрядник по стрельбе. А еще — общественные поручения, добровольная народная дружина. Вот спрашивают, опасна ли наша работа? Повышенную зарплату ведь так просто не платят. Думаю, что без толку болтаться по улицам куда опасней. По крайней мере, для души. А заняться у нас в поселке, кроме работы, есть чем. Прекрасный Дворец культуры «Ровесник», плавательный бассейн, стадион, на котором тренировалась олимпийская сборная по волейболу. А какая рыбалка, какие леса! И все рядом. Наше производство не влияет на природу.

Почти все разговоры, которые вспоминаются здесь, на блоке управления, проходили после смены, у аппарата дозиметрического контроля, похожего на рентгеновскую установку. Только вместо экрана на нем таблички с надписями, которые показывали, что может быть загрязнено у моих собеседников.

«Руки», «ноги», «тело»...

Парни проходили через аппарат один за другим.

«Руки», «ноги», «тело» были чистыми.

«И души», — подытоживал я про себя.

Молодые специалисты, которые в расцвете сил стали командирами производств, будут встречать следующий взк. Прошедшие через хитроумные тесты и сложные тренаже-

ры, сегодня берущие на себя новые скорости и ритмы. Что определяет вас в первую очередь, на чем испытываются характеры, которым создавать иную, высшую, по сравнению с сегодняшней, техносферу?

Я готовил этот вопрос для Эдуарда Ивановича Собина, он руководил подготовкой выпускников Челябинского, Томского, Уральского политехнических институтов для работы на БН-600, ждал сложных, не совсем понятных объяснений.

— Какие люди не могут работать на атомных электростанциях?

— Нечестные, — просто ответил Эдуард Иванович.

Вот так, все верно. Чем сильнее становится человек, тем больше требуется от него истинно человеческих качеств.

— Есть ли у нас ошибки? Конечно, есть. Но каждая ошибка это звонок, который заставляет действовать. Здесь нужна деятельная инициатива, на которую способен только человек-индивидуальность. Человек-индивидуальность в коллективе.

В книге «Атомные электростанции», выпущенной двадцать лет назад, я нашел такие слова:

«Серьезные трудности сооружения и эксплуатации ядерных реакторов на быстрых нейтронах задержали распространение этих установок. Но когда посредством расширенного воспроизводства будет осуществлено полное использование урана, включая уран-238, то энергетические ресурсы атомной энергетики превзойдут, по крайней мере, в 4—5 раз ресурсы запасов минерального топлива. Стоимость ядерного топлива снизится до очень малой величины... Как ни сложна задача полного использования ядерного топлива, можно не сомневаться в том, что так или иначе, а она будет решена, раз над ее решением во многих странах мира трудятся десятки тысяч людей — ученых, инженеров и рабочих».

Есть у нашей атомной энергетики своя точка отсчета. 27 июня 1954 года. Пуск первой в мире атомной электростанции. Начало истории атомной энергетики.

Теперь в этой истории записана еще одна дата. 8 апреля 1980 года. Пуск крупнейшего в мире промышленного

реактора на быстрых нейтронах, с расширенным воспроизводством ядерного горючего.

Из разговоров с работниками станции, коротких информаций в газетах, из записей в журналах распоряжений стараюсь восстановить хронике пуска, напряженные дни и часы.

5 апреля 1980 года. В 01 час 25 минут начинается комплексное опробование системы защит и блокировок. Имитируются различные аварийные ситуации, при которых оборудование должно автоматически отключаться, реактор — расхолаживаться. Во время этих испытаний отрабатывается взаимодействие всех систем и оборудования турбинного, реакторного цехов, цехов тепловой автоматики и измерений.

6.20 утра. После аварийного расхолаживания реактор вновь выводится на минимальную контролируемую мощность.

8.00. Следующий этап программы — испытание защит и блокировок парогенераторов.

12.35. Запись в журнале начальника смены станции: «Работа систем безопасности на 4, 5, 6 парогенераторах опробована. Испытания прошли без замечаний».

7 апреля. 03 часа 05 минут. Получен перегретый пар с парогенераторов. Мощность реактора — 171 мегаватт.

7.50 утра. Производится остановка блока для устранения обнаруженных дефектов в системе управления реактором.

23.30. Мощность реактора доведена до 100 мегаватт.

8 апреля. 6.30 утра. Ведется подготовка к толчку 5-й турбины собственным паром.

7.55. Перегретый пар с парогенератора подается на турбину. Есть толчок турбины.

Вот как писала об этом моменте газета «Мирный атом».

«Заместитель начальника турбинного цеха В. А. Плотников и В. М. Бурт — шеф-инженер с Ленинградского металлического завода, где была изготовлена турбина, вручную открывают клапан, через который пар подается на турбину. Стрелка тахометра движется к цифре 500. Число оборотов вала турби-

ны в минуту. После выхода на эту скорость начинаются замеры параметров. Турбину осматривают, проверяют. Убедившись, что все в порядке, турбинисты увеличивают подачу пара. Число оборотов возрастает до 1200. Следующий рубеж — 2100. И нормальный режим 3000 оборотов.

Теперь слово за электриками. Они должны включить турбогенератор в сеть.

На блочном щите вахтой руководит начальник смены Вадим Федорович Чичигин. Дается команда трехминутной готовности. Начальник смены электроцеха Борис Михайлович Липанов подходит к пульту управления генераторами. Включает синхроскоп, прибор, который должен показать, когда частота оборотов на турбине и напряжение на турбогенераторе совпадут с частотой и напряжением электрического тока в энергосистеме. Этот процесс называют синхронизацией, и как только он произойдет, турбоагрегат автоматически включится в сеть».

12 часов 24 минуты. Запись в журнале начальника смены: «Синхронизация. Начало промышленной эксплуатации БН-600».

Я иду по главной улице поселка энергетиков, улице Ленина. У Дворца культуры «Ровесник» толпятся парни и девушки. Сегодня вечер молодежи, который проходит под девизом: «Твоя улица — часть твоей родины». В поселке я живу на улице Курчатова. Теперь это — часть моей родины. Там я сяду на маршрутный автобус, который везет вахту к станции. Через час Макаров будет принимать смену у Чичигина.

Вадим при встрече посерьезнеет и скажет:

— Режим, который мы набрали, держать и не терять.

Макаров улыбнется, ответит:

— Постараемся. Постараемся найти более оптимальный режим.

— Ну-ну, — удивится Чичигин.

— Именно так, — еще больше улыбается Макаров:

Из динамика раздается команда: «Вахте номер четыре смену сдать, вахте номер один смену принять».

А я вспоминаю слова Рабиндраната Тагора: «Самая могучая сила в человеке — сила роста».

МОЙ ГЕРОЙ - УРАЛМАШ

Маргарита
ГОРШКОВА

На вкладке репродукции
А. Нагибина

«Строительница Уралмаша». Так называется небольшая картина С. Я. Адливанкина, показанная на выставке в голубом зале заводского Дворца культуры.

Картина написана в то далекое, ставшее теперь легендарным время, когда молодая Страна Советов закладывала фундамент социалистической экономики. По первому пятилетнему плану на Урале и в Сибири создавалась угольно-металлургическая база. Строился Уралмаш.

Внимание художника привлекла молодая девушка, вероятно, как и большинство строителей, приехавшая на стройку из далекой, глухой деревеньки. И ничего, что в руках ее лопата, заторой ей предстоит перекидать гору земли, что ноги ее обуты в неуклюжие башмаки, а на руках грубые рукавицы, — лицо девушки лучится ясной, чистой улыбкой, в фигуре спокойная уверенность. Уверенность и вера в то, что завод будет построен, что ее трудом и трудом ее товарищей будет построен социализм.

В праздничный день пуска завода, 15 июля 1933 года, уралмашевцы услышали приветствие великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького. Он писал: «Горячий привет строителям Уралмашстроя!

Вот пролетариат-диктатор создал еще одно сооружение, которое явится отцом многих заводов и фабрик».

И действительно Уралмаш стал «отцом заводов». Он выпускает такое оборудование, которое позволяет создавать новые заводы. Не перечислить всех уголков земли, где работают уральские машины. На Кольском полуострове уникальная буровая установка «Уралмаш-15000» прошла скважину глубиной десять тысяч метров, двигаясь к заданной отметке «15000». На Назаровском разрезе в Сибири шагающий экскаватор ЭШ-100-100 одним поворотом стрелы переносит сразу сто кубометров на расстояние двести метров.

Закономерен и понятен поэтому интерес художников к заводу и его людям.

Свердловские художники — живописцы, графики, скульпторы — ча-

сто приходят на завод, они там свои. Творческие бригады художников многие месяцы провели в цехах, рядом с громадными станками, грохочущими прессами, пышущими огнем печами. Знание жизни большого завода помогло понять людей, заглянуть в душу героев картин и по своему рассказать на полотне, бумаге, в камне о современном рабочем.

Индивидуальность восприятия и интересы художников многообразны. Одни пытаются воссоздать картины первых лет и даже дней строительства завода, других привлекает современность. Разнообразны и жанры произведений. Здесь пейзаж, заводской пейзаж, портрет и групповой портрет, натюрморт. Различны технические и стилиевые приемы.

На выставке были представлены работы художников разных лет. Среди участников не только свердловчане.

Большая часть произведений передана в заводскую картинную галерею.

На нашей вкладке — репродукции некоторых произведений выставки.

Художник-график Алексей Афанасьевич Казанцев — ровесник Уралмаша. Он не мог видеть, как начинался завод, но воображение по своему рисовало то трудное время, и вот создан офорт «Первые землянки на Уралмашинстрое. 1927 год». Графический лист интересен органичным сочетанием натюрморта и пейзажа.

Художник не показывает на листе работающих людей, но они словно присутствуют здесь.

На картине известного живописца и графика Юрия Ивановича Пименова «В часы досуга» — молодые женщины, беседующие за чашкой чая. Атмосфера взаиморасположения, доброты, душевности царит в просто и скромно обставленной комнате.

Ю. И. Пименов — признанный мастер жанровых полотен. В Свердловской картинной галерее хранятся еще две его картины. На них художник тоже запечатлел уралмашевских тружениц.

Женские образы Пименова на-

делены особой теплотой, поэтичностью, полны духовной и физической красотой. Детали одежды, обстановки, будь то цех или жилище, дают зрителю возможность проникнуться ощущением времени.

Нина Васильевна Костина давно прикипела душой и сердцем к Уралмашу. Завод — герой ее картин. «Посвященные в рабочие» — групповой портрет уралмашевцев разных поколений, созданный художницей. Торжественность родившейся в наши дни традиции — посвящение в рабочие — подчеркивается всем строем картины: ритмом четко выстроенных фигур, контрастом белого и красного цвета, обилием света. Белый и красный цвет — символы чистоты и торжества — создают приподнятое, праздничное настроение. Праздничен и ветеран с наградами за честный труд, и девочки-пионерки, и девушка с пышными бантами.

Герои торжества — ребята с красными лентами через плечо — уверены и спокойны: они приняли эстафету от поколения отцов и будут самоотверженно работать на благо Родины.

Доброго вам пути, молодые рабочие!

Выставка привлекла внимание тружеников Уралмаша, книга отзывов пестрит восторженными записями: «Отлично!», «Хорошо!».

А ветеран труда кузнец Тимофей Лукьянович Олейников написал: «Я ценю труд художников, как труд кузнецов и сталеваров...»

А. А. КАЗАНЦЕВ
Первые землянки
на Уралмашинстрое.
Офорт.

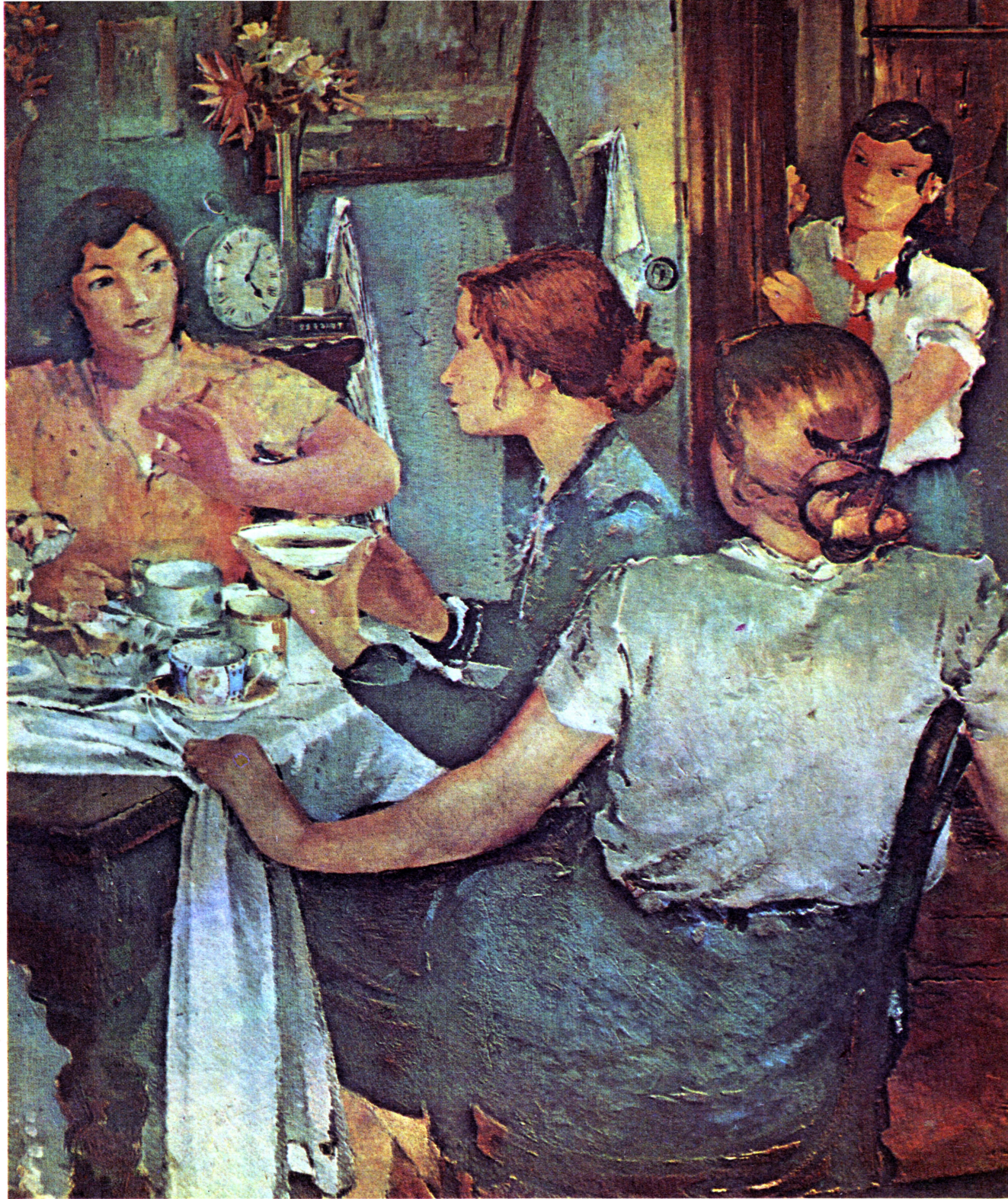

С. Я. АДЛИВАНКИН
Строительница Уралмаша.
Холст, масло.

Е. И. ГУДИН
Строительство Уралмаш-
завода. Холст, масло.

Ю. И. ПИМЕНОВ
В гостях. Холст, масло.

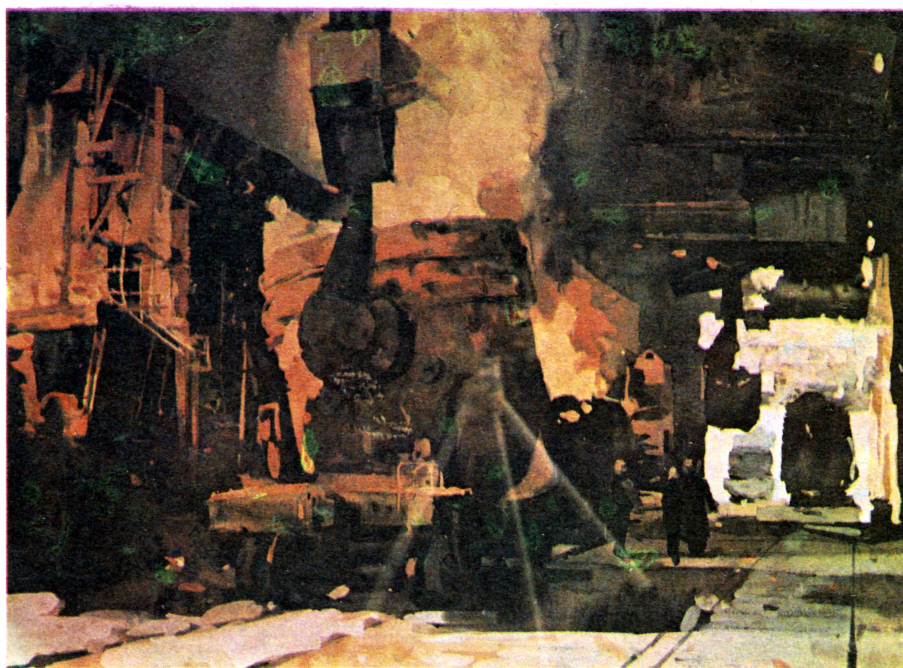

С. С. КИПРИН
Минута отдыха. Линогравюра.

В. О. МАМОНТОВ
Лауреат премии Ленинского комсомола токарь
УЗТМ В. И. Бондарев.
Холст, масло.

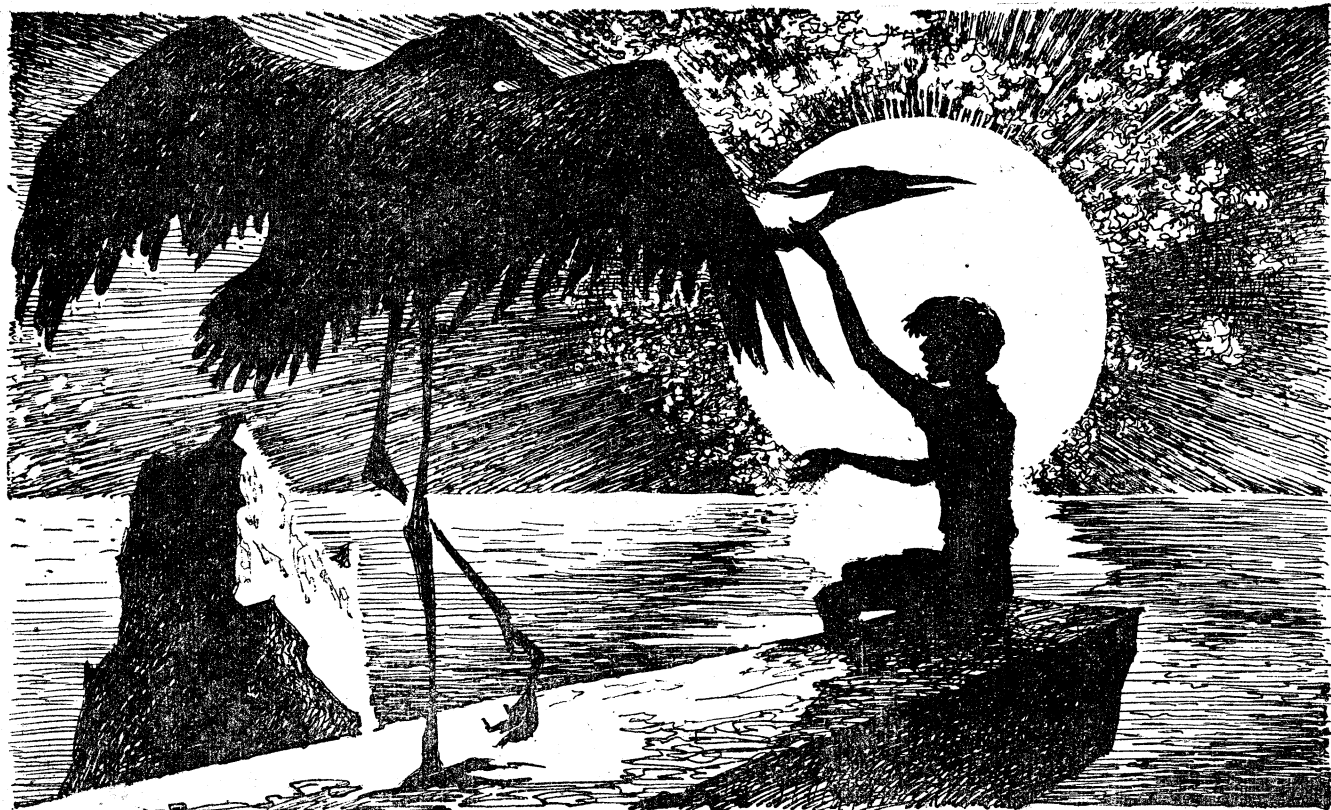
Д. М. ИОНИН
Из серии «Уралмаш—
завод заводов». В горя-
чем цехе. Бумага, аква-
рель, гуашь.

Н. В. КОСТИНА
Посвящены в рабочие. Холст, масло.

**Владислав
КРАПИВИН**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО

Искатель истины

Я долго шел через лес. Иногда идти было нетрудно: попадались ровные лужайки, а порой наткался я на полузаросшие тропинки. Но случалось, что путь загромождали частые кусты и лианы. Приходилось продирается. Сворачивать я не хотел, старался идти прямо на северо-восток.

Через несколько часов я совсем измотался. Стояла душная жара. Кожа у меня горела от всяких ядовитых колючек. Был я такой исцарапанный, что квартальный воспитатель номер восемь,

Продолжение. Начало см. № 1.

наверно, при виде меня грохнулся бы в обморок.

Часто попадались прохладные ручейки, и жажда меня не мучила, но зато ужасно хотелось есть.

Когда же кончится этот проклятый лес? Утром он казался мне добрым, ласковым, а сейчас был, как враг.

Я выбрался на полянку и упал в траву. Просто ноги уже не держали. Я лежал, уткнувшись лицом в пахучую зелень, и думал: «Хоть бы ягод каких-нибудь найти...» И вдруг услышал легкие шаги. Совсем не похожие на шаги Птицы.

Конечно, я испугался. Но убежать и прятаться не было сил. Я посмотрел через траву. По лужайке шел сгорбленный старик в длиннополом сером халате. Халат был подпоясан жгутом, скрученным из сухой травы.

Старик шел прямо ко мне. Когда я это понял, то собрал последние силы и встал.

Старик посмотрел на меня водянистыми глазами и сказал:

— Мир тебе в этом лесу. Ты устал?

— Да,— прошептал я.

— Если хочешь, пойдём ко мне. Поешь и отдохнешь.

Он повернулся и зашагал, не оглядываясь. Не очень резко, но и не тихо. И трава, будто сама собой, расступалась перед ним.

Я подумал, что могу попасть в руки врагов. Но, постояв секунду, поспешил за стариком: очень уж хотелось есть.

Скоро мы оказались у лесной хижины. Три стены ее были сложены из замшелых камней, а передняя сплетена из веток. В плетеной стене была дверь и небольшое оконце. На пороге старик оглянулся и сказал:

— Входи в мой дом...

Я вошел. Было просторно и полутемно. В дальнем углу возились какие-то животные — не то овцы, не то козы. Пахло сухой травой и дымом.

— Садись, где нравится,— предложил старик.

Я оглянулся, увидел топчан, покрытый тряпьем, и сел. Прислонился к бугристой каменной стенке. Камни сквозь майку охладили спину. Старик молча поставил рядом со мной глиняную миску, кусок хлеба и деревянную ложку.

Я взялся за еду. Это была теплая сладковатая каша, не знаю, из какой крупы. Когда я выскреб донышко, старик дал мне кружку холодного молока.

«Позвал в дом, кормит,— подумал я.— А знает ли он, кто я такой?» Будто в ответ на эти мысли, старик сказал.

— Ложись, отдохни. В этом доме тебя никто не тронет.

И я перестал бояться. Да и что оставалось делать, когда глаза сами закрывались от усталости? Я скинул сандалии и свернулся калачиком на тряпках...

Синели сумерки, когда я проснулся. Старик возился у очага. Его жидкие седые волосы казались золотыми от огня. Не оглянувшись, он проговорил:

— Ты хорошо поспал. Ноги больше не болят?

Нет, ноги не болели. Только немного ныли и чесались царапины. Я чувствовал, что силы вернулись.

— Спасибо. Теперь пойду...— сказал я.

— Куда ж к ночи? Живи до утра.

— А далеко отсюда до берега?

— До твоего берега?— странно спросил он.— Часа два пути. Но идти лучше утром...

«Он, кажется, все про меня знает»,— подумал я. Подошел к очагу и сел напротив старика на корточки. Он не удивился. Спокойно глянул на меня и стал ворошить горящие сучья. У него были худые щеки, редкая борода, костистый лоб почти без морщин. Зато ниже лба, на всем лице, морщин было очень много. При свете очага они казались глубокими и черными.

Я спросил:

— Вы лесник?

— Я отшельник.

Мне приходилось читать, что отшельники никому не причиняют вреда.

— Значит, вы живете здесь один и молитесь богу?— спросил я.

— Нет,— спокойно сказал старик.— Я не молюсь. Я пока не уверен, что бог есть. Просто я ищу Главную Истину.

— Что?— не понял я.

— Главную и Вечную Истину,— хмуро, но терпеливо повторил он.— В чем смысл бытия.

— А-а...— сказал я.

Отшельник быстро взглянул на меня.

— Разве ты понимаешь, о чем я говорю?

— Что же тут не понять?

— Ты тоже думал об этом?

— Было как-то,— сказал я.

Отшельник снова опустил голову и пошевелил в очаге сучья.

— Все равно,— вздохнул он.— Никто не знает ответа...

Но я знал ответ. Мама мне объяснила эту истину давным-давно — года два назад. Это случилось, когда меня ошаршила мысль: зачем живет человек, если все равно умрет? Я два дня ходил как пришибленный, а временами такая тоска брала, что прямо хоть головой о камни. Мама, наконец, увидела, что я сам не свой, стала расспрашивать. Ну, я не выдержал, рассказал о своих мыслях.

Мама посадила меня на колени и серьезно объяснила:

— Это с каждым человеком бывает: однажды у него появляется такой вопрос...

Но мне было не легче от того, что это с каждым...

Мама сказала:

— Каждый надеется дожить до глубокой старости. А тогда человек уже так утомлен и спокоен, что умирать ему не страшно.

— Да не в том дело, что страшно! — крикнул я. — Просто обидно! Живешь, живешь, а потом — ничего.

— Вовсе не ничего, — возразила мама. — У человека остаются дети. У тех детей будут еще дети, много новых людей. А все люди — которые были, которые сейчас живут и которые потом будут, составляют человечество. А человечество будет всегда, оно бессмертное.

Но меня это не успокоило. Я не понимал, зачем оно, человечество. Зачем, если люди, которые будут жить потом, тоже станут мучиться от таких же вопросов, как я? Все равно будут спрашивать: зачем живет человек?

И мама сказала:

— Человек рождается, чтобы радоваться жизни. Смотри, какое чистое небо, какая весна, смотри, сколько на земле интересного. Когда радуешься, разве ты спрашиваешь, зачем? Радуешься, вот и все.

Я подумал, что это правда. Но тут же вспомнил, что не у всех людей жизнь радостная. У ко-

го-то сплошное горе, а он все равно живет. И сказал об этом маме.

Мама вздохнула:

— Конечно, всякое в жизни бывает... Бывают беды и несчастья, но люди с ними спорят и все равно стремятся к радости... А самая большая радость, Женька, это любовь...

— Какая еще любовь? — недовольно спросил я. Книжки и кино, где бегают на свиданья и целуются, я терпеть не мог. Мама засмеялась:

— Всякая. Когда человеку очень нужны другие люди: мама и папа, друзья, дети... Вот мы с папой тебя любим и точно знаем, зачем живем. Чтобы ты вырос хорошим человеком и был счастлив... Но не только для этого, конечно! — смешно спохватилась она. И серьезно добавила: — Вообще надо стараться жить, чтобы другим от тебя что-то хорошее было. Ясно?

Нельзя сказать, что все мне было ясно. Однако главное я, кажется, понял. И я прыгнул с маминых колен, потому что жить в самом деле было интересно. Я вспомнил, что ребята строят за гаражами робота Федю с пузатым самоваром вместо головы, и побежал на улицу...

Сейчас, глядя на отшельника, я подумал, что хорошо бы все это ему объяснить. Но не решил-

ся. Мне показалось, что он со мной не согласится. Я только спросил:

— А зачем вам Главная Истина?

— Как зачем? — удивился он. — Чтобы знать.

— Ну да... А зачем знать? Что вы с ней будете делать, когда узнаете?

Он утомленно объяснил:

— Истина — это не вещь. С ней ничего не надо делать. Ее надо осознать, вот и все.

Я боялся его обидеть, но очень уж было непонятно, и я нерешительно спросил:

— А потом что?.. Вот у нас во дворе если ребята что-нибудь интересное придумают, они сразу бегут к другим и рассказывают. Иначе какой прок?.. А вы ведь живете один... Или вы потом пойдете к людям?

Отшельник покачал головой:

— Не пойду. Главную Истину каждый должен искать для себя сам... И откуда я знаю: вдруг мое открытие принесет другим людям вред? А я не хочу никому делать ни добра, ни зла.

Я удивился:

— Зла — это конечно. А почему добро не сделать?

— Потому что все должно идти своим чередом, — вздохнул Отшельник. — Не следует вмешиваться в движение событий...

— Но вы же... вот вы помогли мне. Разве это не добро?

Отшельник опять быстро взглянул на меня.

— Не знаю, — сказал он. — Это вышло само собой... Выпей молока и ложись. Поспи до утра...

Утром Отшельник снова покормил меня и сказал:

— Теперь ступай с миром...

— А куда идти?

— Иди, как шел. Лучше держись тропинок. А вообще-то здесь одна дорога... Не сворачивай со своего пути, а то попадешь в Заколдованный лес. Кто туда попадет, все на свете забудет... Прощай.

И я снова пошел на северо-восток.

Были на пути все те же деревья, заросли и лужайки. Но теперь лес опять показался мне красивым и добрым. Все чаще попадались тропинки.

Где-то через час я увидел высокую кирпичную стену с разрушенными зубцами наверху. Тропинка вела прямо к железной ржавой калитке.

Что там за калиткой? Люди, опасность? Или долгожданный берег моря?

Я постоял и осторожно надавил плечом теплое железо. На плечо посыпались чешуйки ржавчины, дверь со скрипом отошла.

За ней оказался все тот же лес. Видимо, стена была остатком старой крепости или заставы...

Потом попала на пути еще одна стена — с разрушенной башней и тоже с калиткой. И опять за ней — ничего, кроме леса.

Когда я увидел третью стену, а в ней деревянную дверь с большими ржавыми заклепками, меня даже досада взяла. Сколько можно? Издевательство какое-то! Где он, этот северо-восточный берег?

Я с разбега ударил в дверь ладонями. Она отошла неожиданно легко, и я пролетел вперед несколько шагов.

...И оказался на треугольной площади столицы.

Вдоль домов стояли рядами молчаливые люди, а посреди площади возвышалась розовая пирамида на колесах. Перед ней в какой-то нелевой, изломанной позе застыл Крикунчик Чарли.

Площадь

Меня сразу крепко взяли за локти.

Крикунчик, вздрагивая ногами и дергаясь, завопил:

— А, вот он наш «герой»! Вот он, наш «храбрец»! Посмотрите, почтенные горожане! Он пришел вовремя! Теперь все поняли, что бесполезно бегать от правосудия? Он хотел убежать, ха-ха! Он не знал, что любого, кто нарушил равновесие порядка, все дороги приведут сюда! Вот на эту миленькую колесницу с уютной площадочкой наверху!

На верхней площадке розового эшафота стоял здоровенный парень в черном трико и ярко-желтом капюшоне. Если бы не этот капюшон, парень был бы похож на конькобежца. Впрочем, конькобежцы не бывают с мечами, а этот поставил перед собой сверкающий большой меч и держал свои лапы в желтых перчатках на перекладине рукояти.

Меч был кривой и походил на громадный охотничий нож...

В общем, это выглядело не очень страшно. Как в театре. Это казалось бы даже забавным, если на сцене. Но это было, кажется, всерьез.

Все случилось так быстро, что я даже не испугался сначала. Просто обмяк и перестал надеяться на спасенье. Меня повели к помосту, подтолкнули, и я на слабых ногах поднялся на верхнюю площадку.

Посреди площадки торчал толстый пень, а на краю стоял покрытый розовым плюшем стол. За столом сидел главный прокурор острова Двид. Пучок волос на его огуречной макушке шевелился под ветерком.

Прокурор посмотрел мимо меня и сказал:

— Обыщите осужденного.

Стражники отобрали у меня кинжал, ключ, обшарили карманы, где лежали копеечные монетки.

Прокурор подвинул к себе лист бумаги и взял ручку. Палач переступил с ноги на ногу.

— Минуту,— сказал ему прокурор,— я должен составить список изъятых вещей.

Он стал писать, и ручка скрипела. Это было слышно, потому что стояла тишина. Я безнадежно оглянулся. Эшафот окружали слуги Ящера в плоских медных касках. Двурогие наконечники копий торчали, как растопыренные пальцы. За стражниками стояли молчаливые горожане. У всех были неподвижные лица. Будто из пластилина! Они ничего не выражали, эти лица. Тысячи людей — и словно никого.

«Да что же это такое!» — вдруг ахнул я про себя.

Что же это? Как мог я, Женька Ушаков с улицы Красных Летчиков, оказаться здесь, в этой жуткой стране, на этом нелепом помосте, среди чудовищных равнодушных людей?

Ужас рухнул на меня, как обвалившаяся стена. Я хотел рвануться, отчаянно крикнуть! И в этот миг прокурор бесцветным голосом спросил:

— У вас есть последнее желание?

Последнее желание?

— Да...— сказал я с надеждой.— Да! Я хочу домой!

Он досадливо качнул головой и разъяснил:

— Нет, это нельзя. Желание не должно мешать исполнению приговора.

Значит, это все же по правде? Значит, это случится?

Страх опять накрыл меня — как тяжелая волна. Но я переглотнул и остался стоять прямо. Теперь я знаю, почему: под страхом во мне начал разгораться уголек злости. Тогда я сам этого не понимал, но сейчас знаю: злой огонек помог мне устоять.

Прокурор нетерпеливо постукивал по столу крючковатыми желтыми пальцами. На столе перед ним лежало мое имущество.

— Тогда...— сказал я и переглотнул.— Тогда верните мне мои вещи.

Прокурор приподнял безволосые бугорки бровей.

— Зачем они вам?

— Не ваше дело!

На меня нахлынула злая обида: убить хотят да еще и поотбирали все! Сейчас эти мысли кажутся смешными, но тогда мне было не до рассуждений.

Прокурор пожал плечами:

— Ну... пожалуйста.

Длинной ладонью он подвинул все мои вещи на край стола.

Я взял кинжал, погладил его и, как раньше, сунул за продернутую в пояс резинку. После этого медленно пересчитал монетки. По одной опустил их в карман. Я не торопился: куда мне было спешить?

Спрятав копейки, я взял ключ. Мне опять по-

казалось, что в него попал мусор. Я машинально поднял ключ к губам и дунул. Нет, он был чистый внутри: звонкий короткий свист рванул из трубки. Тогда я свистнул еще раз, сильнее — сам не знаю, зачем.

Прокурор, стражники и палач смотрели на меня удивленно и выжидающе.

Я медленно надел шнурок на шею. Прокурор нерешительно взглянул на палача и тихо, одними губами, спросил:

— Не помешает?

Палач слегка поморщился и отрицательно качнул головой.

Прокурор повернулся ко мне:

— Ну? Вы готовы?

Он кивнул стражникам. Двое шагнули и взяли меня за руки.

Что? Уже?.. Гады!!

Я рванулся. Я так рванулся, что правый стражник не удержал мою руку! Я выхватил Толькин кинжал. Ну и пусть деревянный! Острой щепкой тоже можно ранить врага! Лучше биться до конца, чем погибать беспомощно и покорно!

А может, тогда я про это и не думал. Просто отчаянье и ярость бросили меня в бой, как удар сорвавшейся пружины.

Левого стражника я ударил клинком по руке пониже кольчужного рукава. Вернее, хотел ударить, но промахнулся. Деревянное лезвие попало в закрытый кольчужой бок.

Сосновый клинок не сломался, не скользнул в сторону. Он прошил стальные кольца и вошел почти по рукоятку.

Мой враг хрипло закричал.

Я рванул кинжал. Клинок был красный, и с него капало. И он был по-боевому тяжелый.

Значит, есть на свете сказки!

Нет, об этой гневной радости невозможно рассказать. Только что я был беспомощный, жалкий, и вдруг в ладони надежное оружие! Я сразу ощутил волшебную силу кинжала, поверил в чудо. Это далекий Толик спасал меня своей дружбой.

Ну, держитесь, скоты!

Раненый враг пятился, прижимая к боку растопыренную пятерню. Больше не сунется. Я повернулся к другому. Тот, не отрывая глаз от кинжала, перекошил рот, шагнул назад, сорвался с края эшафота и заремел по ступеням. Третий суетливо дергал из ножен саблю, но она, видать, совсем заржавела. Я бросился к этому вояке, но он не стал дожидаться и сам прыгнул вниз.

А прокурор? О, господин прокурор, где вы научились так ловко нырять под стол?

Отчаянно дыша, я повернулся к палачу. Он смотрел на меня вытаращенными глазами и держал перед собой поднятый меч. Двумя руками.

Меч палача — это инструмент для убийства, а не оружие. Драться им нельзя. Да и палач — не солдат, он привык рубить беззащитных. Правда,

с перепугу он попытался ударить меня, но, конечно, промазал, и тяжелое лезвие глубоко врезалось в доски. А я сделал длинный выпад. Я достал врага лишь самым кончиком, но он тоже завопил, вскинул руки и спиной назад полетел с площадки.

Я остался наверху один. Быстро оглянулся.

И сразу понял, что это лишь секундная передышка.

Выставив двупалые зазубренные копыя, с четырех сторон лезла по ступеням стража. Почему-то вспомнилось совсем не к месту, как меня маленького бабушка шутя пугала «козой»:ставляла растопыренные пальцы, и я визжал от веселья и страха перед щекоткой...

В толпе перепуганно верещал Крикунчик Чарли.

Копья приближались.

«Все», — подумал я. Но, честное слово, в этот миг я не боялся. Бой так бой! Надо половчее нырнуть под копыя, чтобы оказаться в самой гуще врагов...

Я уже примерился для прыжка... и в этот миг большая серая тень прошла над площадью. Колыхнулся воздух. Мне показалось, что я услышал общий испуганный вздох, и стало тихо-тихо.

Закрыв громадными перьями солнце, на перекладину эшафота села голубая птица.

Моя Птица!

Стража обалдело замерла на ступенях.

Птица не сворачивала крылья и, оглянувшись, смотрела на меня выжидающе и тревожно.

Я понял. Я рывком вытер кинжал о плюшевую скатерть, сунул за пояс, прыгнул к Птице и ухватил ее за ноги.

— Лети, Птица!

И она рванулась в небо.

Крылья

Птицы не могут взлетать прямо по вертикали. Моя Птица ринулась вверх и вперед. И я крепко ударился о перекладину коленками, почувствовал, как по ногам побежали тонкие струйки. Однако ветер тут же высушил их.

Птица несла меня в высоту. Мои пальцы плотно сжимали птичьи ноги повыше громадных полусогнутых когтей. Держаться было удобно, я не боялся, что руки соскользнут. Скорость была большая, встречный воздух откидывал мое тело назад. Я словно лежал на упругой воздушной подушке. Мне даже показалось, что, если отпущусь, то не упаду, а буду продолжать полет, медленно снижаясь в тугих потоках воздуха.

Но, конечно, я не собирался отпускаться! Мои ладони припаялись к бугристой коже, которая обтягивала твердые птичьи ноги.

Струи воздуха выжимали из глаз у меня сле-

зы. Ну, если по правде говорить, слезы были не только от ветра. Еще от радости и свободы. Я посмотрел вниз: что, взяли, гады? Но внизу уже не было площади, не было города. Подо мной расстилался лес. Он густой темно-зеленой шубой покрывал пологие холмы.

Из-за холмов мне навстречу двигались большие облака. Они похожи были на белых слонов, которые стадом вышли на синие поля. Синевы неба — чистая и громадная — раскидывалась во все стороны, а за холмами она сливалась постепенно с какой-то темной, почти лиловой завесой. Эта завеса закрывала горизонт...

В первые минуты я совсем не боялся. Я был свободный, счастливый. Я был победитель! Земля с ее коварством, с ее опасностями была не страшна мне. Я посмотрел на эту землю — прямо вниз. На зеленой шкуре леса лежали темные заплатки — тени облаков. Они казались совсем небольшими. И я вдруг понял, как до них далеко, какая подо мной глубина и пустота.

И вся эта пустота словно ухнула и жутко загудела. У меня чуть не остановилось сердце. Я хотел крикнуть, но едва открыл рот — и захлебнулся от ветра. Я отяжелел от прихлынувшего страха, и, кажется, ослабели руки.

Я отчаянно глянул вверх, на Птицу. Ее распахнутые крылья были неподвижны, лишь концы маховых перьев чуть вибрировали в потоках воздуха.

Длинная шея Птицы была далеко вытянута и клюв устремлен вперед. Но, когда я посмотрел, Птица словно ощутила мой взгляд: изогнула шею, повернула ко мне голову и рассыпчато застрекотала клювом. Будто сказала: «Не бойся, потерпи».

Нет, она не даст мне погибнуть. Не затем же она примчалась и унесла меня с площади! И не надо бояться. Руки еще не устали, а высота... Ну, не буду смотреть вниз, вот и все.

Однако куда мы летим? И долгий ли будет путь?

Только я подумал об этом, как почувствовал, что опускаемся. Лес впереди обрывался на краю громадной темной синевы, пересыпанный солнечными блестками. Ветер бросил в меня запах соли, как мокрые охапки водорослей. Я понял, наконец, что мы подлетели к морю...

У моря поднимались очень высокие скалы. Их вершины были плоские и сливались в одну площадку. Или даже площадь. На этой каменистой желтой площади я разглядел жидкие кучки зелени и какие-то круглые постройки. Увидеть все как следует я не мог: мы снижались все быстрее, ветер засвистел в крыльях Птицы и так хлестнул меня по глазам, что я зажмурился.

Потом скорость упала. Я глянул вниз. Земля приближалась. Она крепко ударила меня по ногам, я пробежал три шага, выпустил птичьи ноги,

не удержался и покатился по мелким камням. Сел.

Птица стояла недалеко от меня. И мне показалось, что смотрит она встревоженно и вопросительно.

— Ничего, Птица,— сказал я.— Спасибо, Птица!

Она весело протарахтела клювом. И вдруг взмыла в высоту и пошла вдаль, больше не посмотрев на меня.

А я... Что теперь будет со мной? Куда я попал?

Я сидел на каменистой земле. Из земли пробивались редкие травинки с очень маленькими синими цветами. Недалеко от себя я увидел несколько больших старых пушек на покосившихся лафетах. А из кустов на краю площадки поднимались желтые каменные стены с двумя рядами узких окон. Это был полукруглый бастион с разрушенным верхним карнизом.

Сзади захрустел щебень. Я вздрогнул и вскочил.

Ко мне подходили трое ребят: девочка и два мальчика чуть поменьше меня ростом. Они совсем непохожи были на ребят из города — лохматые, босые, в отрепьях...

Но зато какие живые и ясные были у них лица!

Девочка оглядела меня, покачала головой и со вздохом сказала:

— Ободрался-то как... Ну-ка пойдём.

Бастионы

Девочку звали Соти. Она смыла кровь с моих рук и ног, дала глотнуть из жестяной кружки горького отвара, залепила ссадины прохладным пластырем. Тихонько спросила:

— Больно?

— Нет...— смущенно сказал я.

У Соти были серые спокойные глаза, прямые белые волосы и тонкие умелые пальцы. На худенькой шее у нее висело ожерелье из крошечных ракушек и мелких синих цветов, которые росли здесь повсюду. Оно качалось и задевало мою щеку, когда Соти наклонялась...

Девчонки в нашем классе разом скривились бы, увидя ее пыльные босые ноги, облезшую от загара переносицу и разлохмаченное внизу платье из серой дерюжки (вернее, не платье, а маленький мешок с дырами для головы и рук). Но Соти была славная, несмотря на свой наряд из мешковины...

Дерюжные мешки разной длины и ширины носили и другие здешние ребята. А кое-кто был в таком тряпье, что сразу и не разобрать, что

это: штаны с рубахой, остатки халата или просто лоскутки, связанные тесемками. Лишь на одном из мальчиков я увидел нормальную одежду — старенькую, но приличную.

Мы расположились в тени квадратной башни на траве. Пока Соти лечила меня, ребята стояли в сторонке. Ни о чем не спрашивали. Потом смуглый тощий мальчишка лет восьми притащил еду в большом лопухе: две вареных рыбины и крошечный кусочек хлеба.

Я сидел, прислонившись к теплым камням башни, и мальчик положил шероховатый лопух мне на колени. Заботливо сказал:

— Ешь осторожней, не подавись. В рыбе кости.— И добавил доверительно:— Я все время давлюсь...

— Потому что жадничаешь,— заметила Соти. Остальные засмеялись, но не обидно. Мальчик тоже засмеялся. У него был веселый рот с засохшей ранкой на верхней губе и редкие зубы. Он объяснил:

— Я не жадничаю, а тороплюсь... Ты смотри не торопись.

— Не буду,— пообещал я и проглотил первый кусок. И спросил, глядя в озорные глаза мальчишки:— Тебя как зовут?

— Уголек... А правда, что ты прилетел на птице? Все говорят, а я не видел. Я в башне кртелок чистил.

— Правда.

— А это твоя птица? Ручная?

— Нет, не ручная. Просто мы подружились...

— А как? Ты расскажешь?

— Дай человеку поесть!— прикрикнул светловолосый паренек лет четырнадцати (ребята звали его Галь).— Расскажет, когда придет время.

— Да я могу и сейчас,— торопливо сказал я. Потому что ясно было, что это друзья. Но Галь остановил меня:

— Лучше потом. Когда придет Дуг...

«Кто такой Дуг?»— подумал я, и в эту секунду Уголек радостно завопил:

— А вот он идет!.. Дуг! Дуг, смотри, к нам еще один вырвался! Дуг, он прилетел на птице!

Я взглянул, быстро отложил еду и встал. Как перед командиром. Мягкой походкой шагал к нам громадный парень. Буйно клубились и горели на солнце его огненные кудри. На лице и на плечах парня проступали сквозь прочный загар золотые россыпи веснушек.

Я почему-то сразу вспомнил нашего водителя Сашу из лагеря «Горный ключ», хотя Саша был невысокий и белокурый. А, вот в чем дело! У Дуга оказались такие же ярко-синие глаза. И улыбка его была похожа на Сашину.

Дуг подошел, веснушчатой рукой провел по моим волосам. Сказал, как знакомому:

— Вырвался? Неужели на птице? Вот молодчина! Да ты садись, поешь...— И добавил обод-

ряюще: — Теперь ничего не бойся. Сюда никто не доберется, никто тебя не обидит.

Это я и сам понимал. Я тоже улыбнулся и хотел ответить, что очень рад и что меня зовут Женька, и что наконец-то я встретил на этом острове настоящих людей. Но резко закружилась голова и будто холодными ладонями сдавило затылок.

— Ой-ей... — негромко и озабоченно проговорил Дуг. Подхватил меня, поднял и понес в низкий каменный дом, который, как перемычка, соединял квадратную башню с полукруглым бастионом.

В темной прохладной комнате Дуг уложил меня на топчан с мягкой сухой травой и укрыл рваной курткой, от которой вкусно пахло дымом костра.

— Поспи, — сказал Дуг

— Да нет, я совсем не хочу...

Дуг сказал настойчиво и ласково:

— Хочешь, хочешь.

И правда, я сразу уснул.

Когда я открыл глаза, в окошке светилось неяркое вечернее небо, а у стены горела смолистая ветка: ее воткнули в расщелину между камнями. Рядом со мной сидел Уголек. Он восхищенно сказал:

— Знаешь, сколько ты спал? Вчера полдня и сегодня день!

Я сразу поверил. Потому что чувствовал: больше всего на свете мне нужно сбежать в какой-нибудь укромный уголок. Уголек меня понял и поманил за собой...

Когда мы вернулись, в комнате сидели ребята и Дуг. Меня опять покормили. Потом Дуг весело сказал:

— Теперь давай рассказывай...

Ребята не очень удивились, когда узнали, что я не с острова Двид. Они, конечно, и раньше слыхали, что есть на свете другие земли. Правда, знали они о нашей планете мало. Все, что было за островом, называлось «Дальний мир». В школах ребятам толковали, что «Дальний мир» — это такие страны, где люди живут жестоко и неразумно: только и делают, что убивают друг друга, стараются нажить богатства и губят леса и моря. Конечно, в этом была кое-какая правда, но выходило так, будто на земле-нигде, кроме острова Двид, не осталось разумных людей. И будто не было на свете нашей страны!

Я им объяснил, как умел, что такое на самом деле «Дальний мир». Про Москву рассказал, про космонавтов, про разные страны и про наш городок. А потом — про то, как попал на остров. Ну и про все остальное. Честно признался, что бежал от Ящера и что ревел от страха в темнице. Никто даже не улыбнулся.

Зато все радовались, когда услышали про бой на эшафоте! Каждый по очереди брал и разглядывал мой деревянный кинжал — тяжелый, буд-

то из стали. А Уголек размахнулся и ударил в каменный пол. Я вздрогнул. Но кинжал вошел в камень, как в сухой песок...

Однако больше всего ребята удивлялись истории с Птицей. Дело даже не в том, что я подружился с ней и она спасла меня. Легенды о таких случаях были известны на острове. Но с давних времен этих птиц никто уже не встречал, они стали полусказкой.

— Считается, что они давно вымерли, — объяснил Дуг. — Это древние птицы. Они заселяли наш остров много веков назад.

— А Ящер? — вспомнил я. — Он тоже древнее животное?

Дуг хмуро сказал:

— Ящер вообще не животное. Это... даже не знаю, как объяснить. Тут надо долго рассказывать.

— А ты расскажи! — зашумели ребята. — Расскажи, Дуг!

— Вы же сто раз эту историю слышали...

— А Женька не слышал, — возразил Галь. — Ты расскажи. Мы тоже послушаем.

— Ладно. Только попозже, у костра.

Когда стемнело, большой месяц повис вниз рогами, будто хотел воткнуть их в горизонт. Я опять вспомнил наше озеро, наш город и дом. И стало тоскливо до слез. Но ребята разожгли на площадке за башней маленький костер и позвали меня.

Я сел в общем кругу.

Отблески огня словно гладили щеки ребят оранжевыми ладошками.

Я знал уже всех, кто сидел у огня. Вместе с Дугом их было одиннадцать. Здесь они оказались в разное время, но истории у них были очень похожие.

Эти ребята бежали из города. От жестокостей, от унылой жизни, от идиотского «равновесия порядка».

Чаще всего бежали из приютов. Если у кого-то умирали родители, этого ребенка отправляли в казенный «дом воспитания», а там жизнь была еще горше, чем у обычных школьников. На острове привыкли беречь и ценить свое: свой дом, свою мебель, свою клумбу, своих детей. А в доме воспитания ребята становились как бы ничьи. Их кормили и одевали не хуже, чем в семьях, но радости они не видели никакой. Дуг сказал: «Это было как сплошной дождливый вечер...»

Во имя «равновесия порядка» их отучали смеяться и громко разговаривать. Им запрещалось даже громко кричать во время наказания. Но самое главное вот что: им не разрешали дружить! Им говорили: у нас все одинаковы, и нельзя кого-то любить больше, чем остальных. Видимо, воспитатели боялись. Ведь если люди дружат, они становятся сильнее, они могут спорить и бороться...

Первым бежал в леса Дуг. Это случилось пять лет назад. В тот день Дуга сильно исхлестали за то, что украдкой играл с малышами и делал им из бумаги кораблики. Ночью Дуг ушел. Двух малышей он увел с собой.

Ребят не искали. Считалось, что хитрые тропинки сами приведут мальчишек обратно в город. Ну, не приведут — тем хуже для беглецов: значит, они сгинут без следа. Но Дуг с малышами пробился к морю. В отвесной скале отыскал незаметный проход в разрушенную крепость.

В то время Дуг был таким же мальчиком, как я сейчас.

Трое мальчишек стали жить в развалинах. Научились добывать пищу, не бояться темноты и ночного холода, выручать друг друга из беды.

Пофом один из малышей погиб. Он проткнул ногу старой рыбьей костью и через два дня умер от горячки.

С Дугом остался только маленький Галь.

Они вдвоем встречали в лесу ребят-беглецов и приводили в крепость.

Дуг вырос. Он сделался настоящим великаном — красивым, огненноволосым, сильным. Он не превратился в солидного розовощекого мужчину, а стал юношей. Единственным юношей на острове Двид. В ближайшей деревне у него была девушка. Она тоже не старела, потому что любила Дуга.

Все это мне рассказали просто и весело, при Дуге, который смущенно улыбался и веснушчатой пятерней лохматил волосы вертлявому мальчишке по имени Винтик. Винтик жмурился от удовольствия, как избалованный котенок.

Но это было еще до темноты. А сейчас мы сидели у огня.

Справа от меня устроились Уголек и Соти. Уголек то и дело подносил пальцы ко рту, чтобы потрогать засохшую ранку на губе, а Соти каждый раз хлопала его по руке.

Слева уселся очень худой, лопоухий и остроносый мальчишка по прозвищу Шип. А с ним — две его сестренки: семилетняя Стрелка и совсем крошечная, лет пяти, Точка. Вместе с девочками сел еще один малыш — косолапый, похужий на медвежонка Лук.

Напротив меня, по ту сторону огня, примостились на больших камнях Галь и Тун — самые старшие ребята.

Недалеко от них сидел Дуг, и к нему с двух сторон прильнули двое мальчишек: Винтик и еще один — темноволосый, молчаливый, неулыбчивый. У него были такие глубокие и печальные глаза, что даже костер в них не отражался. Этот мальчик один из всех был в аккуратной, не рваной одежде и даже в матерчатых башмаках.

Мальчик вздрагивал, хотя вечер был теплый, да и костер грел ощутимо.

— Зябнешь, Малыш? — озабоченно спросил Дуг. — Сбегай, возьми накидку.

Мальчик послушно встал и пошел к башне.

— Малыш, прихвати котелок с водой, будем чай кипятить, — сказал ему вслед Галь.

Мальчик, не оглядываясь, кивнул.

— А почему его зовут «Малыш»? — спросил я. — Он же не самый маленький.

Мальчик был старше многих, такой же, как я.

— Привыкли, — объяснил Дуг. — Мы его в начале этого лета в лесу подобрали, и был он совсем беспомощный, почти голый, еле дышал и ничего не умел. Не знал, кто он и откуда, и даже говорить сначала не мог. Пришлось возиться с ним, как с малышом... Имени своего он не помнит, вот и прозвали так...

— Наверно, он в заколдованном лесу побывал! — догадался я.

— Наверно, — согласился Дуг. — А ты откуда знаешь про заколдованный лес?

— Отшельник рассказывал... — Я вспомнил Отшельника, и взяла меня запоздалая досада: — Тоже мне лесной житель! Не мог как следует дорогу объяснить. Я из-за него прямо в капкан угодил!

Я услышал, как Тун и Галь сердито хмыкнули. А Дуг печально усмехнулся. И сказал:

— Он все объяснил, как было задумано. Нарочно...

— Как нарочно? — изумился и не поверил я. — Зачем?

— Потому что все они заодно. Неужели ты не понял? Это все было подстроено.

— Что подстроено?

— Да все, — горько сказал Дуг. — Вся эта история с подземным ходом. Он выводит к Северному лесу, а там такие тропинки, что все равно вернешься к городу. Если, конечно, не знаешь дороги. А ты же не знал...

— Выходит, что и Ктор — предатель?

— Выходит, — сумрачно согласился Дуг.

Не хотелось мне в это верить.

— Они же могли просто отвести меня на площадь и... все. А зачем надо было такую историю устраивать?

— Для убедительности, — объяснил Дуг. — Чтобы люди видели: беги — не беги, а от возмездия никуда не денешься, если что-то задумано против Ящера... Все было рассчитано.

«А ведь в самом деле: все было готово, они меня ждали», — наконец сообразил я.

Мне вспомнился розовый помост, и сделалось зябко, как на осеннем ветру. Я передернул лопатками, подвинулся к огню и тихо спросил:

— Дуг... Они в самом деле убили бы меня?

— Да, — сказал Дуг и стал шевелить горячие ветки. — Они бы это сделали. Чтобы потом долгое время никто не надеялся на «юных рыцарей»... Чтобы вообще не вспоминали эту легенду. «Юный рыцарь»... Как я улепетывал от Ящера!

Чтобы подавить стыд, я пробормотал:

— А откуда она взялась, эта легенда?

— Скоро узнаешь,— пообещал Дуг.— Толькождемся Малыша.

Малыш, закутанный в дерюгу, принес котелок с водой.

Дуг устроил котелок над огнем, встряхнулся и живо сказал:

— Ну, слушайте... Хотя вы и знаете наизусть эту историю, но ради нашего нового друга я расскажу еще раз...

Все затихли, только Уголек, словно торопя рассказчика, прошептал:

— В давние-давние времена жил на острове Двид веселый и храбрый народ.

— Да,— согласился Дуг.— Именно так...

И вот что он рассказал.

Как родился Ящер

В давние-давние времена жил на острове Двид веселый и храбрый народ. Трудолюбивый и дружный. Он построил прекрасный город, где были обсерватории, библиотеки, театры и школы. Жители острова плавали на больших кораблях по всем морям, торговали с другими странами и славились на весь мир как искусные мастера и смелые навигаторы.

На острове было много ученых, артистов и художников. Эти люди не только занимались наукой, играли в театрах, рисовали картины и отливали статуи. Все они еще учили детей. Учили всему, что умели сами. Жители острова очень любили детей, никогда не обижали их, и поэтому дети вырастали добрыми, умными и храбрыми...

В одной школе учились два мальчика. Они жили на одной улице, сидели в одном классе на одной скамье, вместе играли, вместе росли. И очень дружили. Когда они выросли, один стал Ученым, а другой Правителем острова.

Ученый прославился своими открытиями, а Правитель — разумом и сильной волей.

Надо сказать, что к тому времени жизнь островитян стала трудной и тревожной. Соседние страны завидовали острову Двид. Завидовали его славе, богатству и вольной жизни. Они все чаще стали нападать на прибрежные поселки, грабить корабли островитян. Пришлось возводить на берегу крепости и обучать солдат.

Пока войны были небольшие, остров отбивался от врагов. Но вот несколько стран заключили против острова Двид военный союз. Они решили снарядить большой флот, высадить целую армию, пробиться в глубь острова и разгромить столицу.

Когда это стало известно, Правитель пришел к Ученому и спросил:

— Ты можешь придумать, как спасти нашу страну?

— Я уже думал,— сказал Ученый.— Помогу, есть два способа. Можно построить громадное чудовище, оно будет отпугивать врагов и громить их, если они все же нападут. А можно сделать наш остров невидимым. Тогда враги просто не найдут его в море. Не надо будет вести войны и проливать кровь.

— Мы должны спешить,— нетерпеливо объяснил Правитель.— Скажи, что быстрее: соорудить чудовище или спрятать остров от чужих глаз?

— Чудовище — быстрее,— со вздохом сказал Ученый.— Чтобы сделать остров невидимым, я должен до конца изучить свойства больших синих птиц, которые похожи на фламинго, но гнездятся на деревьях. А железный ящер — штука нехитрая, можно строить хоть сейчас.

— Строй,— потребовал Правитель.— Ради безопасности нашего острова Двид делай скорее своего ящера, потому что вражеский флот уже в пути...

И Ученый построил громадного стального зверя, который умел изрыгать огонь, разрушать своими щупальцами крепости и топить корабли. Флот врагов был разгромлен в одну минуту. А после битвы Правитель поселил этого зверя — Ящера — в озере, под водой, подальше от глаз. Дело в том, что Ящер был ужасен и приводил в трепёт не только врагов, но и жителей острова...

Прошло два года, и Ученый открыл секрет невидимости. Он рассеял в небе тонкую голубую пыль, и после этого скалы, берега и воздух стали так отражать солнечный свет, что остров перестал быть виден с моря. Никто теперь не грозил его мирной жизни.

Ученый сказал Правителю:

— Мы защитили себя на долгие века. Давай уберем Ящера.

— Зачем? — спросил Правитель, не глядя Ученому в глаза.— Разве он кому-нибудь мешает?

— Он опасен,— объяснил Ученый.— Мало ли что может случиться...

— Ничего не может,— возразил Правитель.— Ты передал секрет жизни и смерти Ящера мне. Только я могу заставить его воевать, только я могу управлять им и только я могу убить...

— Вот и убей, пока не поздно...

— А почему будет поздно? Разве ты думаешь, что я могу использовать Ящера для злых целей? Разве ты не веришь мне, своему давнему и надежному другу?

— Тебе я верю,— вздохнул Ученый.— Но через год выберут другого Правителя. Вдруг он не сумеет справиться с Ящером?

— А зачем острову другой Правитель? — услышал Ученый осторожный вопрос.— Разве я в эти трудные годы не оправдал свое высокое звание?

— Ты оправдал, конечно, однако есть закон!

Каждые шесть лет Правителя выбирают снова. Вдруг выберут другого?

— Это раньше был закон,— усмехнулся Правитель.— А зачем он сейчас, если у меня есть Ящер?

— Ты хочешь стать тираном? — ужаснулся Ученый.

— Ну, почему же тираном? Я буду управлять народом по-доброму и мудро. У меня есть опыт... В других странах императоры и короли царствуют до самой смерти, и этот обычай совсем не плох...

— Ты решил растоптать наши древние законы! — гневно сказал Ученый.— Народ проклянет тебя!

— Я думаю, он не решится,— опять усмехнулся Правитель.

— Ты потерял голову. Одумайся,— попросил Ученый.

Тогда Правитель печально сказал:

— Мне казалось, что ты меня поймешь, что ты станешь моим первым помощником...

— Я? Помощником захватчика власти? Сообщником того, кто предал народ?

— Ты оскорбляешь Правителя!

— Ты не Правитель, а преступник!

— Я думал, мы друзья...

— Я тоже думал,— вздохнул Ученый.

Тогда Правитель рассердился и велел заточить Ученого в тюрьму.

Конечно, это была не темница. Жилось Ученому там неплохо, он мог даже работать, но стерегли его крепко. Люди жалели Ученого. Но что они могли сделать, если при любом недовольстве Правитель поднимал из озера Ящера, и тот, грозя непокорным, вскидывал свои страшные щупальца?

Постепенно отыскивались люди, которые рассуждали так: «С Ящером воевать бесполезно, поэтому надо приспособливаться». И появились у Правителя послушные министры, судьи и солдаты...

А Ученый не сидел сложа руки. Он по ночам, когда спала стража, работал над приспособлением, чтобы убить чудовище. Убить, не выходя из тюрьмы. Ученый знал, как это сделать. Ведь сделал же он раньше для Правителя хитрую штуку, чтобы тот мог прямо из дворца командовать Ящером.

Но Ученого предали. Тайная работа была раскрыта, и суд приговорил его к смерти.

После суда Правитель пришел к Ученому и горько произнес:

— Видишь, как получилось... Честное слово, я этого не хотел.

— Теперь все равно,— сказал Ученый.— Но дай мне, пожалуйста, отсрочку. Я хочу вылепить, а потом отлить из металла скульптуру. Ведь я не только Ученый, но и Художник. Я хочу оставить эту скульптуру людям...

— Я дам тебе какую хочешь отсрочку! — вскричал Правитель.— Я дам тебе полное помилование! Богатство! Все на свете! Только обещаю не вредить Ящеру!

— Не надо мне твоего помилования,— возразил Ученый.— Дай только время для работы.

И Правитель согласился.

Ученому привезли глину, металл, в тюремном дворе сложили печь для плавки. И он стал работать.

Однажды снова пришел Правитель.

— Что это будет за скульптура? Кого ты лепишь? — спросил он.

— Двух мальчиков,— сказал Ученый.— Двух очень верных друзей.

Правитель опустил глаза и прошептал:

— Нас? Какие мы были?..

— Что? — удивился Ученый.— Нет, не нас... Это юные рыцари. Они рано или поздно убьют Ящера.

— Разве такое дело под силу ребятишкам? — усмехнулся Правитель.

— А ты вспомни нас, когда нам было по двенадцать лет,— сказал Ученый.— Тогда нас ничто не могло удержать, если надо было отстаивать справедливость. Вспомни себя. Разве ты мог бы в те годы обмануть людей ради власти и ради могущества? Разве ты не был Рыцарем?

Правитель молчал.

Ученый строго сказал:

— Ты должен выполнить мою последнюю просьбу. Поклянись в этом, как мы клялись в детстве: Луной, Солнцем и пером Невидимой птицы. Ты не посмеешь нарушить эту клятву.

Правитель вздрогнул, поднял глаза.

— Да... я клянусь.

— Ты не разобьешь мою скульптуру,— сказал Ученый.— Ты ее не переплавишь и не зароешь в землю. Ты поставишь ее на острове в любом месте, где хочешь. Но никому не станешь запрещать подходить к ней.

— Хорошо... — прошептал Правитель, хотя уже сожалел о своей клятве...

Наступил день, когда скульптура была готова. Правитель пришел посмотреть на нее и с облегчением сказал:

— Какие же это рыцари? Разве это победители? Это просто мальчишки.

Ученый не ответил.

— Ты свободен,— сообщил ему Правитель.— Только поклянись нашей клятвой, что не будешь воевать с Ящером. Ну прошу тебя!

Однако Ученый ответил, как прежде:

— Не надо мне твоей милости.— И добавил: — Радоваться жизни я все равно не смогу: я потерял Друга. Прощай...

И когда Правитель ушел, Ученый выпил яд. Правитель устроил бывшему другу пышные похороны, а скульптуру поставил в дворцовом парке. Сначала... А потом он приказал перенести

ее на глухое горное плато, далеко от столицы. Почему? Кто его знает. Говорили, что начал терзать Правителя непонятный страх. Но скорее всего, его просто мучила совесть.

Клятву Правитель не нарушил, он никому не запрещал ходить к скульптуре. Он даже приказал сделать для нее каменный постамент, а в отвесных скалах прорубить удобный подъем на плато. Но дорога в ту горную и лесную глушь была далекая, и постепенно ее забыли...

Прошло много лет. Враги не беспокоили невидимый остров. На щедрой земле росли хлеба и плоды, в море ловилось множество рыбы. Люди привыкли к сытой и спокойной жизни. Разрушались ненужные крепостные стены и корабельные пристани. Остался недостроенным космический трамплин, с которого когда-то смешные мечтатели хотели запустить лунный корабль. Пролеты этого трамплина поднимались над городом, будто громадный мост.

Зарастали травой сцены и каменные скамьи открытых театров. Потому что спектакли, шумные игры и слишком бурное веселье не нравились Ящеру. Ему (и всем правителям, которые по наследству сменяли друг друга) нравился порядок. А если равновесие порядка нарушалось, Ящер гневался. Он не мог понять, почему этим глупым людям не живется тихо и спокойно. И люди привыкли, что не следует дразнить Ящера. Тем более, что размеренная тихая жизнь — это совсем неплохо. И для счастья вовсе не обязательно к чему-то стремиться, о чем-то мечтать и хотеть чего-то нового...

Но полного спокойствия все же не было. Время от времени вспоминалась легенда о гибели Ящера. О том, что из-за моря придет Юный Рыцарь и вызовет Ящера на смертельный бой.

Откуда эта легенда появилась? Говорят, маленький сын тюремщика подслушал разговор Ученого и Правителя и, как умел, пересказал его своим друзьям...

Вспоминали легенду только дети. Это было как болезнь, как поветрие: вдруг по всем углам, в школьных коридорах и на улицах начинали собираться в кучки мальчишки и девчонки и слышался шепот: «Рыцарь... Ящер... сражение...»

Взрослые, конечно, не верили таким глупостям, но легенда чересчур возбуждала ребят, отвлекала их от школьных занятий, делала их строптивыми и вообще нарушала равновесие порядка. И детей начали воспитывать все суровой и строже.

Такое воспитание помогало, дети становились все более послушными и тихими. Но не совсем. И не все. Сказку о бое с Ящером нет-нет, да опять вспоминали. И кто-то уходил из города, чтобы отыскать Плато. А кто-то просто исчезал в лесах...

И чтобы насовсем выбить из детей бредни о

Юном Рыцаре, кто-то из правителей, наконец, придумал: надо заманить из-за моря мальчишку, выпустить на поединок с чудовищем и потом расправиться на глазах у всех.

Несколько раз так и делали. После такой расправы долгое время никто не смел вспоминать легенду. Но проходили годы, испуганные мальчишки и девчонки становились благоразумными взрослыми. И рождались новые дети.

А все дети рождаются смелыми...

Вот какую историю я услышал в тот вечер от Дуга.

— Понял теперь, зачем привезли тебя на остров? — спросил Дуг.

— Понял, — печально сказал я. — Только я другого не пойму. Где теперь мой дом? И вернусь ли я туда когда-нибудь?

— Ну, нашел о чем горевать! — воскликнул Дуг. — У тебя же есть Птица!

— Ну и что? — с надеждой спросил я.

— Потерпи дней десять. После полнолуния начнется юго-западный ветер, и Птица быстро донесет тебя до дома.

Жители крепости

Крепость была построена очень давно. Ее поставили здесь для защиты острова от морских набегов. Полукруглые бастионы, квадратная башня, стены, парапеты и низкие казармы располагались на плоских вершинах и уступах скалистых утесов. Эти утесы торчали на границе леса и моря, будто громадные полуобломанные клыки.

Обрывы утесов были совершенно неприступны. На вершины вел тесный коридор, вырубленный внутри скалы. Он был извилистый, с ответвлениями, тупиками и крутыми ступенями. Отыскать внизу начало прохода посторонние люди ни за что не сумели бы: узкая щель пряталась за отколовшимся от обрыва камнем и заросла плотным кустарником.

Из крепости было видно далеко-далеко. Морской горизонт уходил в какую-то космическую глубину и сливался с небом в неясном тумане. Лесистые холмы убежали на край земли, как волны, тоже становились вдали синими и терялись в дымке.

Вдали между холмами виднелись крыши и башни города и блестел кусок озера, в котором жил Ящер. Я не любил смотреть в ту сторону. Зато часто смотрел на море.

Несколько дней я не мог привыкнуть к высоте, простору и громадной синеве. Утром проснусь — и дыхание останавливается. Не от страха, а от прилива какой-то жутковатой радости. Небо чистое-чистое, желтые камни крепости светятся от солнца, травинки блестят от росы, а кру-

гом такая ширь, что все забываешь и хочется зорать от восторга...

И сама крепость мне понравилась. В ней полным-полно было таинственных уголков, переходов, коридоров. Эх, если бы в нашем городе была такая! Вот где играть в рыцарей!

Плохо только, что внутри башен и казарм стояла зябкая сырость и все казалось заброшенным. Когда остров Двид сделался невидимым, береговая оборона стала ненужна, и люди ушли из крепости. Бастионы стали разрушаться. Большие пушки, которые стояли на главной площади, осели и покровились на разошедшихся лафетах. Пишь одна пушка — самая главная — казалась аполне исправной.

Точнее говоря, это была не пушка, а могучая мортира для навесной стрельбы каменными ядрами. Ствол ее — короткий, но ужасно широкий — походил на громадную бочку. Ядра лежали тут же, на площадке. Это были грубо отесанные шары — такой величины, что Уголек или Винтик прятались за ними, не сгибаясь. Чтобы закатывать ядра в дуло, был сделан специальный каменный желоб. Он подходил к мортире вплотную.

Орудие стояло на чугунном станке с тяжелым зубчатым механизмом. Механизм был исправен, хотя проворачивался со скрипом. Ржавчины на нем было немного, потому что ветер постоянно дул над утесами и быстро высушивал росу и дождевые капли. Мы иногда развлекались: нажимали железные рычаги, и тогда шестерни лязгали, визжали, станок поворачивался, а ствол поднимался и опускался...

В орудийных стволах мы спали. Каменные казематы и батареи не очень-то годились для ночлега, а в пушках было уютно. Солнце крепко нагревало их за день, а когда приходила ночь (довольно свежая здесь, на высоте), пушки делились теплом с нами.

Только в мортире никто не спал, она была слишком просторная.

...Рано утром нас будил веселый голос Дуга:

— Эй, люди! А ну, вставайте! Из пушки — как из пушки!

Мы выскакивали и вытаскивали тех, кто спал слишком крепко. Потом Дуг заставлял нас бегать и прыгать, чтобы не поддаться утреннему холоду: солнце стояло еще невысоко и не успевало нагреть наше каменное гнездо.

Мы весело орали, скакали и гонялись друг за другом. А иногда Дуг вставал посреди площадки и спрашивал:

— Ну, кто на меня? Кто смелый?

Мышцы поигрывали под его веснушчатой кожей.

Мы храбро вопили и кидались в атаку, а Дуг даже рук не поднимал. Стоило ему шевельнуть мускулами, и мы отлетали, как мячики. Но кончалось это всегда одинаково: хитрый косолапый

Лук подкатывался Дугу под ноги и вцеплялся в них мертвой хваткой. Винтик и Уголек подбирались сзади и прыгали Дугу на плечи. Тут налетали остальные, и Дуг терял равновесие. Он валился, подминая травинки с маленькими синими цветами. Все тут же наседали на него. Дуг рычал, дергался и грозил, что уйдет в деревню, женится и никогда не вернется в этот разбойничий притон. Мы держали его и требовали, чтобы он отказался от таких бессовестных планов. Дуг не хотел отказываться. Тогда маленькая Точка с очень серьезным видом срывала травинку, чтобы пощекотать Дугу бока. Тут он принимался верещать непривычно тонким голосом и сдавался.

После такой возни Соти деловито мазала наши ссадины каким-то едучим отваром и говорила Малышу:

— Сумасшедшие люди, верно?

Малыш молчал и неловко улыбался. Он, как и Соты, никогда не лез в эти свалки. Словно стеснялся. Именно стеснялся, а не боялся, потому что он вообще-то был смелый. Цепкий такой и ловкий. Легко лазил по скалам и раньше всех спускался по темному крутому проходу, когда мы отправлялись ловить рыбу.

Иногда Малыш, с разрешения Дуга, ходил в ближние деревни добывать хлеб (для этого и собрали ему кое-как приличную одежду). Местные жители знали молчаливого мальчика, который повредился в уме, после того, как заплутал в Заколдованном лесу. Они не спрашивали, кто он и откуда, молча давали ломти и горбушки. Наверно, вдали от столицы и Ящера люди были проще и добрее.

Когда Малыш возвращался с хлебом, у нас был праздник. Хлеба всегда не хватало, и каждый день мы делили его на маленькие кусочки.

Но вообще-то мы не голодали. Рыбы ловили сколько хотели. Стоило внизу, у подножья утеса, забросить самодельные удочки, и серебристые рыбины жадно хватили наживку, а иногда и голые крючки (мы их делали из острых костей). Случалось, что Дуг в лесу ловил силками диких кроликов. Соты находила под деревьями грибы и съедобные корни.

Иногда нам помогала Асик — девушка Дуга: посылала то каравай, то мешочек с крупой. Но ей приходилось делать это украдкой, знакомство с Дугом грозило бедой. На девушку и так поглядывали косо: почему не похожа на других?..

Чтобы попасть на тропинку, ведущую в деревню, в лес или к морю, надо было зажигать смолистые ветки и долго спускаться по узким крутым коридорам с головоломными ступенями. Но теперь это стали делать реже.

Потому что прилетала Птица.

Она появлялась каждый день. Я свистел ключом, и минут через пятнадцать шумная серая

ть проносились над бастиянами. Птица возникла между квадратной башней и выступом разрушенной стены. Из башни торчала могучая каменная балка, и Птица опускалась на нее.

Иногда она прилетала и без вызова. И дробно стучала клювом — звала меня. Я забирался к ней на балку и гладил шелковистую шею.

— Здравствуй, Птица... Как там живет твой малыш? Больше не падает из гнезда?

Птица весело щелкала: нет, не падает, все в порядке.

— Птица,— шепотом говорил я.— Ты меня унесешь домой, когда подует юго-западный ветер?

Скорей бы домой! Неделя давно прошла, и теперь меня ищут повсюду. И, наверно, уже не надеются найти живым. Толик печально рассказывает, как он видел меня последний раз, а ребята, встретив моих родителей, виновато опускают глаза. Так же, как перед родителями Юльки Гаранина...

Птица опускала голову на мое плечо, успокаивала: не волнуйся, я помогу, я же понимаю, какое горе, когда птенцы теряются из гнезда.

Я встряхивался, сжимал зубы, скручивал в себе тоскливые мысли. Надо было жить и ждать. Ничего, протяну еще неделю. Рогатый месяц уже превратился в половину круга, скоро станет, как мяч, а когда чуть пойдет на убыль, Птица и ветер с юго-запада помогут мне...

Ребята привыкли к Птице и полюбили ее. Кормили рыбой, ласкали, даже играли с ней. Малыши пытались проскочить у ней между ног, будто в узкие ворота, а Птица осторожно и ловко хватала их за лохмотья и приподнимала. А потом посадит вопящего от восторга Лука или Стрелку на пушку и хитро поглядывает: кто следующий?

Птица помогала нам спускаться к подножию утеса. Конечно, летать, ухватив Птицу за ноги, было опасно, и мы сделали сиденье. Что-то вроде качелей: небольшая доска и две веревки. Я побаивался, когда первый раз привязывал качели к птичьим лапам: вдруг она обидится и улетит? Но Птица все поняла. Сидя на балке, она терпеливо дожидалась, когда я укреплю сиденье, и потом плавно понесла меня над морем...

Иногда мы летали по двое. Сначала боялись, но потом решили попробовать. Рядом со мной сел Малыш. Птица подняла нас так же спокойно и легко, как меня одного. Малыш тихонько ойкнул и вцепился в веревку. Но глаза у него засияли, и он начал смеяться. Так счастливо, как никогда не смеялся на земле...

Птица часто приносила еду: то ветку с похожими на айву плодами, то громадную рыбу, какие не водились у нашего берега, то морскую черепаху, разбитую ударом клюва.

Видимо, Птица считала нас человеческими птенцами, оставшимися без родителей, и помогала, как умела. Она всех нас любила, даже Дуга, хотя Дуг был большой и не летал с ней.

Дуг тоже любил птицу. Однажды он сказал мне:

— С таким другом ты нигде не пропадешь. Будь уверен, донесет она тебя домой...

Я обрадовался. Но тут же ощутил тревогу и печаль. Во-первых, скоро придется расстаться с Дугом. Но не только в этом дело. Я боялся за них. И я наконец спросил о том, о чем думал не раз:

— Дуг, я-то улечу... А вы? Так и будете здесь всю жизнь?

Он ответил тихо и серьезно:

— Я и сам думаю часто: что делать дальше?

В самом деле, что дальше? Жить до старости в заброшенных бастиянах? Превратиться в племя дикарей?.. Дуг учил ребят читать и писать, царапал на камнях буквы, объяснял задачки на сложение и вычитание, рассказывал о звездах и планетах... а зачем?

— Дуг,— сказал я,— у нас большая страна... Знаешь, сколько у вас нашлось бы там друзей!.. Дуг, Птица может унести всех, если по очереди...

Он печально улыбнулся:

— Меня не унесет, я тяжелый.

— Но есть же другие пути. По морю...

Дуг покачал головой:

— Женька, это наш остров...— И совсем другим голосом спросил: — Покажи, как делают луки. Помнишь, ты про них говорил, когда рассказывал о Робин Гуде...

В расщелинах скал росли кусты и деревца с пружинистыми стволами. Я объяснил, как полагается делать большой лук, хотя сам не мог согнуть такое деревце. А Дуг согнул. И к вечеру у нас было несколько крепких луков. Для стрел мы расщепили старые сухие доски — они отыскались на верхнем ярусе квадратной башни. Наконечники сделали из осколков кремня. Оперенье сделать было не из чего, но и без него стрелы летели прямо.

Старшие ребята и Дуг очень быстро научились попадать в цель. Они все стреляли гораздо лучше меня (я и лук-то растянуть, как надо, не мог). Лучшее всего стрелял Шип. Это казалось удивительным. Шип словно состоял целиком из носа, ушей, острых суставов, а мускулов у него совсем не было. Но тетиву он оттягивал шутя, а стрелы летели точно в нарисованный круг или нацарапанный углем портрет Крикунчика Чарли. Сестренки Шипа — Стрелка и Точка — после каждого такого попадания гордо на нас поглядывали и шли подбирать стрелу.

Однажды Шипу удалось подстрелить круп-

ную быструю рыбу — она неосторожно крутилась вблизи береговых камней. Это произошло на маленьком пляже, укрытом со всех сторон каменными отвесами. Здесь мы всегда занимались рыбной ловлей. А попадали мы на пляж через тесный лаз — ответвление главного прохода, и другого пути сюда не было. Разве что по морю...

Добыча с воткнутой стрелой качалась на мелкой зыби совсем недалеко от берега. Дуг ворчал на Шипа: зачем загубил рыбу и стрелу? Достать их было нельзя. Всюду кишели мелкие, похожие на грибы-рыжики медузы. Галь объяснил мне, что они страшно ядовиты, и показал на коричневой ноге белые тонкие рубцы — следы ожогов.

Это было очень обидно: так хотелось искупаться, а мелкие жгучие твари не пускали нас в воду все дни подряд. Но Дуг меня утешил. Он сказал, что скоро медузы уйдут от берега и не появятся до следующего новолуния...

И в самом деле через день Дуг сообщил: — Можно купаться, люди!

Мы все весело завопили, и больше всех обрадовался Малыш. Правда, он не орал как сумасшедший, но сразу бросился к спуску и в темноте, не боясь расшибиться, застучал своими разбитыми башмаками по ступеням.

Когда мы оказались на пляже, Малыш уже плывал далеко от берега. Плывал быстро и умело, будто на тренировке в спортивной школе.

Он закричал нам:

— Давайте сюда! Плывите!

Никогда я еще не видел его таким счастливым, даже во время полета.

Наша малышня поскидывала тряпье и бросилась в воду. Соти ушла за камень. Галь, Шип, Тун и Дуг, поглядывая на этот камень, стали мастерить из сухих водорослей и веревочек набедренные повязки. Мне даже неловко стало за свой «богатый наряд»: черные трусики с белыми лампасами...

Наконец мы все бултыхнулись в море. В синевато-зеленую прохладу, где серебряными строчками проскакивали стайки рыбешек.

Плавали, барахтались и плескались, пока от озноба не стало сводить челюсти. Потом выбрались на песок и горячие камни. А Малыш все еще купался.

— Ну-ка давай на берег! — прикрикнул Дуг. — Будешь потом дрожать...

Малыш приплыл и выбрался на пляж. Плотно обнял себя за плечи и пошел к нам — словно понес в руках самого себя, худого и озябшего.

Я замигал и приподнялся на песке. На Малыше были красные плавки. С белым пояском, тоненькой медной пряжкой и разноцветными олимпийскими колечками на кармашке. Такие же, как те, что перед лагерной сменой купила мне мама. В нашем спортмагазине.

Я не вскрикнул, не вскочил. Опустил голову,

зажмурился, и в темноте мысли у меня понеслись, как серебряные строчки рыбешек: отрывистые, торопливые, но все в одном направлении. Потом я испугался: не показалось ли? Открыл глаза. Малыш стоял почти рядом. Колечки, вышитые на кармашке, были похожи на разноцветный букетик.

— Говорил ведь: промерзнешь, — упрекнул Дуг.

— Да нет, я ничего, — стукнув зубами, откликнулся Малыш. Сел на корточки и обхватил колени.

Я встал и подошел к нему со спины. Спина была мокрая, блестящая с выпуклой цепочкой позвонков. Она крупно дрожала...

— Юлька... — тихо позвал я.

Спина сделалась неподвижной.

Тогда я громко сказал.

— Юлька Гаранин!

Луна была почти полная...

Мы с Юлькой ночевали в одной пушке. В мортире. Потому что нам не хотелось расставаться ни днем, ни ночью. Ни на минуту. Мы сразу прикипели друг к другу.

Юлька все вспомнил.

Его история была похожа на мою, только проще. Когда он купался в нашем озере, к нему подошла рыбацкая лодка и незнакомый человек сказал:

— Мальчик, ты так хорошо плаваешь. Помоги распутать сеть, она зацепилась за корягу...

Он усадил Юльку в лодку и повез на середину озера. Скоро Юлька забеспокоился: какие коряги вдали от берега, на глубине? Тогда человек начал говорить об острове Двид, о Ящере, о легенде про Юного Рыцаря... Юлька, не долго думая, махнул за борт, но человек перехватил его на лету и замотал в глухой черный плащ...

Потом была темница, и этот же человек угваривал Юльку сразиться с Ящером. Юлька не верил ни в Ящера, ни в остров Двид, скандалил и требовал отправить его домой. Тогда человек пригрозил Юльке судом и расправой за трусость. Сначала, мол, пообещал сразиться, а потом испугался. Пусть все видят, какой Юлька трус. В конце концов это и нужно было властям острова.

— Подумай до утра, — сказал человек и ушел.

Юлька не стал думать до утра, ночью он бежал. Тогда в камере стояла деревянная табуретка, а лежанка была укрыта одеялом, и Юлька этим воспользовался. Он разорвал одеяло на полосы и связал, а табуретку разбил. К отломанной ножке примотал конец самодельного каната с узлами. Ножку зашвырнул вверх так, что она

легла поперек оконца в потолке. Вылез на крышу, пробрался ночными улицами на край города. А там заросшие тропинки привели его в Заколдованный лес...

...Я долго рассказывал Юльке про наш город, про ребят, про наши игры. По то, какие фильмы теперь идут в кинотеатре «Спутник» и какие марки продают в киоске на углу Первомайской и Пушкинской... А он слушал, слушал — по многу раз одно и то же. И, конечно, все время спрашивал про своих родителей.

Что я мог сказать? Я говорил, что они живы и здоровы, только сильно горюют. Зато как они обрадуются, когда Юлька вернется!

Больше всего мы разговаривали про это по вечерам, когда наше каменное гнездо затихало. Мы с Юлькой лежали рядышком на упругом настиле, который сплели из веток, и смотрели из жерла муртиры на ясное ночное небо. Оно было синевато-зеленым с небольшими редкими звездами. И набухала в этом небе яркая луна. Еще не круглая. Где-то глубоко внизу, в лесной чаще под утесом вскрикивали ночные птицы, а поблизости неутомимо трещал кузнечик...

— Когда вернемся, никто не поверит, что есть на свете остров Двид,— задумчиво сказал Юлька.— Будут допытываться: где же вы в самом деле пропадали столько времени?

— Ничего. Главное, чтобы вернуться...— откинулся я.

Эти слова, кажется, встревожили Юльку. Он спросил с беспокойством:

— А ты уверен, что Птица донесет нас обоих до дому?

— Конечно. Мы же летали вдвоем.

— Мы недалеко летали. А этот путь будет, наверно, очень длинный...

— Донесет,— успокоил я Юльку и себя.— Она вон какая сильная. И верная...

Юлька помолчал. Зябко повел плечами. Прошептал:

— Даже страшно подумать, как там мама... Она всегда за меня беспокоилась...

Я подумал про свою маму, про то, что сердце у нее неважное, побаливает. И сказал:

— Нам как-нибудь поосторожнее надо будет появиться, не сразу. Чтобы с ними ничего не случилось от радости...

— Я уж думал про это,— отозвался Юлька.— Но, знаешь, по-моему, от радости ничего плохого быть не может... Женя...

— Что?

Юлька вздохнул, повозился и сказал совсем негромко:

— Мама меня называла знаешь как? «Сокровище»... Иногда хорошо так, ласково, а иногда: «Ну-ка, сокровище, покажи дневник...» Но все равно хорошо...

Он, кажется, улыбнулся в темноте и снова заговорил:

— А я, когда маленький был, не знал, что такое «сокровище». Маму спросил, а она говорит: «Это разные драгоценности, которые сперва спрятали, а потом откопали...» Я говорю: «А где ты меня откопала?» Она как начала хохотать... А потом я спросил: «Значит, я драгоценность?» А мама: «Конечно, драгоценность. Цена — одна полушка...» А я не знал, что такое полушка...

— Это денежка старинная. Полкопейки, да?

— Меньше. Полкопейки — это грош, а полушка — половинка гроша... Только я тогда думал, что полушка значит «пол-ушка». Ну, половина уха. И давай придумывать: «А почему не полноса? Почему не ползуба?» А мама говорит: «Красная цена — полхвоста»... Мы тогда с ней так хохотали...

Я засмеялся. И мне показалось, что Юлька тоже смеется. Но почти сразу я понял, что он вздрагивает и всхлипывает от слез.

— Да ты что, Юлька... Ну, не надо. Мы же скоро вернемся, честное слово!

Потом я замолчал, чтобы не разреветься самому. Закусил губу и слушал, как Юлька постепенно успокаивается.

Юлька вздохнул, и вздох этот был очень длинный и какой-то прерывистый, словно мы ехали в тряской тележке.

Наконец Юлька сказал:

— У меня всегда так: если слезы подкатят, ничего не могу поделать... У меня такой характер, слабосильный. Наверно, потому, что имя девчоночье.

— Какое же оно девчоночье,— возразил я, чтобы хоть чуточку его успокоить.

— Конечно. Ю-у-у-лечка... Так у меня двоюродную сестру зовут.

— При чем тут сестра? А Юлий Цезарь? Он, по-твоему, тоже девчонкой был?

— Так это же Цезарь. А я кто? Просто Юлька...

— А я просто Женька... У нас в классе три Жени — я и две девочки. Но я же не говорю, что я девчонка!

— Ты — другое дело. У тебя характер крепкий...

«У меня-то?!» — хотел заспорить я и уже собрался рассказать, сколько раз отчаянно трусил и пускал слезы на этом острове. Но Юлька опять заговорил (и, кажется, опять улыбнулся):

— А мою маму тоже зовут Женя... Евгения Степановна... Она в музыкальной школе работает... Я ее иногда до школы провожал, и как подойдем к школе, все ребята сразу кричат: «Здрате, Евгения Степановна!».

Он как-то сразу, очень резко, замолчал. Может быть, опять подступили слезы?

Чтобы отвлечь его, я быстро спросил:

— А ты тоже учился в музыкальной школе?

— Не... мне медведь на ухо наступил. Я только иногда слова для песенок придумывал, а мама

к ним музыку сочиняла... Мы с ней много песенок написали...

Юлька вдруг рывком повернулся ко мне, и я в скользящих лучах луны увидел его тоскливое и встревоженное лицо. Он сказал глуховато и совсем другим голосом. По-взрослому:

— Если мы не вернемся, она же ни одну песню не сможет вспомнить без слез...

— Вернемся, Юлька,— быстро ответил я, чтобы и его успокоить, и себя.— Вернемся. Скоро уже будет юго-западный ветер. Смотри, луна почти полная.

Он лег на живот и уперся подбородком в кулаки.

— Женя... А похоже, будто луна в иллюминатор светит, да?

— Похоже...

— Мы однажды с мамой и папой плыли на теплоходе по морю. Из Одессы в Батуми. Иллюминатор в каюте был круглый, и в него вот такая же луна заглядывала... Тихо было и совсем не качало. Я полночи не спал, все смотрел. Я люблю на луну смотреть... Может, я лунатик? Я засмеялся:

— Ты же не бегаешь ночью по крышам...

— Не...— сказал Юлька уже повеселевшим голосом.— Я только стихи про луну сочинил. Хочешь, расскажу?

— Конечно, хочу.

Он, видимо, застеснялся, сбивчиво пробормотал:

— Ну... они, наверно, не очень складные... Ты не смейся, ладно?

— Да что ты, Юлька! Рассказывай давай.

Он переглотнул и заговорил...

По-моему, это были хорошие стихи. Я их сразу запомнил, хотя, вообще-то, запоминаю стихотворения с трудом. И вот теперь я пишу их, как слышал: с разными остановками и ступеньками — как Юлька говорил. И будто снова слышу Юлькин голос:

Я не сплю...

Лежу я и не сплю

(Только вы не говорите маме)...

Звезды, словно замерший салют,

Гроздьями повисли над домами.

Только я на звезды не смотрю,

Я от нетерпения горю:

Жду,

когда от краешка окна

Круглая появится Луна.

На Луне так много лунных сказок:

Там

над золотистой водой

Желтые растут дубы и вязы

И сидит волшебник с бородой.

Я к нему

по лунному лучу

Побегу сквозь голубую даль.

От него

в подарок получи

Золотую лунную медаль

Я ее повешу на стене,

И она

ночами

со стены

Будет часто улыбаться мне,

Как сестренка

той

большой Луны.

Юлька замолчал и потом проговорил неловко:

— Ну вот... все.

— Это же замечательные стихи,— от всей души сказал я,— а ты еще говорил: нескладные!

— Мама тоже сказала, что хорошие,— признался Юлька.— Я их ей на день рожденья подарил... Хоть там и написано: «Только вы не говорите маме», но это же так, почти что в шутку...

«Ничего, Юлька, скоро будет юго-западный ветер»,— снова хотел сказать я, но в горле скребло, потому что я тоже думал о маме. Да и сколько можно говорить одно и то же? Я просто положил свою ладонь на горячее Юлькино плечо и стал смотреть на луну. А она расплывалась, разбивалась на брызги. Потому что характер у меня был ничуть не крепче Юлькиного; и на ресницы выдавились большие капли.

«Ничего, Юлька, скоро будет полнолуние...»

Я проморгался. Луна опять сделалась четкой. Она висела теперь точно в середине пушечного жерла. Значит, наша мортира была нацелена прямо на нее. Вот если бы сейчас грянул выстрел!

Наверное, мысли все-таки могут передаваться от человека к человеку, Юлька спросил:

— Ты читал книжку Жюль Верна «Из пушки на Луну»?

— Конечно! Я как раз об этом думал!

— И я думал... Вот если бы по правде так было можно: набить пороху — трах!

— А что там делать на Луне?

— Да не на Луну. Я, чтобы домой...

Его плечо приподнялось и опустилось под моей ладонью.

«Домой...— подумал я.— Сделать бы снаряд, вроде бочки, а к нему парашют для приземления, как у космонавтов... И ка-ак грохнуть!... Только что от нас останется? Да и разве долетел бы снаряд в такую даль? Плюхнулся бы где-нибудь на острове среди леса. Или в озеро...»

В озеро?

Я представил, как грохается в воду снаряд. Не бочка с пассажирами, а громадное каменное ядро... А у Ящера слабая башка. Щупальцы могучие, а темя...

— Юлька...— шепотом сказал я. Но он не ответил. Он быстро и незаметно уснул.

А я не мог уснуть до самого утра. Все думал: если сохранились на бастионах ядра, то, может быть, где-то в подвалах сохранился и порох?

Порох

Если бы он сохранился!

С той минуты, как я попал на бастионы, ни разу не приходила мне мысль о войне с Ящером. Бесплезно было об этом думать. Что могли бы сделать мы — Дуг и несколько мальчишек — со стальным исполинским чудовищем?

Но если есть порох и ядра...

Меня просто жгло от этих мыслей. Теперь, когда появилась надежда на могучее оружие, мне очень хотелось отомстить. За обман, за унижение, за страх, за кровь... за того мальчишку на розовом помосте... за свое бегство...

Но главное не в этом. Главное, что остров будет свободен. Кто такой Тахомир Тихо без Ящера? Толстенький лысоватый человек без власти и силы. Кем станут слуги Ящера, если чудовище превратится в металлолом? Да они и воевать-то не умеют, привыкли помыкать беззащитными людьми.

Может быть, все же не случайно появился я на этом острове? И Юлька? Может быть, в конце концов, посчитаемся с Ящером?

...На рассвете я разбудил и вытащил из пушки Дуга. Я выпалил ему все, что передумал за ночь. Он сперва ничего не сообразил и решил, что я увидел страшный сон. Даже заворчал: сам не спишь и другим не даешь. Но вдруг замолчал. Он стал очень спокойный, только сжал губы, а ноздри у него задрожали.

Он спросил:

— А какой он, этот порох?

— Ну неужели ты не знаешь, что это такое? Им стреляют из пушек и ружей!

— Я знаю, что им стреляют, — с нетерпеливой досадой сказал Дуг. — Но какой он? Мы же никогда его не видели. Чтобы искать, надо знать...

— Если есть, найдем!

На поиски пошли Дуг, я, Юлька и Галь. Дуг объяснил, что от коридора, который ведет вниз, отходят небольшие ответвления. В них есть погреба, ниши, тайники. Никто их как следует не разведывал. Вполне может быть, что есть там и пороховой склад.

Мы искали долго. Облазили много узких проходов и сводчатых камер. Ободрались о камни и закоптились от факелов как черти. Ничего не нашли и вернулись в главный коридор.

— Посмотрим ниже, — сказал Дуг.

Мы спустились на два десятка ступенек. Хотели опять свернуть в коридорчик, но я обратил внимание, что стена слева от нас какая-то странная — не плоская, а будто сложенная из цилиндрических камней. Я пригляделся. Это была не стена. Это была высокая ниша, и от низу до верху ее заполняли бочонки. На одном бочонке не было верхнего обруча. Я потянул за край клепку. Дернул. Дощечка отошла, и щекоцущим потоком на ноги мне хлынула черная крупа.

— Назад! — заорал я. — Назад, кто с огнем! Быстро вы, идиоты!!

Кажется, Галь и Дуг обиделись на меня за этот крик. Но мне было не до того. Даже наверху, когда мы выбрались, у меня дрожали ноги. Я посмотрел на Галя и Дуга, на их сердитые лица, и молча выгреб из кармашков порошок, который прихватил с собой.

Попросил Уголька принести старую жестяную кружку, засыпал ее порохом до половины, а сверху сплющил камнем и загнул расплющенный край. Сказал Юльке:

— Разожги костерчик...

Огонь разгорелся, и я скомандовал:

— Ну-ка все за башню...

Кинул кружку в пламя.

Грянуло крепко. Дым и огонь взметнулись метров на пять, а ветки раскидало по всей площадке. Стрелка и Точка завизжали.

— Ясно? — спросил я, когда мы поднялись после взрыва. — Ясно, где бы мы сейчас летали, если бы грохнули бочонки?

Но тут я посмотрел на Галя и Дуга и спохватился:

— Ребята, простите... Я же там перепугался так, что просто без памяти...

Дуг потер веснушчатой лапой побледневший лоб. Тихо сказал:

— Это ты прости... А мы-то каждый день ходили там с факелами...

Мы все обсудили на общем совете. Мы объявили Ящеру войну!

Интересно, как понравятся ему каменные шарики в тонну весом, когда они посыплются на башку?

Только долетят ли?

Озеро блестело очень далеко. Но калибр у мортиры был раза в три больше, чем у самых крупных орудий на линкорах, про которые я читал в морских книжках. А линкоры стреляли на сорок километров!

Конечно, старая мортира — не то, что современное нарезное орудие. Но мы набьем пороху до отказа, подожжем фитиль, а сами скроемся в каземате. Если даже разорвет ствол, никто не

пострадает. Зато, если не разорвет, ядро наверняка достанет до цели. А может быть, на первый раз и перелет будет...

Притащить из погреба порох было нетрудно. Зато предстояла долгая возня с ядрами. И мы решили сперва заняться этим тяжелым делом.

Работали мы несколько часов. Руками, плечами, рычагами все вместе толкали ядра к каменному желобу, а по нему подкатывали поближе к дулу мортиры. Мы срывали с плеч и ладоней кожу, растягивали сухожилия, хрипли от криков... Мы измотались так, что даже не хотелось обедать. Зато пять громадных шаров улеглись в желоб, и я вспомнил тиражи спортлото, которые видел по телевизору. Ладно, мой милый Ящер, посмотрим, чей номер счастливее!

Часа два мы отдыхали. Потом Дуг принес очень ценную вещь: стеклянный фонарь со свечкой. Не соваться же опять к пороху с открытым огнем.

Каждый взял котелок или сделал мешочек из тряпок и одежды. Направились к спуску. Впереди всех шел Дуг с фонарем, а за ним ковылял маленький Лук. Он смешно торопился. Нога у него зацепилась за камень. Лук покатился в траву, засмеялся и вдруг негромко вскрикнул. Мы подбежали. Лук держался за щиколотку: оказалось, что в ногу ему воткнулась обглоданная рыба кость, черная от грязи.

Откуда она здесь взялась, проклятая? Мы после еды всегда аккуратно собирали мусор и кидали вниз. Может быть, она валялась здесь с древних времен?

Ранка была небольшая, но я увидел, каким сумрачным стало лицо у Дуга. И сразу вспомнил про мальчишку, который пять лет назад погиб здесь от такой же царапины.

Сотй сбегала за своими лекарствами, сделала перевязку, а потом что-то озабоченно объяснила Дугу.

— Надо идти в деревню,— сказал нам Дуг.— У старухи есть отвар белого корня. Надо смазать ногу, иначе может быть худо.

Мы приуныли. Все шло так хорошо — и вот... Но Юлька быстро встряхнулся.

— Ладно, я пошел...

Кроме него идти было некому. Я не знал дороги, а остальные выглядели такими оборванцами, что в деревню не сунешься. Старуха-знахарка была молчаливая и добрая, давала лекарства и ни о чем не спрашивала, но жила она рядом с деревенской площадью. Незаметно подблизиться к ней было невозможно.

— Только вы без меня не стреляйте,— попросил Юлька.

Дуг озабоченно сказал, что стрелять не будем: Ящер никуда не денется, а с лекарством надо поспешить.

Я предложил позвать Птицу, чтобы доставить Юльку поближе к деревне, но Юлька возразил: — Пока она прилетит, я уже внизу буду. И прыгнул в черный лаз прохода...

Маленький Лук ни о чем не беспокоился. Нога болела не сильно, и он лишь косолапил больше обычного, когда бегал по площадке. Зато остальные были встревожены, хотя и скрывали.

Я понимал, что при таком настроении лучше не браться за подготовку к стрельбе. Работа эта важная и сложная, надо выполнять ее со спокойной душой. Все разбрелись, и каждый занимался своим делом. Соти время от времени покрикивала на Лука, чтобы не бегал, подзывала и проверяла: не распухает ли нога? Нога потихоньку распухла...

Я сидел на краю каменного желоба и поглаживал теплый шероховатый бок ядра. Подошел Дуг.

— Ничего,— сказал он.— Малыш принесет отвар, и все наладится... А как будем стрелять? Озера-то отсюда не видать...

В самом деле, из центра площадки не было видно горизонта. Его закрывали каменные барьеры и обломки стен. Но я объяснил Дугу, что это нестрашно. Мортиры для того и придуманы, чтобы стрелять по врагу из укрытий. Мы набьем в орудие пороху, закатим ядро, потом поднимем ствол повыше, выпалим, и снаряд помчится к озеру по крутой дуге — сначала вверх, затем вниз. А чтобы направление было точным, надо прочертить линию стрельбы: от орудия вон туда, к самому краю, который отгорожен от обрыва гранитным парапетом...

Подошли ребята и вместе с Дугом слушали мои артиллерийские рассуждения. Медлительный коренастый Тун поскреб в затылке и сказал с неторопливым удивлением:

— Ох ты, Женька... Все знаешь... Разве вас учат в школе из пушек стрелять?

— Да это же простая математика! Никто не учит, я сам в разных книжках читал...— Тут мне стало неловко: получалось, будто хвастаюсь. И я быстро сказал:

— Пошли, посмотрим укрытие...

Мы спустились в нижний каземат бастиона, который одним краем примыкал к орудийной площадке. Решили, что здесь и спрячемся, когда подожем фитиль. Из маленьких бойниц мортира видна отлично, а могучие стены защитят нас от опасности.

И все получится, как задумано, только бы не было беды с Луком.

Юлька долго не возвращался. Может, не застал дома старуху, или она долго готовит отвар? Все молчали, но я знал, что каждый думает одно и то же: «Ну поскорее бы он вернулся!».

И Юлька вернулся.

Но как!

Я увидел его в бойницу. Юлька выскочил на площадку — оборванный, встрепанный, с мокрым от слез лицом.

— Ребята! — кричал он. — Уходите, прячьтесь! Они идут!

Мы рванулись к нему из каземата. Но Юлька бросился к нам навстречу, раскинул руки и налетел так, что просто впихнул всех обратно.

— Не ходите! Они... там... сюда идут!

— Кто? — крикнул Дуг. — Что с тобой?!

— Они...

В этот миг пол ударил нас по ногам, светлые щели бойниц захлестнуло темнотой, и тугой грохот встряхнул стены. Меня бросило на плиты. Сверху посыпалась каменная крошка.

Она сыпалась мне на затылок, а я лежал и ничего не понимал. Но тут заплакала Точка. Отплевываясь от каменной пыли, я стал пробираться к ней в темноте...

Щели бойниц постепенно светлели, стало в них просачиваться солнце. Я увидел, что хнычущую Точку держит на руках Тун. С ней ничего не случилось. С остальными, кажется, тоже.

Мы стали по одному выбираться наружу.

Над бастионом висели клубы дыма и белой пыли. Пыль оседала на траву. У главной оружейной площадки был обрушен один край, по квадратной башне прошли снизу доверху трещины. Многие орудия оказались опрокинуты, ствол одного из них валялся у входа в каземат.

Только мортира стояла по-прежнему. Как уцелевший памятник среди разбомбленного города. Но мы уже начинали понимать, что теперь она ни к чему.

Наверно, мы долго стояли и молчали.

— Порох... — сказал Дуг. Пыль оседала на его ярко-медные кудри, и он будто сидел на глазах.

Кто-то негромко и совсем безнадежно заплакал. Я оглянулся — Юлька. Он стоял позади всех и смотрел прямо перед собой полными слез глазами. Рот у него был в крови. По усыпанному пылью щекам протянулись мокрые темные полоски.

— Это они его взорвали, — плача, проговорил Юлька.

— Кто? — крикнул Галь.

— Слуги Ящера... Я от них убежал...

— А! — жестко сказал Дуг. — Они погнались за Малышом и сами взорвались!

Юлька замотал головой так, что капли со щек полетели по сторонам.

— Нет! Они не взорвались! У них не было открытого огня! Не было! Значит, они нарочно!

— Откуда ты знаешь? — почти испуганно спросил Дуг.

Юлька перестал плакать и замер.

— Малыш... — в тишине позвал его Дуг.

Юлька беспомощно посмотрел на него, а потом на меня.

— Потому что это я виноват, — еле слышно сказал он. Закусил окровавленную губу и уронил голову.

Юлька

— Ты? — очень удивился Дуг. И шагнул к Юльке.

Юлька быстро сел на корточки, почему-то прикрыл растопыренными ладонками затылок и затрясся, просто заколотился от нарастающего плача. И сквозь отчаянные слезы прокричал:

— Потому что я трус и предатель! Это я расказал им про порох и про тайный ход! Они меня поймали, и я рассказал!..

Он захлебнулся слезами, совсем сжался в комочек и привалился к низким ступеням. Я видел, как безнадежное горе скручивает и бьет его, будто ударами тока. Грубый камень сразу расцарапал голое Юлькино плечо. Хотел я броситься к Юльке, поднять его, но в эту минуту почему-то не смог. Посмотрел на ребят. Они с непонятными лицами обступали рыдающего Малыша, придвигались к нему мелкими шагами.

На миг я испугался. Подумал, что они будут бить его. И понял, что сразу кинусь на защиту, стану драться, как тысяча тигров! Потому что все равно это был Юлька! Не смейте!

Как по-идиотски я ошибся, когда подумал такое про ребят. Даже стыдно вспоминать... Они подошли совсем близко, и Соти села рядом с Юлькой. Погладила его исцарапанное плечо и тихонько спросила:

— Сильно мучили?

От неожиданной ласки Юлька замер. Медленно поднял мокрое лицо. Посмотрел на Соти, на всех нас, глотнул и сказал как-то удивленно:

— Совсем не мучили. Только пообещали... А я все выдал. Вот ведь какой я трус... — И опять заколотился в рыданиях.

Дуг нагнулся, взял Юльку за локти и тряхнул. Строго потребовал:

— Ну-ка перестань. Слышишь?

Юлька опять притих. Через плечо посмотрел на Дуга. И со всхлипами проговорил:

— Теперь вы должны судить меня как изменника. Да?

Дуг взял его на руки и медленно выпрямился. Сумрачно сказал:

— Эх ты, Малыш... Это вон тех надо судить. — Он кивнул в ту сторону, где маячил под вечерним солнцем город.

Юлька протестуя дернулся, но Дуг прижал его к груди и понес в казарму. Дранный башмак упал с Юлькиной ноги. Я поднял его и пошел за Дугом.

В казарме Дуг положил Юльку на покрытую дерюгой лежанку. Юлька вздрагивал и молчал. Мы встретились взглядами.

Такая тоска была в его глазах, такая боль, что я чуть не закричал. Но сдержался и не отвел взгляда. Однако смотреть так и молчать было невозможно. И я глупо спросил:

— Как же ты им попался, Юлька?

Он резко приподнялся. Заговорил, глотая слова:

— А как... Сам не знаю... Шел по деревне, а двое откуда-то подскочили. Сразу хватать... Говорят: «Ты из крепости спустился?» Я притворился, будто ничего не понимаю, а они опять: «Не отпирайся, все равно ваших всех уже поймали». Я испугался и говорю: «Как поймали?» Они тогда засмеялись и потащили меня... А там такой подвал...

Юлька опять дернулся, глянул на Дуга и прошептал:

— Все равно вы должны меня судить. Так надо...

— За что? — печально спросил Дуг. — За то, что не сумел стать героем? А кто уверен, что сумел бы? Кто из нас герой?

— Никто не герой, но никто и не предатель, — горько возразил Юлька.

Дуг хотел ответить ему, но пришла Соти. С кувшином и чистыми тряпичками. Она молча отодвинула меня и Дуга от лежанки и стала смыть кровь с Юлькиных губ и подбородка.

Дуг взял меня за локоть.

— Пойдем пока...

Обрушенный край площадки еще дымился. Трава была белесая от осевшей пыли. Ребята молча ждали нас. Галь поманил Дуга и меня к обрыву и сделал знак, чтобы укрылись за парашютом.

— Смотрите.

Мы осторожно глянули вниз. Лес был освещен закатом. Среди деревьев уходили от скал слуги Ящера. Они шли, не оглядываясь. Видимо, были уверены, что мы или погибли от взрыва, или наглухо заперты в крепости и никуда не денемся...

А мы и в самом деле были заперты. Взрыв разрушил спуск, и мы не могли теперь попасть ни в лес, ни к морю. И колодец, где мы добывали воду, завалило (это был глубоководный колодец, он уходил сквозь толщу утеса в какие-то бесконечные недра, и мы таскали из него воду котелками на чудовищно длинной веревке). Запас воды хранился в каменной бадье глубоко в подвале. Бадья не пострадала и была почти полная. «Но это на три дня, — подумал я. — А потом что? И надолго ли хватит еды?»

Дуг собрал нас у мортиры. Всех собрал, даже самых маленьких, только Соти и Юлька остались в казарме.

— Что будем делать, люди? — спросил Дуг. Все молчали. Мои мысли разрывались: надо

было думать, как выбраться из западни, а я думал о Юльке. Как он там?

Ну ладно, мы с Юлькой скоро улетим, а что будет с остальными?

«А как же вы улетите? — словно спросил меня кто-то. — Бросите ребят в беде?»

В самом деле, разве бросим? Не бывать нам с Юлькой дома, пока не отыщется для всех путь к спасению.

Только где он, этот путь?

— Уходить нам отсюда некуда, — сказал Галь. — Внизу нас переловят, как цыплят...

— А здесь помрем с голоду, — хмуро заметил Дуг.

— Птица поможет, — неуверенно сказал я.

— Сколько можно гонять Птицу? — откликнулся Дуг. — И за хлебом, и за рыбой, и за водой... Измучаем ее, и она нас бросит.

Я был уверен, что Птица нас не бросит. Но что измучится — это точно. Ответ Дуга прозвучал сердито, и я смущенно умолк. Опять подумал о Юльке. Сильно он виноват или не сильно, я не мог решить. Однако врагов к тайному ходу привел все-таки он. А мы с ним были до сих пор, как один человек. Значит, и на мне лежала вина. Никто мне так не говорил и, наверно, даже не думал, но я опустил голову и отошел.

В это время Дуг сказал:

— Нам нельзя спускаться отсюда, что с Птицей, что без Птицы. Слуги Ящера, наверно, следят за всей округой. Нам вообще нельзя показываться в здешних местах.

Тун спросил неторопливо:

— А куда деваться-то?

— Только в Синюю долину...

Все непонятно замолчали.

Потом Галь тонко и жалобно крикнул:

— Сумасшедший ты! Хочешь сгинуть со света?

— Как же теперь? Пусть из-за меня все сгинут? — тихо спросил Дуг. Он еще что-то сказал, но его заглушили сердитыми возгласами. Все на него накинулись. За что? Я ничего не понимал.

Подошла Соти и негромко сказала:

— Ну чего раскричались? Не шумите. Где Лук?

Она вывела Луку из толпы, усадила на лафет и стала разматывать на его ноге грязную повязку. В левой руке Соти держала блестящий пузырек.

— Что это у тебя? — спросил Галь.

— Лекарство. Малыш принес...

Принес все-таки! Значит, схватили Юльку, когда он уже побывал у старухи. И он прятал у себя пузырек — не разбил, не потерял, сберег...

Мы обступили Луку. После взрыва мы совсем забыли о его ране, а теперь забеспокоились.

Ранка подсохла, но щиколотка распухла. Дуг покачал головой. Соти сказала:

— Ничего. Теперь скоро пройдет.

Она развернула свежий бинт, смочила его лекарством.

— Отойдите-ка, свет загородили...

Но мы не загоразживали свет. Просто зашло солнце, и быстро темнело.

Тун принес фонарь...

Потом от этого фонаря мы зажгли небольшой костер. Все молчаливые и невеселые сели у огня. Меня грызла тревога за Юльку, и я пошел в казарму. Но Юлька сам вышел навстречу.

Даже в сумерках было видно, какой он осунувшийся и несчастный. Просто убитый.

— Пойдем, Юлька, к огню,— осторожно сказал я и взял его за ладонь. Но он освободил руку и качнул головой.

— Ну чего ты... Пойдем,— повторил я и от жалости к нему чуть не заревел...

Юлька опять мотнул головой и сел в чахлую траву у подножья башни. Я неловко взял его за плечо. Оно было холодное, как у неживого.

— Прогногнешь ведь...— пробормотал я.

— Нет,— прошептал Юлька и шевельнул плечом.

Подошел Галь. Укрыл Юльку своей изодранной курткой, а меня отвел в сторону. И сказал мне ласково и твердо:

— Пускай посидит один, если хочет. Ему сейчас плохо...

Я послушался. Мы с Галем сели у огня в кругу ребят. Но я не мог не думать о Юльке. Я просто чувствовал спиной, как он в темноте, в двадцати шагах от меня, сидит, скорчившись, и тихо глотает слезы. Глотает свое горе, свою вину, свой стыд...

У костра все молчали. Всех придавила беда, и, к тому же, устали за день. И все будто договорились: не спорить сегодня, не ломать головы и не решать никаких вопросов. В конце концов, пока нам ничего не угрожало. Мы в западню, но и враги сюда не доберутся. Рыбы и хлеба на пару дней хватит. А дальше будет видно...

Все молчали и смотрели в пламя. Лук сидел, прижавшись к Соти, и его свежий бинт ярко светился от огня. У Дуга золотились веснушки.

Я вспомнил недавний разговор и спросил Галя:

— А что за Синяя долина?

Галь шепотом рассказал, что в южной оконечности острова, среди отвесных гор, есть место, где растет множество плодов, гнездится множество птиц и водится множество животных. Там бьют чистые родники и никогда не бывает палящей жары. Но люди там не живут. Лишь развалины темнеют на месте брошенных деревень. По утрам, едва упадут на землю рассветные лучи, там выползает из расщелин тонкий голубой туман и наподняет собой воздух. Для детей этот воздух безвреден, а для взрослых смертельно

опасен. Ни один взрослый человек не решается заходить в Синюю долину. Он знает, что если подышит там хоть немного, через несколько недель погибнет от непонятной болезни, похожей на малярию. С помощью Птицы можно было бы добраться до Синеи долины. Лучшего убежища для ребят не придумать... Но Дуг... Он ведь уже большой...

Выкатилась яркая луна. Огонь догорал, и больше уже никто не подбрасывал сучьев.

— Спать давайте,— уронил Дуг и медленно встал.

Стали подниматься и ребята.

Я сразу пошел к Юльке. Он уже не сидел, а лежал у стены, среди чахлых стеблей. Съежился и укрылся с головой. Только ноги торчали из-под куртки. Одна в башмаке, другая босая...

— Юлька...

— Что? — бормотнул он из-под куртки и не пошевелился.

— Пойдем спать, Юлька.

— Я и так...— шипло проговорил он.

— Так не надо, Юлька. Пошли в пушку.

Он откинул с лица лохмотья. Лицо при лунном свете казалось очень бледным.

— А ты разве...— прошептал он.— Ты... тебе не противно?

— Ну дурак же ты! — почти со слезами сказал я.— Вставай, пошли!

Он послушно пошел и забрался в мортиру. И, как раньше, мы легли рядом на упругую подстилку. И снова светила в круглое жерло белая луна. Юлька уткнулся лицом в сухую траву.

А я... Не знаю, правильно ли это, но я почувствовал, что сейчас нельзя его больше жалеть. Ему только хуже от этого. Я сердито сказал:

— А теперь все рассказывай.

Он будто даже обрадовался. Приподнялся на локтях.

— Я расскажу, сейчас... Это так быстро случилось... Они меня затащили в подвал, а там говорят: «Покажешь, где проход?» Я говорю: «Какой проход?» — «На бастионы». Я говорю: «Не знаю». А они смеются: «Все знаешь и все покажешь. Вместе пойдем...» Я сказал, что не пойду, а они опять смеются: «Все покажешь и расскажешь...» Если бы кричали и ругались, а то все со смехом. Еще страшнее от этого смеха... Кинули меня на скамейку, я затылком брякнулся, так что искры из глаз. Руки и ноги привязали... Я думал: «Пускай хоть как бьют, зубы сцеплю, умру, а не скажу. Только жаль, что маму с папой не увижу, но пускай... Ни словечка не выговорю...» А они бить не стали...

По Юльке вдруг прошла такая дрожь, что показалось, будто мортира затряслась. Потом он замер и шепотом сказал:

— Там над скамейкой балка, а на балке колесо висит, громадное, а из него гвозди торчат. Много-много гвоздей, и все ржавые. Длинные...

Один стражник надавил какую-то палку, а оно закрипело и прямо на меня. Будто накатывает... А другой, не стражник, а в простой одежде, длинный такой, с гнилыми зубами ухмыляется: «Будешь говорить, мальчик?» И тоже что-то нажал... Я хотел зажмуриться, а глаза не закрываются. А гвозди все ближе, прямо совсем... Ну, я не выдержал, как закричу: «Пустите!»... Я сам не помню, Женька, что дальше получилось. В общем, я, кажется, все выдал. И где проход, и где порох... И про нас рассказал про всех...

И он опять лег лицом в траву. Видно, больше нечего ему было говорить. А я представил это колесо с гвоздями: будто оно надвигается на меня. Медленно и неумолимо. А это было еще страшнее, чем Ящер. «А кто из нас герой? — вспомнил я слова Дуга. — Кто из нас смог бы?»

Дуг смог бы, я это понимал. А мы, мальчишки?..

— Юлька, почему у тебя рот был в крови? — прошептал я.

Он опять приподнялся:

— Это уже потом... когда я лампочку раскусил...

— Какую лампочку?

— Ну, понимаешь, они меня повели на веревке, чтобы я проход показал, и фонарики взяли. Вроде палочек с электрическими лампочками на конце... Толпа стражников за мной пошла, а я впереди. Иду и думаю: «Что же я наделал!..» Когда в коридор пролезли, я говорю: «Дайте фонарик, а то темно, тут ямы». Они дали. А я решил: как доберемся до склада, стекло раскушу и горящей ниточкой в порох... Только не вышло. Я зубы стиснул, ниточка сразу погасла. Тогда я веревку вырвал и побежал. Они там закричали что-то, запутались и отстали...

— Юлька... Слушай, Юлька! А если бы получилось? Ты бы первый...

Он тихо сказал:

— Если сразу, то, наверно, не больно...

Не помню, что мы говорили после этого.

Проснулся я от озноба. И увидел в жерле мортиры синий круг утреннего неба.

Юлька с открытыми глазами лежал на спине. Лицо у него было острое, серое, с высохшими полосками слез.

— Ты что, совсем не спал? — спросил я.

Юлька не пошевелился, но ответил.

— Нет, я спал. Я даже сон видел, — печально сказал он. — Будто ничего не случилось и будто я такой, как раньше.

Я вдруг очень испугался. Мне показалось, что он может умереть от своих мучительных мыслей.

— Перестань ты наконец! — крикнул я. — Ты и сейчас такой же!

— Неправда, — жестко ответил он. — Ты меня презираешь, только сказать не хочешь. А чего меня жалеть?

Разве я его презирал? Я мучился вместе с ним. Чувствовал себя таким же виноватым, потому что был ничуть не лучше. Даже трусливее. Я бежал от Ящера, испугавшись гибели. А Юлька не боялся смерти, он только испугался боли, не выдержал надвигавшегося ужаса.

— У тебя не хватило сил, вот и все, — сказал я. — Ведь по-всякому случается в жизни. Каждый может не выдержать... один раз. С непривычки... Я вот тоже: бросил меч и убежал от Ящера. Что же теперь? Умирать?

Юлька печально усмехнулся:

— Сравнил... Это была не измена, а просто отступление. От этого никто не пострадал.

— Но и от тебя никто! Наоборот, ты даже лекарство принес Луку!

— А проход...

— Ну что проход? Ты же сам хотел его взорвать. Получилось даже лучше, чем хотел: ты живой остался.

— И враги остались живые, — устало сказал Юлька. — А мы в капкане... Глупая это была мысль: взорвать. Могло и вам достаться. Это уж я от отчаянья... Ничего не соображал.

— Ладно, Юлька... — начал я и замолчал. Потому что говори — не говори, а все было как было: он испугался и выдал врагам наши тайны. Куда от этого денешься?

Можно было понять и пожалеть Юльку: не взрослый же он, а маленький слабый пацаненок. Можно было простить. Но вина все равно висела на нем, тяжелая, как ядро мортиры...

— Эй, люди! А ну, скачите на солнышко! — раздался веселый голос Дуга. — Давайте, давайте! Выкатывайтесь! Из пушки — как из пушки!

Я прыгнул на землю и сказал Юльке:

— Пошли. Хватит тебе прятаться.

Он послушался, выбрался из мортиры.

Утро было ясное, но зябкое. Все ребята ежились и дрожали, выбираясь из пушечных стволов.

— Веселей шевелитесь! — покрикивал Дуг. — Лук, не хромай, твоя нога уже не болит! Малыш, не кисни, все еще можно поправить! Всем держать носы выше горизонта! Сегодня много дел!.. Что дрожите? Ночка была прохладная? Сейчас погреемся. А ну, встали в круг! Подняли руки! Прогнулись. Вот так! — Он вскочил на парапет у края площадки, тоже вскинул руки и выгнулся назад. Тело его блестело на утреннем солнце, как медь, волосы горели. За ним в голубой дали синели туманные леса. Дуг смеялся.

— Приготовились! — крикнул он. И как-то странно замер. Наступила непонятная тишина. В этой тишине я услышал щелчок, будто лопнул воздушный шарик.

Дуг медленно-медленно стал падать вниз лицом.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

XXV съезд КПСС в числе других поставил перед учеными задачу: всемерно помогать человеку в его труде и быте — помогать «руками» роботов. Их нынче много, этих электронных помощников. Уже кое-где в школах они успешно действуют в ладу с учителем, помогая ученику преодолеть очередную ступеньку к знаниям. К тому же эти роботы безжалостно объективны: никакими слезами, например, не упросишь прибор, контролирующий степень подготовленности ученика, сделать поблажку. Если двойка — робот никак не позволит загореться на своем светящемся табло какой-нибудь жалкой троечкой... Потому что нет у него сердца. Он кибер, как говорят специалисты робототехники — кибернетики. С этой суперсовременной отраслью промышленности и разделом науки уже много лет связан профессор Владимир Михайлович Ахутин. Он — главный конструктор бюро биологической и медицинской кибернетики Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, председатель секции бионики научного совета по кибернетике Академии наук СССР. За значительный вклад в развитие автоматике В. М. Ахутину, живущему и работающему в Ленинграде, была присуждена Ленинская премия. По просьбе редакции ленинградский журналист Виталий Нестеренко задал Владимиру Михайловичу несколько вопросов. И первым из них был такой:

ТОВАРИЩ РОБОТ, ВАМ ПОРУЧАЕТСЯ...

**Виталий
НЕСТЕРЕНКО**

Фото
А. Масленникова

— Повсюду у вас, Владимир Михайлович, — и в рабочих кабинетах, и в доме — морские хронометры, яхты, парусники в моделях и на рисунках. Казалось бы, киберы, роботы — и море!..

— Здесь сказало мое прошлое. В ранней юности, а точнее в июньские дни 1941 года, я сдавал выпускные экзамены за полный курс военно-морской спецшколы. Это было в нашем Ленинграде. На город уже сыпались первые фашистские бомбы. И я пошел воевать, в морскую пехоту. Под Москвой был ранен. После госпиталей опять фронт, служба на флоте. Дослужился до звания капитана второго ранга. Но... я думаю, что предметом нашего разговора будет вовсе не судьба бывшего военмора Ахутина?

— Условие принимается. С одной лишь оговоркой: все, рассказанное вами, так или иначе касается и судьбы самого рассказчика, и его работ, изысканий и достижений.

— Достижения?.. Сказано, по моему, громко. Пусть будет вот так: кое-что сделано, но наш труд во многих его гранях, этапах носит характер коллективный. Вы спрашивали о море. Для меня и коллектива нашего ОКБ сегодня важнее плавательные бассейны. Да, да, и такие бывают у нас задачи: робот, кибер вторгается все властнее в систему тренировок пловцов, спортсменов.

Чтобы не загружать читателя техническими подробностями, скажу кратко: спортсмен с микродатчиком на теле на протяжении всей тренировки «транслирует» через воду (без проводов) при помощи электронно-кибернетической системы все, что с ним, спортсменом, происходит, например, мгновенно регистрируются частота пульса, расход энергии, скорость движения, затрата сил на каждый этап водной дорожки... Эта подробнейшая и объективная информация служит тренеру важнейшим подспорьем для планирования тренировок и, если хотите, — рекордов. Да, мы успели перепроверить свою установку на десятках, даже сотнях

результативных, известных в спортивном мире пловцах: показатели нашего робота поразили даже нас, специалистов, не говоря уже о тренерах и спортсменах.

— Вы, Владимир Михайлович, только что вернулись из Баку. Если можно — об этой командировке.

— Она была завершающей: в Баку принят к эксплуатации, вступил в строй новейший реанимационный центр Азербайджанской ССР. (Видите, уже не спорт!) Наша электроника позволяет в карете «скорой помощи» транслировать по радио в систему ЭВМ полную и беспристрастную информацию о состоянии здоровья человека, заболевшего, например, сердечной болезнью. ЭВМ сразу же, приняв радиogramму о частоте пульса, о дыхании, кровяном давлении, предсказывает предстоящие изменения состояния больного, рекомендует срочные меры, наиболее интенсивные формы, методы лечения. Скоро и в других больших городах начнут появляться «роботы в белых халатах». И вообще работа нашего конструкторского бюро породнилась с медициной.

— ...Например, ваш проект «модели больного»!

— Назовите его так. Только надо бы пояснить, что это за «модель». Вот вы пошли учиться в медицинское училище или в институт. Вам надо многие годы тренировать свой слух, выслушивая человека классическим прибором медика — стетоскопом. Сколько же требуется времени, чтобы научить студента при выслушивании больного безошибочно выделять в шумах сердца признаки заболевания, отклонения от нормы? Пять лет? Иногда и такой срок мал. И сколько же нужно, простите за такое неудачное сравнение, «тренировочных больных», то есть людей, которые будут себя подставлять под стетоскопы десятков, сотен студентов?..

Наш же прибор полностью моделирует больного. При его помощи можно, например, синтезировать характерные шумы любого, известного медицине сердечного недуга. А дальше следует самая обыкновенная бытовая техника: запиши себе для памяти на магнитофон, тренируйся в «выслушивании» уже самостоятельно. Наш прибор приспособлен для аудиторных трансляций — одного «больного» может слушать сразу сотня студентов. Представьте, сколь важно в общесоюзном масштабе такое нововведение для профессиональной подготовки будущих медиков.

— Так уж получается, что мои вопросы связываются с географией ваших служебных командировок. Помните, одна из наших встреч не состоялась: вас срочно призвали дела в Берлин.

— Это уже работа, связанная с Советом Экономической Взаимопомощи... Мы с вами впервые познакомились в конце 1978 года на пресс-конференции участников международной встречи ученых «Бионика-78». Во время этой конференции рассказывалось об углубляющихся связях ученых стран — членов СЭВ. Одна из наших общих работ связана с совершенствованием науки о наших глазах, о зрении. Упрощенно выражаясь, этот раздел биокibernетики даст в руки глазного врача (офтальмолога) вот что. Прописывая очки, доктор сначала поадит человека перед таблицей. На ней буквы алфавита разного калибра. Доктор берет указку, просит называть каждую из букв. Вы отвечаете: «Вижу отлично». «Вижу на хорошо». «Вижу не очень...» Как это — «не очень»? Врачу такого мало конкретного определения крайне недостаточно. Он хочет во имя вашего же собственного здоровья иметь более точные, совершенно объективные данные. И вот система электронных приборов, над которой мы сейчас работаем вместе с немецкими коллегами, поможет выявить совершенно реальную, полную и точную картину: какое у вас зрение, какие очки будут в самый раз и не требуется ли что-либо для улучшения вашего зрения.

— Владимир Михайлович, вы упомянули термин «биокibernетика», то от частного желательного перейти к общему: что такое кибернетика — ее ведь еще нет в школьных программах! Сколь она полезна, перспективна!

— В вашем вопросе звучат отголоски целого свода докторских, кандидатских диссертаций — до того он объемный... Тем не менее попытаюсь выкристаллизовать наиболее, как мне думается, интересное юному читателю. Биокibernетика основана на изучении процессов управления в живом организме. Скажем, человек поднял руку, затем погрозил кому-то пальцем. Это же громадная, с научной точки зрения, работа сотен, тысяч нервных клеток, всех «проводочков», по которым наш мозг передал мгновенную команду: «Грози пальцем!». Но при всей моей профессиональной преданности биокibernетике не могу при этом умалить значение смежных дисциплин. Скажем, одна из современнейших задач: дать роботу «органы чувств». Потому наши исследования в области биокibernети-

тики неотделимы от проблем роботизации. Они взаимоувязаны с верным помощником человека в самых разных делах и заботах — с роботом, с автоматизированными системами. Их — полным-полно, если по-житейски определять мир роботов, автоматов. Ну, самое первое: вы ко мне в дом и к себе поднимаетесь на лифте. Грубо говоря, это же он, «робот», после нажатия кнопки выполнил вашу команду: «Прошу на пятый этаж...» А вот вам сообщение ТАСС: к космическому кораблю «Союз» отправился за тысячу верст грузовой корабль. Беспилотный: все команды выполнялись — притом безукоризненно! — ими, роботами, киберами.

«Правда» однажды рассказала о роботах на дне Черного моря, вблизи курорта Геленджик. По дну ходил, собирал пробы грунта опять же он, робот подводный. А ставший хрестоматийным пример со всемирно знаменитым лунником?

При всей важности изысканий на дне Мирового океана и в невымеренных глубинах космоса для механических наших помощников вполне хватает простора и на Земле. А в будущем им обязательно прибавится дел.

Социологи на основе перепроверенных данных дают заключение: на многих предприятиях не хватает рабочих рук зачастую из-за того, что человеку просто недоадают однообразная, как говорят, нудная работа. Скажем, получил человек среднее образование. Пришел на завод, предположим, после десятого класса, а ему говорят: «Ну, ты с образованием — сразу потому можешь этому научиться. Надо всего-навсего снять эту готовую деталь — и в это вот место станка вставить заготовку следующей детали. Вот и все дела». А они-то — тоска сплошная! Снять-поставить, снять-поставить... Ну и чему же было зубрить законы Бойля — Мариотта и Ома? Да пусть снимает и ставит автомат! Но каким он должен быть? Что он, этот снимающе-ставящий робот должен знать?

Коль я отклонился от непосредственно касающихся нашего ОКБ тем, то стоит, думается, процитировать строки, принадлежащие моему латвийскому коллеге, члену-корреспонденту АН СССР А. Маллестеру: «Процесс все большего превращения рук в орган трудовых операций способствовал выделению человека среди других животных и обусловил качественную перестройку нашего мозга. Этого же следует ожидать и в робототехнике — усовершенствование моторно-исполнительных систем может повлечь за собой развитие «интеллекта» роботов».

Получается, диалектика. Самая настоящая. Да, операция типа «снять-поставить» — уже почти что пройденный этап. Уже ясно, что робот

в производстве промышленном перерос себя, теперь надобны «образованные», «кразмышляющие» роботы, помимо умеющих только снимать и ставить.

— Это что же — долой человека с рабочего места! Пусть робот не только снимает готовые и ставит заготовки деталей, но и...

— Никаких «но»! Развитие робототехники, насколько мне известно, в этом направлении пока что не предвидит никаких оговорок. Наша наука говорит так. Да, Его Величество Робот властно и полноправно шагает в заводской цех. Он может гораздо лучше человеческого глаза рассмотреть самый маленький изъян в самой крошечной детальке будущих наручных часов, не допустив своим усиленным оптикой «глазом» промашки, брака. (Это я имею в виду пример с линией по производству «Ракет» на Петродворцовом часовом заводе. За создание серии роботов группа моих коллег и работников этого завода получила Государственную премию СССР в 1979 году.) Да, роботу можно поручить работы в горячей и сверхгорячей среде, в среде загазованной. Я почему-то представляю себе такого робота, способного исследовать действующий вулкан, способного опускаться прямо в кратер! И в радиоактивной среде «здоровью» робота нет помех. И «руки» его мы можем удлинять практически до невероятных размеров. Вспомните, как щупальцы лунника действовали, повинувшись командам с Земли.

...Есть, например, в лаборатории робототехники Ленинградского политехнического института имени Калинина (руководит этой лабораторией мой коллега, профессор Евгений Иванович Юревич) робот современного поколения. Он выполняет голосовые команды человека. Скажи ему в микрофон, что надо сделать — робот, беспрекословно подчиняясь, сделает. Не расслышал команду — вежливо просит повторить ее. А его электронного соседа можно взять за механическую руку — и единожды научить, скажем, красить двери. Он с первого же раза запомнит досконально (в буквальном смысле этого слова) все-все движения. И дальше — закирит работа, робот окрасит все двери точь-в-точь, как и первую, когда его за руку еще водили. И будет красить до тех пор, пока не кончатся краска или двери...

— Вот, наконец, вы и воспели восторженную оду своим всемогущим любимчиком...

— Особо при этом не обольщайся, прошу отметить: всегда робот

сопряжен, соединен прочно с человеком. Например, наша автоматическая система подготовки пловцов вовсе не исключает, не заменяет тренера. Она лишь существенно облегчает тренерскую работу, ставит ее вровень с новейшими науками, открывая тренеру больший простор. Всегда ли во главе угла стоит высочайшее создание нашей живой природы? Робот видит лучше человека в темноте, при помощи инфракрасных лучей. Все равно он делает это по воле человека, благодаря человеку, его разуму — и для человека. Система «Человек — робот» сейчас в постоянной отработке. Потому что робот нам крайне нужен — это я уже скатываюсь до азбучных истин, но, правда, не без вашего участия...

— Владимир Михайлович, это же ведь журналистский прием.

— Да, он называется еще сократовским методом ведения беседы, когда один из собеседников делает вид, что он не знает предмета беседы.

— Оно так и есть. Журналист лишь знает (в данном случае), что ваши «питомцы», выпущенные из ОКБ на жизненный простор, давно прижились. Работают. Получают благодарность за эффективную, качественную помощь. Например, система «Пилот». Она второй год действует в ленинградском аэропорту Пулково, проверяя состояние здоровья пилотов и диспетчеров перед рейсом и сменой.

— Трудно себе представить, но у нашего «Пилота» имеются и недруги. Ведь «Пилот», как механический, электронный контролер, — бесстрастен, непреклонен. Какой-нибудь врач, уступая настойчивым просьбам, в конце концов (допустим, теоретически) может разочек нарушить инструкцию. Может единожды отступить с миром пилота в полет, хотя и обнаружит у него ненормальности в частоте пульса или в артериальном давлении.

А «Пилот» никогда в своей электронно-кибернетической жизни не отступит от заданного ему программой закона о контроле годных и способных к управлению самолетом людей. Его «нет» куда тверже человеческого. Поэтому в Аэрофлоте имеются и настроения, противоборствующие нашему: «Вы своим «Пилотом» будете, в конце концов, пачками выбраковывать у нас пилотов, срывать наши графики, планы и обязательства...» Мы же, создавая эту контрольную систему, заботились о главном — о человеке, купившем билет на самолет. А насчет пилотов? Им надо просто пожелать крепкого

здоровья. Тогда наш «Пилот» тоже будет доволен и ни разу не просигналил врачу-контролеру тревогу, не зажжет свое гневное малиновое электрооко.

— Владимир Михайлович, вы уже, если не ошибаюсь, в третий раз за время нашей беседы поглядываете на свой морской хронометр. Потому хотелось бы завершить разговор тем, с чего и началась эта наша встреча. Море было в самом начале вашей жизни, работы. Не уступило ли оно место чему-либо иному в ваших симпатиях, привязанностях, интересах внерабочих!

— Я бы слегка подправил одно из слов в вашем вопросе: не в симпатиях. В любви. Одна из наших осенних встреч, если помните, происходила в плохую, ветреную погоду. Я сторонник известного присловья: «Нет плохой погоды — есть плохая одежда». Вот тогда, в ветер, я пять часов кряду простоял у штурвала яхты. Парусный спорт для меня — радость, хотя возраст неспортивный, под шестой десяток. Недавно на нашей крейсерской яхте «Отрада» мы неплохо выступили на международных соревнованиях яхтсменов Балтики. По весне, мечтаю, снова за штурвал, если меня отпустят на немного эти все киберы, роботы, которые занимают, скажу без рисовки, большую часть моего сердца. Они же и вправду «ребята» стоящие...

И Владимир Михайлович улыбнулся. У него хорошая улыбка. Как, впрочем, у многих людей, беспредельно преданных своему важному, нелегкому и увлекательному делу.

ВЫ СПРАШИВАЛИ...

Февраль — знаменательный месяц для воинов страны. 23 февраля 1918 года на базе отрядов Красной Гвардии были сформированы первые части и соединения Красной Армии. В редакцию часто приходят письма от читателей, которые хотели бы связать свою судьбу со службой в рядах Вооруженных Сил СССР, иметь гордую профессию — защитник Родины.

«Дорогая редакция! Я слышал, что при поступлении в военное училище нужно сдавать еще и физкультуру. Если это так, то я начну тренироваться: спортивные успехи пока скромны...»

Вадим СУЧКОВ,
г. Новосибирск

Да, Вадим, с тренировками стоит поспешить. В условиях приема так и записано: «...для определения физической подготовленности кандидаты-военнослужащие подвергаются практической проверке по упражнениям военно-спортивного комплекса Вооруженных Сил СССР, а гражданская молодежь — по упражнениям Всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР».

А как же иначе: советский офицер — образец мужества, стойкости, выносливости.

«Я служу в рядах Советской Армии. Моя специальность — военный строитель. Мне часто пишут школьные друзья, нынешние выпускники. Спрашивают: «Легко или трудно быть военным строителем?» Я отвечаю: «Трудно, но интересно». Уважаемая редакция! Напечатайте адреса строительных военных училищ. Нынешние выпускники прислушаются, думаю, к моему солдатскому совету посвятить себя этой нужной армии специальности...»

Сергей ФИЛИМОНОВ,
Свердловская область.

Что ж, твои рекомендации, Сергей, действительно авторитетны — не с чужих слов советуешь. С удовольствием даем адреса высших военных инженерных строительных училищ: 192185, г. Ленинград, Д-185; 188620, г. Ленинград — Пушкин, 2; 403850, г. Камышин, 10 Волгоградской обл.; 606200 г. Кстово-4 Горьковской области; 445681, г. Тольятти, ГСП-681.

«Здравствуй, «Уральский следопыт»! Один наш земляк, Виктор Павлов, выучился на подводника, теперь офицер. Изредка приезжает в отпуск — как приятно видеть его выправку, мужественное лицо. Не сразу и признаешь прежнего деревенского парня. Хороший пример заразителен. Многие наши ялунинские ребята хо-

тят стать подводниками... Где учиться, как поехать на экзамены, какие иметь документы?»

Сергей ТОНКУШИН,
деревня Ялунино
Свердловской области.

Высшее военно-морское училище подводного плавания имени Ленинского комсомола находится в Ленинграде (198093, г. Ленинград, Л-93). Правила приема — обычные для высших заведений страны.

Гражданская молодежь подает заявление в райвоенкоматы по месту жительства до 30 апреля года поступления. Вступительные экзамены проводятся с 15 июля по 5 августа. Военкоматы и командиры частей направляют кандидатов на экзамены по вызову начальников училищ. Кандидаты обеспечиваются бесплатным проездом, а по прибытии в училища — бесплатным питанием и общежитием.

«Дорогой «Следопыт»! Мы с сестрой решили стать военными журналистами. Что вы нам посоветуете?»

Сестры ВЕТРОВЫ,
г. Архангельск.

Офицерские училища — только для мужчин. Без исключения. Но едва ли нужно сильно огорчаться — имеется много гражданских факультетов журналистики. Но поскольку вопрос задан, сообщаем адрес Высшего военно-политического училища, где готовятся офицеры с высшим журналистским образованием: 290028, г. Львов, 28.

А вообще в стране около ста военных училищ — командных, общевойсковых, танковых, авиационных, военно-политических, противовоздушной обороны, артиллерийских, военно-морских, военно-инженерных, зенитных, ракетных, связи, химической защиты, топографических. Они ждут вас, дорогие выпускники школ!

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

**Анатолий
БЕЛОЗЕРЦЕВ**

Рисунок
М. Каретина

Аркадий Белозерцев — очеркист, лауреат премии Челябинского обкома комсомола. Не так давно он побывал с агитпоездом ЦК ВЛКСМ на Байкало-Амурской магистрали. Предлагаем его заметки.

Кувыкта слушает стихи

На станции Кувыкта работает строительно-монтажный поезд свердловчан. Он так и называется «Свердловск». Наш агитколлектив целый день провел здесь — перед земляками выступали с лекциями, беседами, стихами, в вагоне-лектории показывали фрагменты из лучших отечественных и зарубежных фильмов. А вечером в Доме культуры «Уралочка» челябинцы и ростовчане показали большой концерт.

Мы с поэтом Геннадием Суздаlevым побывали в комсомольско-молодежной бригаде Нины Жильцовой. Девчата работают на отделке бытовых помещений — штукатурят, красят, укладывают плитку. Застали их в спортивном зале кувыктинской средней школы

Творческую встречу провели прямо здесь — среди строительных лесов, шершавого щебня, олифы и красок. Рассказывали о творчестве наших земляков — мастеров современной русской поэзии Бориса Ручьева, Людмилы Татьяничевой, Михаила Львова, Валентина Сорокина, читали стихи.

— Сами-то как живете, — спохватились мы, — рассказывайте.

Таня Пешкова, Лена Григорьева, Галя Балагдинова, Альвина Байдулина, Надя Новоселова приехали сюда по комсомольским путевкам. Лена Титова, Ира Меринова, Наташа Долгодворова, Ира Прокопьева — студентки Уральского института инженеров железнодорожного транспорта, они здесь на практике. А остальные девушки командированы строительно-монтажным управлением Уралмаша. Многие из них после восьми классов закончили строительные училища, поработали на промышленных и бытовых объектах. Опыт немалый, почти у всех высокие разряды.

На БАМ приехали целой бригадой. У каждой свой характер, свои вкусы. Чтобы объединить их в единый коллектив, нужна сильная личность. Нина Жильцова оказалась именно такой. Она из Белоярки. В пятнадцать лет поступила в 1-е

Свердловское строительное училище, закончила его и вот уже десяток лет работает маляром в строительно-монтажном управлении Уралмаша. Член партии. Строга, серьезна и в то же время очень душевна. Может за брак «снять стружку» с кого угодно, а может весело и заразительно рассмеяться вместе со всеми просто над какой-нибудь хохмой. Девчонки уважают и любят ее.

— Дружба согревает. И это не слова, — замечает Лена Григорьева, высокая девушка с гордым взглядом темных раскосых глаз. — Как работаем? Там, на Урале, раствор мы ждали, пока нам подадут его через шланги, а здесь сами его делаем, конечно, стараемся — получается лучше. А живем в вагончике — мы называем его коттеджем. Устроились неплохо. Утюги, чайники — все это есть. Нет только телевизора — непривычно без него. Купили гитару. Вечерами играем, поем. Девочки с железнодорожного выступают перед нами с концертами. В общем, для скуки времени не остается.

— Когда закончим институт, — уверенно говорит Лена, — попросимся только сюда. Сами строили, сами будем работать. Да и вообще, по моему, красивее края нигде не найти...

— И загар здесь не хуже сочинского.

— Лучше! Южный загар к зиме проходит, а этот до лета держится. Ведь он сибирский, бамовский!..

Узки дороги, путь широк...

На западном участке Байкало-Амурской магистрали есть станция, которую строят челябинцы. Мы не были там. Жаль, конечно. Но Андрей Верещагин, заведующий музеем БАМа на агитпоезде, аспирант одного из московских вузов, приободрил нас:

— Носы не вешайте раньше времени! Уральцев здесь пруд пруди.

И вот в поселке Ларба, после концерта, мы встретились с водителем из Аргаяша — небольшого рабочего поселка в Челябинской области — Сашей Кузнецовым. Собственно, он сам разыскал нас.

— В командировке двое моих друзей, они тоже аргаяшцы. Если бы узнали раньше о вас, подменились бы, и сейчас мы были бы все троим.

Саша рассказал, что на БАМ приехал вслед за своими товарищами, которые постарше его. Медкомиссия здесь строга, он предвидел, что не пройдет ее, и пришлось пойти на хитрость. Какую? Он не стал

раскрывать своего секрета. Устроился водителем мощного «Магируса» (фирма ФРГ), возит за строительномонтажным поездом полевые вагончики, разные грузы.

— Дороги тут узкие, трудные — то подъем, то спуск. Смотреть надо в оба, — делится Александр. — Летом и то достается водителям, а каково зимой? Поначалу мы ездили по зимнику — это по льду реки. Сплошные заносы, скользко. Какое нужно мастерство, а еще больше терпения! Бывало, несколько суток пробиваешься с грузом от автобазы до бригады, которая ведет укладку путей. А когда проложили автомобильную дорогу, стали ездить по ней и зимой. Кругом горные перевалы, крутые повороты. При крепких морозах на полотне появляются ледовые надолбы, снежные торосы. Приходится брать их штурмом. Каждый метр дается с боем. Зато широкий путь бьем!

Саша на какое-то время умяк, достал коробку папирос.

— Прошлой зимой я вез мостовикам вагончик. Груз не очень благодарный летом, а зимой тем более. В колонне я был замыкающим. Както на перевале переключил скорость, но коробка передач отказала — «Магирус» вместе с вагончиком пополз вниз, к обрыву. Я выжал пневматический тормоз, он сработал, но машина все равно продолжала скользить по наледю. Просигналил тревогу — никто не услышал, колонна была уже за перевалом. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если б вагончик не развернулся поперек полотна, не уперся в корневище кедра...

Саша вытер пот со лба. Впечатление было такое, что все напряжение ему пришлось испытать заново.

— Потом за мной вернулись и вклинили меня в середину колонны. И надо случиться, с моим автопоездом снова ЧП: сломался принцип вагончика. Он отцепился от «Магируса» и медленно заюзил на заднюю машину. Случилась бы беда, если бы водитель и механик автоколонны, что ехали за мной, растерялись бы, ведь машину не свернешь с дороги: с одной стороны — скала!

с другой — черная пропасть ущелья. Они притормозили свой «Магирус», выскочили из него с железными башмаками и подставили их под поперезы вагончика.

— После этого не появилось желание бросить баранку?

— Как? — удивился он. — Вы знаете профессию лучше?

Передовая

После завтрака, как всегда, мы собрались в штабном вагоне на оперативку. Валерий Васильев, наш руководитель убедившись, все ли мы в сборе, сообщил:

— Сегодня вечером челябинский танцевальный ансамбль выступает здесь, в Ларбе, а ростовские вокальные коллективы, вместе с ними и литераторы-уральцы, сейчас отправятся в Чильчи, в комсомольско-молодежную бригаду Валентина Шпенькова — она ведет укладку путей на западном от Тынды участке.

Пока все рассаживаются, переписываю со стендов любопытные цифры. Вот некоторые из них:

«Бам — это 3145 километров новых стальных путей, 200 станций и разъездов, 4 горных туннеля, 3200 искусственных сооружений, 142 больших моста, 3 гидроэлектростанции и ГРЭС, 222 миллиона кубометров грунта, уложенного в железнодорожное полотно (вдвое больше, чем на Транссибе!)».

И рядом результаты работы бригады Валентина Шпенькова:

«Наш БАМ — это 234 километра уложенных главных и станционных путей, 22 стрелочных перевода, 35 рельсо-шпальных решеток, 234 километра подготовлены к балластировке, из них 29,4 забалластированы».

Валентин Шпеньков, высокий плечистый парень, с непокорными темно-русскими вихрами, говорит:

— В общем-то работа наша не из легких. Бригада была создана в семьдесят пятом году. В ней было двадцать парней и девчат. На сегодня «старичков» осталось половина — остальные не выдержали. Бригада подолжилась ребятами, ко-

торые уже поработали на других участках, испытали себя. Поэтому коллектив у нас сейчас надежный.

Укладку путей мы начали в семьдесят шестом. За пять лет прошли от Тынды до поселка Чильчи, уложили 234 километра рельсов. В феврале открываем регулярное движение пассажирских поездов. Сейчас ведем трассу к поселку Усть-Нюкжа, приплюсуем еще семьдесят один километр. Это будет нашим подарком партийному съезду.

Соревнуемся с бригадой Героя Социалистического Труда Виктора Ивановича Лаконова. Ребята из его бригады ведут укладку с запада, навстречу нам. Мы договорились с ними встретиться в восемьдесят четвертом году, в районе поселка Чары. Но на их пути встали горные хребты, обойти их невозможно, придется прорубать туннели. Они будут длиной шестнадцать километров — целое метро! Последние участки Лаконова мы решили взять на себя и встретиться с его бригадой не в Чарах, а гораздо дальше. Срок же встречи оставляем тот же — восемьдесят четвертый!..

Через час мы были на «передовой» БАМа — на участке, где сегодня кончается трасса. По уложенным путям почти к самому краю стальной магистрали подошел путеукладчик. Огромная стрела крана подцепила на платформе звено рельсов со шпалами, подняла его и осторожно, даже, пожалуй, бережно поднесла к последней шпале. Звено, звякнув о щебень, замерло. Теперь дело за монтерами. Четверо из них взяли в руки четырехпудовый «целовальник» и со всей силой стали ударять им по рельсам, поправляя их. Работали они ловко, напористо, с каким-то мальчишеским упоением. Вскоре их подменила другая четверка, которая трудилась с таким же азартом.

А потом состоялось выступление нашей агитгруппы. Строители, подложив под себя рукавицы, уселись на рельсы и шпалы — в бамовских куртках, защитных касках. Напротив них, прямо на проезжей дороге, оркестранты установили свои музыкальные инструменты.

Тот высокий перевал

— Вот этот перевал самый высокий в Южной Якутии. Зимой тут свищут такие ветра, что диву даешься, будто они со всей Сибири сюда собираются. Не зря шофера прозвали это место «Танец шаманов». — Водитель «Урала» Иван Алексеевич Жихарь, плотный мужчина лет сорока — сорока двух, с широким открытым лицом и красными мускулистыми руками, охотно рассказывал нам о здешних достопримечательностях. — Слева — Становой хребет. Вон ту сопку, лысоватую, самую причудливую, видите? Ее снимали для фильма «Злой дух Ямбуя»...

Мощный «Урал», изготовленный у нас, в Миассе, натруженно ревел, медленно поднимаясь на верхогору, — якутские условия даже для него оказались крепким орешком. Кругом, поблизости и вдали, горные хребты, которые на фоне высокого неба кажутся вырезанными из ржавой жести.

— Места эти дикие, нетронутые, но очень богатые, — продолжал знакомить с Якутией наш добровольный гид-водитель. — Здесь и медь, и золото, и железо, а чуть севернее, в Нерюнгри, один из крупнейших в мире угольных разрезов. Причем уголь там не какой-то энергетический, а самый калорийный — коксующийся, а мощность пласта не пять-десять метров, а сто и больше, на десятки лет хватит. А единственной дорогой ко всем этим богатствам была вот эта, автомобильная. Года три назад тут проложили северную ветку БАМа — от Тынды до Беркакинта, она уже работает. Вот там, внизу, в ложине, видите насыпь с рельсами, — это наш, якутский БАМ. По этой дороге везут уголь из Нерюнгри. Пока его добывают два с половиной миллиона кубов в год. А когда горняки будут выдавать нагору тринадцать (такая в проекте мощность разреза), составы пойдут днем и ночью. Пассажирских поездов у нас пока маловато — всего два в сутки, но настанет время, когда они будут идти каждый час.

Иван Алексеевич умолк, видимо, решил предоставить своим спутникам возможность осмыслить рассказанное.

В низине, где железнодорожное полотно подходит к шоссе совсем близко, он круто повернул «Урал» и по стланику, камням и ухабинам направился к высокой насыпи.

— Станция вашего назначения, — сообщил он, выжав до отказа пневматический тормоз.

Мы вышли из кабины, одновременно спрыгнув с кузова Александр

Чумель, командир студенческого строительного отряда челябинских политехников «БАМ-80», который сопровождал нас в этой поездке.

— Вот и наш лагерь! — Саша показал взглядом на ложбину, где среди редких лиственниц и елей раскинулся небольшой палаточный городок.

Здесь все сделано старательно, с присущей только студентам лукавой фантазией. Ровные ряды двадцатичетырехместных палаток, к которым проложены в полшага шириной, укрепленные на бревнышках дощатые мостки — на случай ливневых дождей.

Дорогой я сел в кузове рядом с Чумелем, решил познакомиться с ним поближе.

Он, пожалуй, самый старший в отряде — ему двадцать пять. Морская тельняшка, сверкающая голубыми полосками из-под зеленой форменной куртки, свидетельствует о его недавней принадлежности к флоту — он служил в Баренцевом море, ходил на крейсере в Атлантику. Его увлекла современная техника — электроника, автоматика, научился разбираться в них. После службы решил стать инженером по двигателям, приборам и автоматике, поступил в Челябинский политехнический. Сейчас уже на четвертом курсе.

— Впервые в этих местах? — спрашиваю у Саши.

— Второй раз, — неожиданно ответил он. — Я уже приезжал сюда весной заключать договор со строительством-монтажным поездом. Нас хотели направить на тот же объект, который прошлым летом строил отряд нашего же института «Челябинский политехник», а когда в июле прибыли в распоряжение СМП, послали сюда, на техническое обслуживание магистрали.

Саша рассказывает о том, что железнодорожное полотно, уже сданное в эксплуатацию, в первые годы дает осадку — шпалы «оседают» в щебень, рельсы прогибаются. Словом, оно нуждается в «лечении». Каждое лето на северную ветку БАМа приезжают студенческие строительные отряды и ремонтируют пути.

Отряд челябинских политехников нынче работает на участке 308—337 километр. Тридцать тысяч метров железнодорожного пути надо внимательно осмотреть, поставить точный «диагноз», а затем «вылечить».

...Еще издали увидели, что на железнодорожном полотне, тесно сбившись в кучку, работала группа человек в двенадцать. Все обнаженные по пояс, бронзовые от загара, с пепельной пылью на вихрах. Несколько парней с помощью тяжелых домкратов приподнимали деревянные шпалы. Четверо с одной

стороны шпалы и столько же другой электрическими шпалоотбойками взрыхляли щебень, уплотняли его. Орудовавший совковой лопатой студент ловко подбрасывал порцию свежего щебня. А трое бойцов отряда вслед за шпалоотбойщиками собирали и тут же переносили электропроводку.

Вся работа проходит в жестком ритме. Если кто-то зазевался, отстал, задерживается вся бригада. Поэтому каждый собран, работает энергично.

Особенно напряжены те, кто дело имеет со шпалоотбойщиками. Их механизм увесистый, громоздкий, потому и обслуживают его чегверо. А главное — во время работы он весь трясется, подпрыгивает, норовя вырваться, как дикий зверь. Вибрация передается рукам, всему телу. Приходится до предела напрягать мускулы, крепко сжимать его руками.

— Как руки? — спрашиваю у них.

— Первое время немели, по утрам пальцы нельзя было разогнуть, — отвечает Игорь Фадеев, который на БАМе уже второе лето. — Сейчас привыкли, мускулы поднакачали, и не так уже страшен оказался черт...

— Вообще, молодцы ваши политехники! — заметил бригадир Борис Кулаков, представляющий в отряде железнодорожную службу. — Работают всего две недели, а уже отрыхтовали двенадцать километров путей — одну треть задания выполнили.

Вновь обращаюсь к ребятам: — Много у вас новичков, которые впервые в стройотряде?

— Половина, пожалуй, — ответил приехавший вместе с нами и уже успевший поработать Валера Селиванов. — Я тоже новичок. А что?

— Трудновато приходится? Особенно здесь, на БАМе?

Валера на какое-то время задумался, видимо, подыскивая не банальные слова. Наконец ответил:

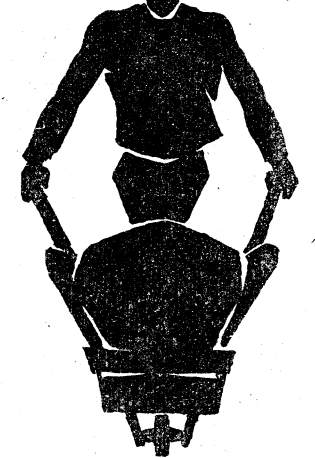
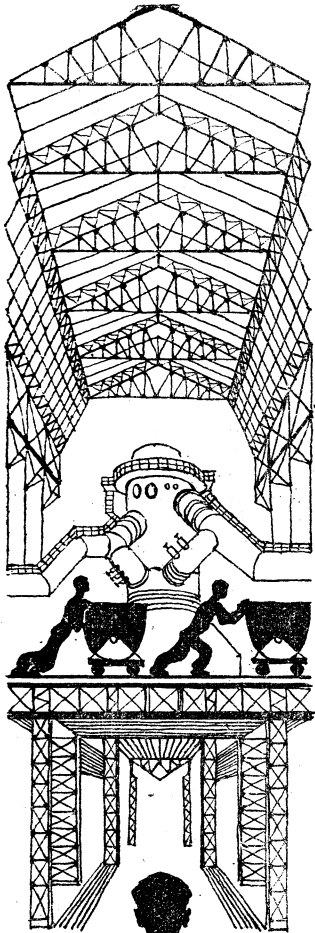
— Труднее, когда ничего не делаешь!..

Вернувшись в Челябинск, мы отбили агитпоезду телеграмму с благодарностью и надеждой на новые встречи.

— Долго добираться будет? — заинтересовался я.

— Что вы, — улыбулась телеграфистка. — Урал — БАМ: отличная связь!

БАМ — Челябинск — Свердловск

ПОЭЗИЯ

Магнит-горы

Начиналась Магнитка с первого колышка и костра, с первого удара кайлом в степной каменистый грунт. И с первой строфы на ржавом обрывке бумаги... У поэзии замечательное свойство — возникать не на глади покоя и довольства, а на изломах и ветрах, на полюсах утверждения и отрицания, на той осязаемой грани, когда сердце вдруг полонит любовь, обожжет боль, когда увиденное тобой и пережитое, еще не нашедшее в тебе точного ответа и потому мучительное, уже закрепилось в образности строк, в твоей искренности.

Магнитогорский металлургический комбинат, недавно отпраздновавший свое пятидесятилетие, был и остается правобанковом нашей индустрии. Была и есть поэзия Магнитогорска. Родоначальник ее — Борис Александрович Ручьев, чей дом-музей почитаем каждым магнитогорцем. Имя Ручьева носит теперь литературное объединение. И нет поэта в городе — со стажем и молодого, — чья судьба, как самого Бориса Александровича, не была бы теснейше связана с комбинатом, его сложной, трудной и почетной работой.

Михаил Михайлович Люгарин когда-то парнишкой пришел вместе с Ручьевым на строительство Магнитки. «Толкаю с цементом тачку, а будто за плугом иду», — писал Михаил Михайлович в 1930 году. Работала диспетчером на цементном производстве Римма Дышаленкова. Характерны биографии и совсем молодых. Вот некоторые. Владимир Чурилин, отслужив в армии, трудится слесарем высшего разряда в листопрокатном цехе. Ирина Кияшко сразу из школы пошла токарем в механический цех. Нина Ягодинцева два года назад закончила школу и поступила на комбинат. Поэтическому мастерству она учится у старших товарищей по перу, а отец передал ей мастерство рабочего: сам машинист насосной установки, он обучил этой специальности и свою дочь...

На трудовых вахтах, посвященных XXVI съезду партии, тысячами тонн чугуна, стали, проката утверждали они свое право называться магнитогорцами.

Долгие годы литературным объединением руководит Нина Георгиевна Кондратовская, человек отзывчивый, требовательный, беспокойный.

Сегодня мы предоставляем слово поэтам славного города металлургов.

Михаил ЛЮГАРИН

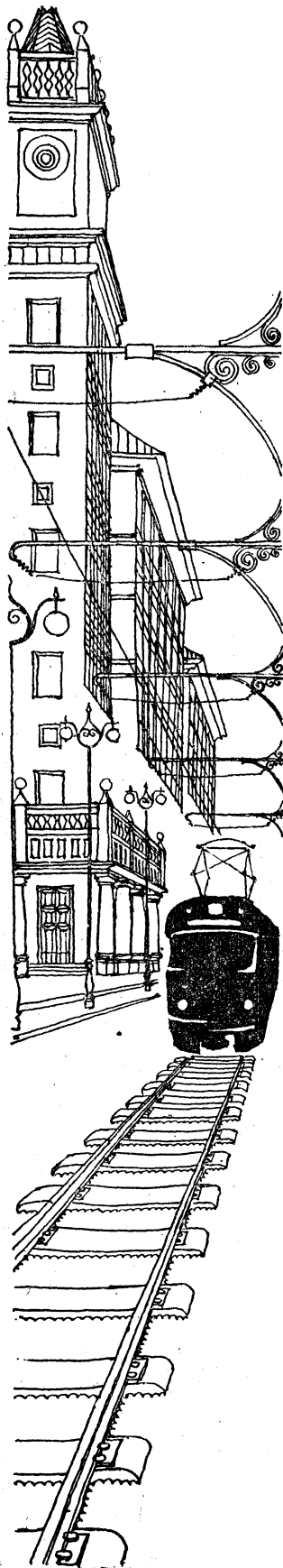
Ветеранам Магнитостроя
А. И. Бричко, П. Г. Кычакову, И. В. Голубеву и другим первостроителям
посвящаю.

Магнитострой

Я Магнитку знаю
с колыбели —
не моей,
а нашей, заводской.
Был июнь.
Свистели коростели,
жаворонки
в синеве звенели —
первые
рабочие артели,
как умел,
встречал Магнитострой.

Был он молодым
и седовласым.
Чтоб нам снились
розовые сны,
из уральской
голубой сосны
набивал опилками
матрасы,
заносил в палатки
топчаны.
До чего же
был он неприглядным!
Ни тебе землянки,
ни двора.
Дом холщовый —
наш очаг бригадный —
и, как бог,
Магнитная гора.
Вот ведь, неказиста,
а богата,
не уходит в тучи,
как Памир,
камениста,
рыжа да горбата,
а молва о ней
на целый мир!
Знали мы,
что дело наше свято —

не молва призвала нас,
а жизнь.
Чтоб одеть страну
в стальные латы,
без Магнитки нам
не обойтись.
Получив на складе
рукавицы,
острые лопаты,
топоры,
сдуру мы могли
перекреститься,
скинув шапки
у Магнит-горы.
Начинался день —
и был он жарок.
Мы мужали,
а завод наш рос.
Вой моторов,
пенье циркулярок
и грабарок
в тысячу колес.
Как на ринге,
проверяли силы:
тот из Тулы,
этот из Орла.
На плечах мы
бревна подносили,
в котлованах
землю «молотили»
острием
двуглавого кайла.
Сотни рук
на каждом повороте
поднимали гулкие цеха.
Невозможно
при такой работе
обойтись без песни
и стиха!
И тогда,
склонившись
над тетрадкой,
на исходе
яростного дня,
строчками про первую
палатку
друг мой
подзадоривал меня.
Вспоминаю,
веря и не веря,
о былом-далеком,
как в бреду,
что ходил в лаптях
не по размеру
у невест Магнитки
на виду.
Ведь любили,
как еще любили —
над стихами
вспоминаю я.
До всего
радивые мы были,
первой пятилетки
сыновья.
Не смущали
лапти и папахи!
Красный флаг —
был символ и пароль.
Ближе к телу
та была рубаха,
на которой
выступила соль.
Я и сам
храню рубашку в клетку
и не променяю на шелка...
Поднят флаг

десятой пятилетки,
ну, а наш —
в музее,
на века.
На пороге
золотая дата.
Радуйся,
ликуй, моя страна!
День и ночь
уходят с комбината
эшелоны стали,
чугуна.
Провожая их,
души не скрою,
о своей любви
не умолчу
и за все,
чем жил в Магнитострое,
сердцем нестареющим
плачу.

**Нина
ЯГОДИНЦЕВА**

Осколок неба

Моя единственная ценность -
Осколок неба надо мной.
Его, мифическая цельность
Встает непонятой виной:
Ах, не успели, не видали,
Каким оно бывало встарь:
Нетронутое проводами
И неоправленное в сталь.
Но я храню осколок неба
В своем задумчивом окне,—
Осколки солнца, ветра, снега.
А остальное все — во мне!

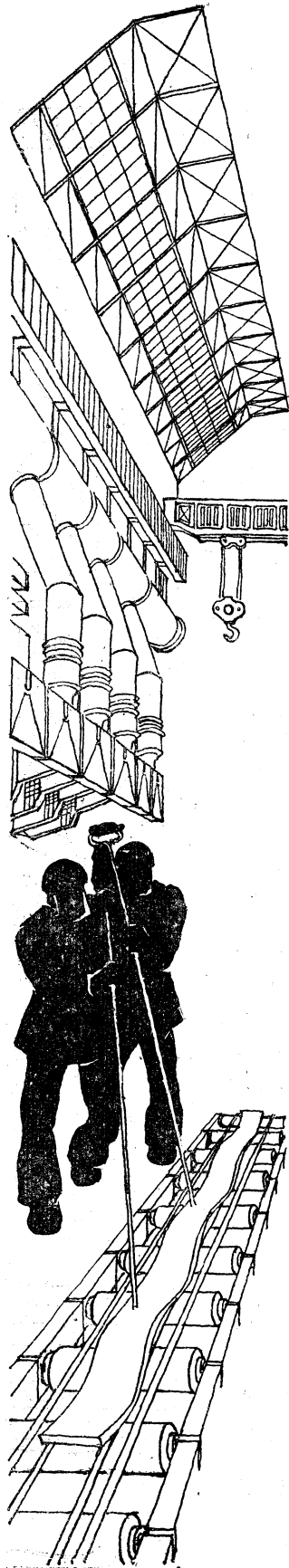

Не верили —
так страшно было верить:
Серезка? —
в драке — пьяный? —
никогда!

Стреляли растревоженные двери
На этом заседании суда.
...Он только зябко поводил плечами,
Он вряд ли слышал,
что там говорят,
И синие глаза его
кричали,
И губы повторяли:
«Виноват...»
Раскручивались следствия спирали.
Да что там!
Не исправишь все равно.
Уже девчонки слез не вытирали,
И мальчики
смотрели за окно...

Все было страшно,
потому что просто:
Сломалась жизнь,
как первый хрупкий лед,

Лес восстановят. Забинтует раны.
На просеке заботливый туман.
И не о ранах я. О том романе.
Какой на свет появится роман?
Родится ль он «разумным, добрым,
вечным»?

Пройдет ли он с эпохой наравне
Живым, необходимым, человечным,
Той лесосеке равным по цене?
Моя рука романа не напишет,
Мне ближе строф созвучных голоса,
Но и в мои обложки тонких книжек
Упали наши русские леса,
Упали молча, на могучих торсах
Откольцевав не годы, а века.
А новый лес над нами распростерся
И замер над строкой черновика...

**Римма
ДЫШАЛЕНКОВА**

Диспетчер

Вокруг меня пастуется цемент,
вокруг тебя звенят стальные полосы,
а над ритмичным перевалом смен
поет труба диспетчерского голоса.

На свете множество диспетчеров:
диспетчер тьмы или диспетчер света,
диспетчер кругосветных поездов,
диспетчеры ракет междупланетных.

И чем стремительнее наш разбег,
чем горячее рискованные встречи,
тем должен быть надежней человек,
ведущий нас над безднами диспетчер.

Милый город полон звуков,
каждый звук — воспоминанье:
там — шаги детей и внуков,
там — любовные признанья.

Но Магнитка выростала
в колыбельной песне домен,
и небесный гул металла
уважаем в каждом доме.

Милый город полон цвета:
синий, желтый и зеленый,
но сверх этого полвека
озаряют окна домны.

В милом городе красивом
бродит запах плодородный
то пирожного, то пива,
то садов и огородов.

Но от старенькой спечовки,
но от орденов степенных
пробивается отцовский
запах домен и мартенов...

Так в чертах давно любимых
открываются внезапно
то святая нежность сына,
то отечество солдата.

Усталость

Шагаем с работы устало
полтора километра по шпалам,
да еще полтора километра
против ветра, морозного ветра.

С пешеходами не церемонясь,
набегает, пугая, поезд,
приседая, летят вагоны,
нашим днем трудовым груженные.

Наши стрессы и наши вопросы,
наши слезки на жестких колесах,
наша спешка и медленный шаг,
наши сталь — и — шлак.

И весело слово такое,
от усталости, что ли, шалит:
забери нас с собою, поезд,
прокатиться вокруг земли...

**Александр
ПАВЛОВ**

На стыке Азии с Европой
плыву тихонько на спине
окутан теплой поволокой...
И до того спокойно мне.
Урал, обветренный и шальный,
новоисполненный Яик,
Урал — сосновый полушалок,
кремневый блеск,

державный лик.
Удобно или неудобно,
но ведь нестойка тишина.
Прислушайся, вздыхает домна,
и плещет на берег волна.
Ловлю спиной глубинный холод,
в зените тучка так светла.
А справа — город, слева — город,
и оба — два — мои крыла!
Не эти ли тугие крылья
судьба соткала для меня,
сплетя железно и ковыльно
и кровью их соединя.

Когда бы не огонь да не железо,
не этот город с ветром озорным,
то я бы стал тобольским косторезом,
а может быть, заслуженным портным.

Но было провидению угодно
явить меня в послевоенный год
на улочке, оглохшей от завода,
что взял ее, кривую, в оборот.

В карагачах и домиках каркасных,
на засыпных и тощих погребях,
нас улочка растила ежечасно,
да так, что швы трещали у рубах.

Мы ярим солнцем обжигали плечи,
тянули воду горных студенцов,
и в тесном клубе слушали под вечер
заезжих вдохновенных мудрецов.

Нас воспитали время да железо.
И если бы не пламень голубой,
куда уж там тобольским косторезом —
я даже бы не стал самим собой!

**Вячеслав
ГУТНИКОВ**

Металлургический ребенок

Хоть не с Кавказа я, но горец,
окрепший у Магнит-горы,
точнее: я — магнитогорец
еще с младенческой поры.
Вдыхаю дым родной с пеленок,
и на Кавказе бы хирел
металлургический ребенок,
коксохимический пострел.
Старик мартен пыхтел от счастья
и бабке-домне бормотал,
что будет внучек их причастен
к тому, что плавится металл.
Пока я рос, всю гору съели,
по горло сыт прокатный стан.
На память вместо колыбели
остался рыжий котлован.

**Владимир
ЧУРИЛИН**

Огонь — и тот как будто приостыл,
Когда сквозь рев и грохот многотонный
В горячем цехе грянули цветы,
Разламывая яркие бутоны.
И дрогнул цех, и воздух посвежел.
И Петька, что сорил напрапалую,
Сметает пыль с горячих этажей,
И крановщицам дарит поцелуи.
Как будто воцарилась тишина,
И гул печей, как трепет стрекозиный...
У маленького черного окна,
В железных неокрашенных корзинах
Живут огнеупорные цветы,

Разбрызгивая яростные тени...
О, сколько непокорной красоты
В их дерзком неожиданном цветении.
Нагрязнули цветы среди зимы,
Обрушились ударами под сердце,
И самые холодные умы
Взирают... и не могут наглядеться.
Им дерзость непонятна и страшна,
Они всю жизнь прожили по расчету.
Откуда эта странная весна?
Ведь нет же в Антарктиде бегемотов.
Но все-таки, распахивая рты,
Не рвут они у дерзости талонов.
Цветут огнеупорные цветы
Назло, холоднокатаным рулонам.

**Ирина
КИЯШКО**

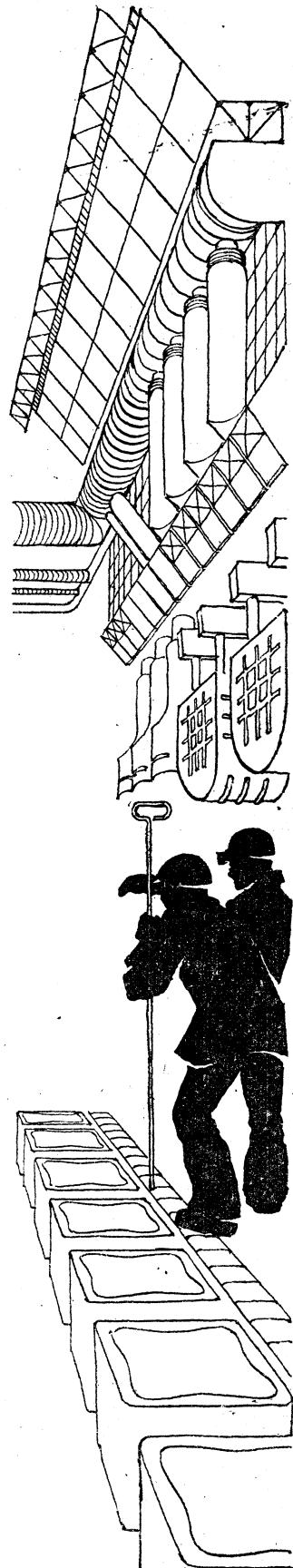
Бабушка у нас была красивая,
строгая, высокая и статная.
Нам достались те же руки сильные
и глаза с горчинкой непонятною.
Оттого и понимать привыкли мы
с самого пеленочного детства:
руки — наша вечная реликвия,
наше неразменное наследство.

**Ирина
КРУЧИННИНА**

Магнитогорский трамвай

Сбегаю с невысокой кручи
И подставляю ветру лбы,
Плывут, раскинув шестиручья,
Высоковольтные столбы.
Трамвай качается устало,
Кричит водитель в микрофон,
И касса звякает металлом,
И за окном, едва подталым,
Легко дома берут разгон.
Девчонки шепчут про обнови,
Сосед с женою спор ведет:
От остановки к остановке
Международной обстановке
Он дань усердно отдает.
Вот на ходу какой-то прыткий
С подножки прыгнул — не зевай!..
И вновь везет мою Магнитку,
Мою усталую Магнитку
В морозных сумерках трамвай.

Рисунки
В. Меринова

УРАЛЬЦЫ В АРКТИКЕ

**Владимир
ПОПОВ**

*Рисунок
Е. Крутских*

Топонимия Арктики своеобразна. Здесь не было времени на выверку географических названий, как в умеренных широтах, где веками один народ с его языком и обычаями менял другой, шлифуя и оттачивая названия. В безлюдной Арктике сравнительно недавно появился человек. Однообразие и скудость природы представляли чуть ли не каждый мыс и остров называть Ледяным или Песчаным, Медвежьим или Моржовым. Оставались в памяти лишь судьбы первопроходцев, терпевших невероятные лишения в этом краю и нередко плативших за лишние тысячи шагов в неведомое здоровьем, жизнями. Так и сложилась традиция помещать на полярных картах названия в честь людей, прямо или косвенно способствовавших исследованию и освоению этих суровых мест.

Есть здесь и имена уральцев. Разными путями они попали на арктические карты. Одни долго жили и работали здесь, другие вообще не бывали в Арктике. Одни широко известны, о других знают лишь специалисты. Но нет среди них случайных и недостойных...

В Большой Советской Энциклопедии сказано, что именем выдающегося русского и советского геолога А. П. Карпинского названы город в Свердловской области, вулкан на острове Парамушир Курильской гряды, гора на Северном Урале, геологический музей Академии наук СССР в Ленинграде и др. Под этим «др.» — шесть физико-географических объектов в Арктике, три пика на Памире и Тянь-Шане, гора в Антарктиде и даже образование на обратной стороне Луны.

Жизнь этого человека начиналась на Урале в семье горного инженера Богословского завода за 14 лет до отмены крепостного права, а закончилась в эпоху социализма. Урна с его прахом установлена в Кремлевской стене — главном пантеоне страны. 70 лет научной деятельности, из них 20 во главе Академии наук СССР!

Экспедиционная и научная деятельность Карпинского начиналась на Урале. К 1901 году, когда появилось

первое арктическое название его имени, академик Карпинский был уже большим авторитетом в области геологии, петрографии, тектоники, палеонтологии. Эдуард Толль, называя его именем залив на западном побережье Таймыра, хотел, кроме того, отметить его большую роль, как члена комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции. А вот присвоение имени Карпинского мысу на Земле Франца-Иосифа произошло уже на наших глазах, в 1953 году, когда завершалось составление современной карты самого северного советского архипелага. Гидрографы вспоминали, что Карпинский стоял у истоков полярной гидрографии и открывал ее учредительное совещание в 1933 году.

Одна из рек Северного острова Новой Земли, впадающая в Карское море, носит имя уральского краеведа, этнографа, писателя К. Д. Носилова. Он родился и вырос в селе Масляном около Шадринска. Константин Дмитриевич исследовал Полярный Урал, искал транспортные пути с Печоры на Обь, изучал древние ямальские волокы, три раза зимовал на Новой Земле. Закончив Пермскую духовную семинарию, курс естественных наук он изучал в Сорбонском университете. В экспедициях Носилов много писал, фотографировал. О его рассказах тепло отзывались А. П. Чехов и Л. Н. Толстой. Носилов дружил с Д. Н. Маминим-Сибиряком. Кстати, 400 негативов его полярных экспедиций находятся в Свердловском литературном музее имени Д. Н. Мамина-Сибиряка.

В день своего выхода к Северному полюсу с борта «Св. Фоки» 15 февраля 1914 года Г. Я. Седов писал в своем последнем приказе: «Итак, сегодняшний день мы выступаем к полюсу; это — событие и для нас, и для нашей Родины. Об этом дне мечтали уж давно великие русские люди — Ломоносов, Менделеев и другие. На долю же нас, маленьких людей, выпала большая честь осуществить их мечту». Не с именами царствующих и титулованных особ шел на подвиг великий русский патриот. Еще в предыдущую зимовку, выполняя съемку северо-западного побе-

режья Новой Земли, Седов дал имена русских ученых многим находящимся здесь горам и ледникам. Среди них были ледник Попова и горы Менделеева.

Изобретатель радио А. С. Попов родился в поселке Турбинские Рудники (теперь город Краснотурьинск Свердловской области). Казалось бы, ему, сыну священника, на роду было написано стать служителем культа. По традиции девятилетнего попovichа отдали в Далматовское духовное училище, познакомился он с нравами и екатеринбургской, и пермской бурсы. И все-таки он стал физиком и электротехником, окончив Петербургский университет. Вся его жизнь в последующем была связана с русским флотом. Гидрограф Седов прекрасно понимал значение изобретения радио. Он планировал взять радиостанцию, но она не прибыла до его отхода из Архангельска, да к тому же Морское министерство отказалось выделить радиста для ее обслуживания.

Самого Александра Степановича к этому времени давно уже не было в живых. Точно также, как и его земляка, создателя Периодического закона химических элементов Д. И. Менделеева. Дмитрий Иванович вместе с адмиралом Макаровым участвовал в разработке проекта первого в мире линейного ледокола «Ермак». После неудачных попыток Макарова пробиться на нем «напролом к полюсу» Менделеев предложил правительству свой план использования ледокола для исследования Северного Ледовитого океана. Это был на редкость далеко идущий план, многое из которого осуществлено лишь совсем недавно.

Менделеев предлагал исследовать кратчайший путь из Атлантического океана в Тихий высокоширотным маршрутом через Северный полюс, и не напролом, а по возможности обходя льды, круша их взрывами. Он считал целесообразным перевести «Ермак» на жидкое топливо, а еще лучше заменить его специально построенным для научных исследований легким ледоколом. Чтобы уменьшить у команды страх перед вынужденной

зимовкой, Менделеев, по его словам, собирался «взять с собой своего сына, кончающего ныне курс в гимназии и сильно желающего мне сопутствовать». Ученый, которому шел 68 год, был уверен в успехе: «Не смотрите на то, что я не моряк. По морям и в морозы я ездил немало, да и подготовлюсь». Нет сомнения в том, что, если бы эта экспедиция состоялась, личное мужество Менделееву не изменило бы, как оно не изменило ему в августе 1887, когда он без подготовки, один совершил полет на воздушном шаре для наблюдения за солнечным затмением.

Заметим попутно, что Дмитрий Иванович первым выступил с предложением исследовать высокие широты с помощью подводной лодки и даже сам произвел расчеты ее. Открытый в 1949 году 1500-километровый подводный хребет в центральной части Северного Ледовитого океана носит теперь название хребта Менделеева.

В родном городе Менделеева — Тобольске родился и вырос известный геоботаник и географ Б. Н. Городков. Его отец был учителем местной гимназии. Еще студентом Городков совершил несколько поездок для изучения растительного мира глухих уголков Тобольской губернии. В 1917 году он впервые попал за Полярный круг. Больше с Арктикой он практически не расставался до конца дней своих. В 1923—1924 годах за блестяще проведенную экспедицию Ботанического музея Академии наук СССР в междуречье Оби и Пура он был награжден Географическим обществом медалью имени Н. М. Пржевальского. Трудно назвать место в Советской Арктике, где бы не работал Городков: Гыданская тундра, Якутия, Чукотка, Таймыр, Новая Земля и Кольский полуостров. Он основоположник советской школы тундроведов, автор классификации и районирования арктической растительности, а вот имя его получили физико-географические объекты, где ничего не растет. Это — мыс на западе острова Грили в архипелаге Земля Франца-Иосифа, вершина и небольшой ледник на Полярном Урале.

Транспортное освоение нашей национальной магистрали в Арктике началось с первых дней Советской власти по указанию В. И. Ленина. Первые советские карские экспедиции готовил Наркомвнешторг, которым руководил Л. Б. Красин. Леонид Борисович еще студентом был членом первых марксистских кружков. Инженер-электрик по специальности, он принимал активное участие в революционной борьбе. Хорошо знавший Красина Максим Горький после его смерти писал жене: «На мою оценку он, по уму своему, по талантности, был вторым после Владимира Ильича».

Родившийся в Кургане, отбывавший ссылку в Иркутске, Красин прекрасно знал Сибирь, но в Арктике не бывал. Зато участником первых карских экспедиций был пароход «Л. Красин». Следом за ним в Арктику пришел линейный ледокол «Красин». Так был назван самый мощный русский ледокол «Святогор», угнанный интервентами, после того, как один из первых советских дипломатов Л. Б. Красин добился его возвращения Советской России. За поход к Шпицбергену по спасению итальянской экспедиции У. Нобиле в 1928 году «Красин» был награжден орденом Красного Знамени. Этот прославленный ледокол и сейчас служит в Арктике, правда, уже не как ледокол. Именно с его славными делами связано появление имени Красина у мыса на Земле Франца-Иосифа, острова в архипелаге Норденшельда и залива на острове Врангеля.

Четверть века я был знаком с геодезистом-астрономом Анатолием Васильевичем Теологовым. Во время нашей последней встречи, незадолго до его кончины в 1977 году, он очень тепло рассказывал о своем детстве, прошедшем в селе Лемва Соликамского уезда, о комсомольской юности в Перми. В Арктику он попал после окончания Московского межевого института. Пароход «Правда», на котором он добирался в Нордвикскую экспедицию, ввиду тяжелой ледовой обстановки зазимовал у островов «Комсомольской правды» вместе с судами первой

ОХАНСК

**Евгений
ШУМИЛОВ**

Ленской экспедиции. Именно Теологов выполнил инструментальную съемку острова Самуила, у которого зимовали суда и один из мысов которого спустя двадцать лет получил его имя, стал называться мысом Теологова.

Во время той зимовки Анатолий Васильевич в качестве топографа, метеоролога и радиста под руководством Н. Н. Урванцева участвовал в первом арктическом автопробеге. Вездеходы НАТИ за три недели прошли по льду и тундре почти 500 километров вокруг полуострова Челюскин. Это выдающееся событие осталось почти незамеченным в прессе лишь потому, что внимание всего мира в это время было привлечено к далекой Чукотке, где проходила челюскинская эпопея. Позже Теологов делал съемки и вел астрономические наблюдения в геологических экспедициях на Чукотке, енисейском севере, Нордвике. Он дрейфовал на научной станции СП-4, работал в Йемене и Вьетнаме.

На острове Большевик в архипелаге Северная Земля есть бухта Братьев Игнатовых. Автор этого названия топограф А. А. Пязиник рассказывал мне о происхождении этого названия:

— Сразу после войны снимал я берега фиорда Партизанского¹, названного так Г. Ушаковым. В нерабочие, пурговые дни коротал время за чтением. Особенно потрясла меня тогда книга командира кубанского партизанского отряда П. К. Игнатова «Записки партизана», в которой он рассказывал о своих сыновьях, бойцах его отряда инженере Евгении и школьнике Гении. Октябрьской ночью сорок второго они ценной собственными жизнями взорвали вражеский эшелон. Обоем посмертно присвоено звание Героев Советского Союза. Вот так и появился на картах мыс Братьев Игнатовых.

Евгений Игнатов — уроженец Невьянска. В Заполярье он не успел побывать, но его подвиг помогал поддерживать силу духа в Арктике не одному Пязинку.

Полярники старшего поколения хорошо помнят имя советского полярного синоптика Вячеслава Васильевича Фролова. Он родился и вырос в оренбургском селе Семакينو. Почетный полярник З. М. Каневский написал книгу, которую так и назвал «Цена прогноза». Она начинается словами: «Полная самоотдача, величайшее напряжение сил, крайняя степень риска и нередко сама человеческая жизнь — вот какой была цена прогноза в годы войны».

Все это испытал Фролов, обеспечивая действия Северного флота, а затем обеспечивая прогнозами штаб морских операций западного сектора Арктики, участвуя в обороне Диксона от фашистского линкора. Больше десяти послевоенных лет Вячеслав Васильевич руководил Арктическим и Антарктическим научно-исследовательским институтом. Теперь его имя носят ледниковый купол на Земле Франца-Иосифа и горный хребет в Антарктиде.

Всего несколько лет назад в архипелаге Северная Земля появился мыс Яновского. Назван он в честь полярного гидрографа, уроженца Перми. 24 июня 1955 года пароход «Сухуми» высадил немногочисленную группу Яновского в устье реки Няруха в Байдарацкой губе, где она организовала базу большой зимовочной гидрографической экспедиции, которая создавала карты будущей самой богатой в мире газовой провинции. Два года зимой и летом, пешком, на тракторах, катерах и собаках выполнял он астрономо-геодезические работы. А затем было восемь подобных же беспокойных лет на Северной Земле. Тонул, горел, побывал в объездах белого медведя. Многократно бывал Яновский в эти годы и на «своем» мысе, не подозревая, что ему суждено носить его имя после того, как в разгар полярной ночи в декабре 1965-го здесь, на Северной Земле, оборвется его жизнь...

Вряд ли можно представить словарь-справочник, где эти имена встали бы рядом. Их самым неожиданным образом объединила арктическая карта, сказочная Страна Топонимия.

Много в России маленьких городков, тихих и незаметных. Из них и состоит, в основном, наша Россия. В их бесконечном ряду затерялся небольшой пермский городок Оханск. Недавно ему исполнилось 200 лет.

Возник Оханск на землях уральских промышленников Строгановых как мужской монастырь (пустыня). Официально пустыня именовалась Соловецкой (по имени соловецких чудотворцев Савватия и Зосимы). Однако в народе ее называли Оханским монастырем. Почему? А дело в том, что местные жители ловили рыбу специальными сетями с крупной ячеей — оханамы.

Монастырь просуществовал чуть больше 100 лет и в 1764 году был закрыт по приказу Екатерины II. Селение же, находившееся при монастыре, преобразовали в экономическое и нарекли Оханным. В феврале 1781 года открылось Пермское наместничество. Центром одного из уездов сделали Оханск.

В 1800 году город состоял из пяти улиц, главной из которых была Казанская. Она была замощена. Именно по ней проходил печально известный Казанский (он же Московский, Сибирский, Владимирский) тракт. Кроме того имелись две деревянные церкви и тюремный острог. Всего в городе было 106 домов, полностью отсутствовали торговля и промышленность.

Таким Оханск был в начале XIX века. Таким он оставался вплоть до конца XIX века. Таким видели его А. Н. Радищев, Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский и тысячи известных и неизвестных узников царизма, прошедших по этапу через Оханск и его деревянный тюремный острог...

В наши дни Оханск растет, строится. Основное предприятие города — швейная фабрика, продукция которой — мужские сорочки — хорошо известна в нашей стране и даже за границей. Скоро начнется строительство в городе моста через Каму.

¹ Как известно, картографировавший в 1930—1932 годах Северную Землю Г. А. Ушаков во время гражданской войны был бойцом партизанского отряда Тетеркина-Петрова в Приморье.

ИРБИТСКИЕ ЯРМАРКИ

Иван
АНТРОПОВ

Люди дали имена горам, рекам, городам и урочищам. И они живут долго... Уходят из жизни поколения, сменяются племена, исчезают народы, а названия остаются.

Когда-то на реке Ирбее вырос город Ирбит. Какой народ дал имя? Что оно означает? У истории нет ответа, и люди строят догадки, выдвигают гипотезы, придумывают легенды...

Недалеко от места первого поселения (слободы) была излучина реки Ирбен; стекая с бугров, талые воды по весне заполняли низину. От близости к этому болоту, за то, что селение стоит в низине, и прозвали его местные люди Ирбитом, что означало на их языке «Грязное болото». А вот каким народом, на каком языке — неизвестно.

Есть и другое объяснение: река Ирбея получила название от татарского «ирьб», что означает съезд, причем торговый. А торговые съезды, то есть ярмарки, были в этом месте с незапамятных времен. В Юдинском городище, недалеко от Ирбита, найдены болгарская бусина и новгородское железное кресало, относящиеся к X—XIII векам.

Еще в прошлом веке Ирбит — небольшой зауральский городок при впадении реки Ирбитки в Ницу, судоходную лишь в весеннее время — не имел ни фабрик, ни заводов, ни сколько-нибудь значительных местных промыслов, словом, был самым обыкновенным захолустным уездным городишком Российской империи. Зато в январе — феврале ежегодно он «...превращался в какой-то лагерь, в котором сходились представители всевозможных государств, народностей, языков и вероисповеданий»¹.

С незапамятных времен, еще когда единственной дорогой была река, передавали таежники от отца к сыну: «Мужчина-охотник имеет оружие из железа — оно на Ирбее; подарок невесте, соль для семьи — на Ирбее. Выпал снег, оделся в пушистую шубу зверь — иди в тайгу, бери его, да не опоздай... Как повернет зима на весну — иди на Ирбею: там люди ждут твоих мехов»².

Почитаешь книги древние да

послушаешь людей старых, и ясно станет: не ярмарка в Ирбите по повелению царя учреждена, а Ирбит вырос на месте ярмарки.

Немалую роль здесь играла традиция. Удивительна приверженность людей к обычаям и порядкам своих близких и далеких предков. Поэтому ни грозные приказы московских царей купцам являться в Верхотурскую таможню, ни настоячивые домогания могущественных правителей Урала Татищева и Генина перенести ярмарку в Екатеринбург, ни ходатайства с подарками в Сенат купцов Тюмени, ни пожары дотла выгоравшего Ирбита не смогли уничтожить здесь ярмарку.

«Это было то самое место, куда стремились за барышами из-за тридцати земель, куда везли все, чем богаты, — товар ли это, или талант, или досужее время, или шальные деньги.

Ирбитская ярмарка — это съезд крупнейших коммерсантов, арфисток и фокусников, мелких торговцев и помещиков, фотографов и заводчиков, докторов и актеров, столичных шулеров и губернских карманников...»

Не одно столетие в жгучий январский мороз, ныряя из ухаба в ухаб, тянулись обозы крестьянских лошадей от китайской границы с шелком, фарфором и чаем; несли на своих горбах через пески Средней Азии караваны верблюдов знаменитые кашмирские шали, самаркандский ситец и бухарский кишмиш; от Архангельского порта шли заморские вина, лимоны и сласти, везла центральная Россия изделия рук мастеровых; со всей Сибири стекались меха: куница и соболь, белка и горноста, медведь и песец, бобр и лисица...

Ирбитская ярмарка собирала всю пушнину сибирскую и диктовала цены. Так, в 1910 году поступило: 1507 пудов белчиного хвоста, шесть миллионов 125 тысяч шкурок белки, миллион 800 тысяч — зайца, 50 тысяч — кошки, девять тысяч — куницы, 9557 соболей, 9900 шкур волка, 27 тысяч — лисицы, тысяча — медвежьих, сто тысяч — горноста, 11 500 песцов, 250 тысяч шкурок хорька, 600 тысяч — сурка... Горами лежал мех колонка, норки, росомачи, рыси, на 200 тысяч рублей ме-

хов бобра. А всего на восемь миллионов 353 тысячи рублей! И продано все без остатка.

В дни ярмарки на всех окрестных дорогах было неспокойно: разбойничали любители легкой наживы, орудовали кистенем, отбирали товар да и убивали частенько. Поэтому иностранные купцы пользовались услугами почты, и дороге меха шли посылками: так было надежнее.

Воскресенская площадь, зеленая летом и заснеженная, сугробистая зимой, покрывалась в дни ярмарок балаганами, палатками, гудела тысячами голосов и больше всего походила на муравейник, где все спешат, кричат и что-то тащат.

Для ребятишек это время было настоящим искушением, а для родителей — дьями, полными тревог. Утром еще побегут в школу, а с занятий, если не встретят, домой являлись только вечером. Рынок притягивал всех, как магнит.

Несколько ресторанов открылось на ярмарке, но особенно славились два: москвичка Васильева и екатеринбуржца Семенова. Они соперничали между собой роскошью убранства, изысканностью кухни и, главное, театральными труппами хористок и музыкантов. Не один год приезжали лилипуты — самая заурядная эстрадная труппа, но казались дикийной: уж больно малы. Изредка наезжали и талантливые исполнители, шли оперетты «Цыганский барон» Штрауса, «Орфей в аду» Оффенбаха... Конечно, ресторан — не театр: сцена невелика, о резонансе и говорить нечего. Но публика шла не оперу слушать. Значит, давай им эстраду: песню, чтоб душу щипала, музыку, чтобы с мест поднимала!

Много разного народа съезжалось на ярмарку, и среди прочих бывали такие ловкачи, о которых по сей день в Ирбите рассказывают удивительные истории. Да вот одна из них.

В известную кондитерскую Шеломенцева как-то явился усатый молодец лет 35. Одет не очень шикарно, но, чувствовалось: человек с достатком.

— Можете триста булочек изготовить?

Небольшие сдобные булочки продавались по копейке.

¹ Д. Н. Мамин-Сибиряк. «Приваловские миллионы».

² Н. Телешов. «За Урал».

— Когда надо?
— Часика через два-три.
Хозяин посмотрел на часы, подумал.

— Хорошо. К двенадцати будет. Сейчас оплатите?

— Пожалуйста,— и молодец подает три рубля.

Вскоре появляется он в Пассаже. С видом знатока оглядел галантерею, порывлся на книжной полке и, наконец, вошел в ювелирную лавку тюменского купца Брандта. Здесь все отливало холодным блестящим дорогим металлом. Золотые часы с массивной цепочкой, колье, брошь и запонки подобрал со вкусом.

— Сколько?

Жесты неторопливы, разговор солидный. Все говорит о том, что человек знает себе цену.

Приказчик щелкнул костяшками счет: «Триста сорок два рубля».

— Триста, если угодно.

Вышел хозяин, пересмотрел товар, прикинул и согласился.

— При мне тридцать рублей,— покупатель достал бумажник, улыбнулся, как бы извиняясь.— Много не беру. Рассчитуюсь у себя.

Хозяин кивнул приказчику: «Езжайте!». Берут извозчика — и к кондитерской. Наш знакомец прямо с порога:

— Ну как?

— Уже ждем,— отвечают.

— Двести семьдесят этому человеку, за остальными позднее буду.— Поворачивается к приказчику, берет из его рук кошку и с улыбкой: «Сейчас получите»,— вышел. Немного подождя приказчик, видит, выносят из пекарни две громадные корзины и ставят перед ним.

— Считать будете? — спрашивает пекарь.

— Что это? — оторопел приказчик.

— Булочки. Ваш заказ.

— Какой заказ? Я же деньги жду!..

— Деньги? Мил человек, деньги мы не пекем! С вами кто-то шутит...

Огромный дворец занимает квартал по улице Орджоникидзе. В нем разместились Ирбитское педагогическое училище: 22 учебных кабинета, конференц-зал на 180 мест, буфет, учительская, кабинеты директора и завуча, просторная раздевалка, библиотека и еще ряд помещений, необходимых для обеспечения учебного процесса 660 учащихся.

Любопытна история этого дворца. Жил в небольшом домике мещанин Шипицын Федор Алексеевич по улице Николаевской (ныне Первомайская, 12). Жил ярмаркой — сдавал весь дом жильцам на месяц, а сам ютился в каморке. Арендовал клочок земли, пахал и сеял, сводил концы с концами.

И вот как-то приехал на яр-

марку и остановился у него в доме купец, фамилию сейчас время стерло, но не это важно. Приехал, дорогой сильно простудился, да с ходу — в парилку и водочки принял. Ночью жар поднялся. Хозяин доктора привез, тот послушал, да с тем и уехал. У купца годы немолодые, сердце, видимо, уже пошаливало, а тут и не выдержало...

Федор Алексеевич — к опояске, нашел ключик, заглянул в шкапулочку, а там кругленькая сумма. Он ее к рукам и прибрал.

Утром доктор засвидетельствовал смерть, а полицейский опечатал шкапулку. А там только мелочишка на чашику предусмотрительно оставлена... Подождя с годок Шипицын, да и купил дом угловой. Вскоре соседний пошел с молотка — и его тоже. Дома соединил вставку в том же архитектурном стиле, и завершил гостиница «Александрия». А себе еще дом приобрел — рядом по Торговой трехэтажный особняк. Два этажа семьей занял, а в нижнем открыл магазин колониальных товаров.

После Великой Октябрьской революции народным достоянием стали дворды и палаты. Пришлось Шипицыну потесниться — только три комнаты ему и оставили. Да недолго прожил, умер в 1918 году. И вот почему: спрятал ценности в колодезь, а в скором времени возьми да оборвись ведро с веревки у женщины. Она — за «кошкой», да и зацепила серебряный самовар. Пришли люди, стали еще поддевать и вытащили связку икон в дорогих окладах с камнями. Тогда занялись колодезем всерьез: выкачали воду и достали спущенное золото. Хозяин-то в окно видел, как его кровное в народный карман уплывает. Так расстроился, что паралич расшиб — и конец.

Вместе со всеми Ирбит итожит прожитое. За годы Советской власти город помолодел, оделся в зеленый наряд аллей и скверов, заблестел асфальтом улиц, стеклами многоэтажных домов. То тут, то там среди старых почерневших домиков вырастают, словно грибы-боровики, белого кирпича пятиэтажные здания. И только изредка нет-нет да и напомним о себе прошлое забытой историей или почерневшей от времени музейной реликвией.

ЭКСПЕРТ ЗА РАБОТОЙ

Евграф
КОНЧИН

Одна из уральских картинных галерей приобрела в частном собрании небольшого холст «Голова фарисея» знаменитого русского живописца Н. Ге. Поступление, конечно, было весьма ценным. Ведь любой, даже самый крупный музей страны может заслуженно гордиться работой такого именитого мастера. Вторых, «Голова фарисея» представлялась как этюд к широко известной картине «Суд Синедриона», находящейся в Государственной Третьяковской галерее. И вначале в его подлинности не возникало никаких сомнений: на живописи справа, в нижней части, на широкой темной полосе, значилась фамилия автора «Н. Н. Ге», а под ней дата — «1892 год».

Так и считался холст «несомненным Ге», пока не попал на экспертизу в Москву, к искусствоведу, художественному рентгенологу, если можно так назвать заведующую научно-экспертным отделом Третья-

ковской галереи Мильду Петровну Виктурину. Вот тогда-то и начались странные открытия.

При исследовании живописи путем специального фотографирования, а также ультрафиолетовыми лучами выяснилось, что фамилия художника нанесена на красочный слой, с которого предварительно сняли старую лаковую пленку. Затем авторскую подпись покрыли свежим лаком. Но он, этот новый лак, давал совершенно иное свечение под лучами ультрафиолетовой лампы, чем лак первоначальный. Порою едва заметное изменение интенсивности свечения лака в этих лучах, непривычное его «цветовое» звучание помогают распутать сложный клубок фальсификации, что произошло и на этот раз.

Итак, подпись поставлена много позже создания картины и никак не может быть авторской. Она — фальшива! Хотя опытный поддельватель пытался сделать ее умело, он хорошо знал, как художники подписывают свои произведения, и фамилию знаменитого мэтра скопировал откуда-то точно. До подозрительности точно!

Ну, а дата? А вот здесь-то ловкий преступник сработал грубо — поставил ее прямо по старому лаку. Решил, вероятно, не церемониться, думал, что вывесит тщательно им выверенная и мастерски нанесенная на живопись фамилия художника.

Еще один сюрприз преподнесла картина. В левой нижней ее части старый лак на живописи также оказался стертым. И похоже было, что там находилась какая-то подпись. При помощи соответствующей аппаратуры Мильда Петровна присмотрелась внимательно — похоже, что по еле различимым остаткам исчезнувшее слово читается как «Поленов». Последующие исследования подтвердили это предположение: да, действительно, была подпись Поленова, но... такая же фальшивая, как и Ге. Почему же фальсификатор вначале подписал полотно именем одного выдающегося художника, а затем заменил его именем другого? По всей видимости, посчитал, что за «подлинного Ге» он возьмет дороже.

И, наконец, еще один весомый аргумент преподнес искусствоведческий анализ картины. Эту «Головы фарисея» никак не может относиться к «Суду Синедриона», поскольку это произведение было закончено в 1881 году, а в феврале следующего года уже было показано на выставке. Поэтому предварительный этюд к ней не может быть датирован 1892 годом. Да и выяснилось, что подобно персонажа вообще нет в картине. Эту, кроме того, написан без столь характерной для Ге экспрессии, мазок его вял и бесформен.

Случай этот был сложным и потребовал от Виктуриной долгой и

кропотливой работы. Но Мильда Петровна прекрасно владеет методами исследования художественного произведения при помощи ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, рентгенограммы, другой специальной аппаратуры, мастерски читает результаты этих исследований, что порою недоступно даже опытным искусствоведам.

Обратились к ней и из другого уральского художественного музея. Экспонируется там «Зимка» видного украинского художника прошлого века С. Васильковского. Абсолютно подлинный, как уверяли знатоки, ибо авторская подпись в «тесте», то есть сделанная по сырой еще краске. Это почти всегда является надежной гарантией бесспорности оригинального произведения. Почти... Потому что картина была невысокого качества, не похожая на другие работы этого добротного живописца. Ну что ж, были и у него творческие спады — можно и так объяснить довольно-таки примитивную «Зимку»...

Исследование картины ультрафиолетовыми лучами прежде всего выявило небольшие утраты красочного слоя около букв «С» и «В». Вот с такой, казалось бы, столь незначительной, случайной детали все и началось... Пристальное изучение вначале подозрительного фрагмента, а затем и остальной живописи с помощью специальной аппаратуры показало, что вся картина написана с употреблением свинцовых белил. Авторская же подпись лежит действительно в «тесте», но уже почему-то в цинковых белилах?! Это, в частности, определили ультрафиолетовые лучи: свинцовые белила в них отвечивали белым, тогда как цинковые давали желтый свет. Притом сцепление авторских свинцовых белил и поздних цинковых в некоторых местах живописи было слабым. Вот поэтому и выпала подсохшая краска возле букв «С» и «В». Здесь опять-таки чувствовалась рука опытного фальсификатора. Он знал, что подпись художника, сделанная, как повсеместно принято авторами картин, по сырой краске — в «тесте», уже не вызывает никаких подозрений, а принимается за истинно достоверную.

Стилистический анализ подтвердил результаты физических методов изучения картины: были обнаружены серьезные погрешности в рисунке, да и живописные приемы изображения деревьев не подходили на манеру Васильковского.

«Зимка» также оказалась грубым «фальшаком».

Ловкой подделкой, правда, несколько иного рода, стала картина, которую ранее принимали за произведение видного русского мастера Ф. Журавлева, условно названная «У постели больного ребенка». По началу ультрафиолетовые лучи об-

наружили еле заметное овальное очертание вокруг «бесспорной» авторской подписи. Выяснилось, что здесь счищали старый лак, затем, вероятно, нанесли на живопись скопированную подпись Журавлева, закрыв ее новым лаком, он по своему составу вполне соответствовал авторскому покрытию. Но осталась чуть приметная граница между ними, которую и глазами не разглядеть, а лучи заприметили.

Быть может, все же подпись действительно достоверная? Смущало то, что по ней шел так называемый кракелюр, то есть трещина, которая образуется на живописи от старости. Но когда пригляделись внимательно на макрофотоснимке, то увидели, что кракелюр-то искусственного происхождения. Нарочито его процарапали каким-то острым предметом по сухой краске, чтобы экспертизу обмануть. Но кракелюры разные оказались: от давности трещинка образуется с гладкими краями, а у фальшивой — с зазубринками.

Наконец сняли рентгенограммы с полотна «У постели больного ребенка» и с несомненной картины Ф. Журавлева «Перед венцом», которая экспонируется в Третьяковской галерее. Сравнили эти два снимка, и сразу все стало окончательно на свои места: картины принадлежали совершенно различным художникам. Рентгеновские снимки зафиксировали две принципиально разные, абсолютно не схожие манеры письма.

В ряде других случаев методы исследований Виктуриной помогли убрать с картин, казалось, истинные, а фактически фальшивые подписи Сурикова и Репина, Левитана и Айвазовского, Васнецова и Маковского, Перова и ряда других именитых художников. А сами картины глубоко запрятаны в музейные папки и уж обращаются к ним теперь лишь как к образцам искусных фальшивок.

Где ночуют голуби

Рассказ

Левин
ЧУМИЧЕВ

Рисунки
А. Банных

Первый утренний трамвай вырвался из парка и, весело названивая, помчался по улице. На остановках никого не было, и трамвай без задержек катил по городу. Один раз только он притормозил и распахнул двери перед одинокой девчужкой.

Девчужка примостилась около окна и стала рассматривать просыпающийся город: одиноких прохожих, шустрых современных дворников, поливочные машины с шевелящимися водяными усами-радугами.

Мелькали за окном домища, дома, домики... Трамвай выкатил на окраину города и разнаряженным красным кораблем поплыл среди приземистых грустных домишек.

У новостройки остановился и выпустил девчужку.

Она стояла перед строящимся домом. Кругом пучилась перерытая земля, валялись доски, кирпичи, ящики из-под раствора... Чуть в стороне стояла дощатая конторка.

Недалеке от конторки приютился молодой тополек. То ли пожалели деревце, то ли не было нужды спиливать его. Тополек бурно радовался дарованной жизни — каждой веточкой, каждым листочком тянулся к просыпающемуся солнцу, щедро дарил игрибому ветерку свои небогатые запасы белого пуха.

Девчушка оперлась о дерево, запрокинула голову вверх и стала оглядывать голубое-голубое, без единого облачка небо.

Перед ней стояла громада строящегося здания, гигантским жирафом высился башенный кран, а она разглядывала небо.

Утро уже растормошило город. Даже на этой отдаленной остановке все чаще стали появляться люди. Все они с недоумением косились на странную девчушку, а некоторые останавливались, тоже задирали головы и, постояв немного, шли своей дорогой.

Начала заполняться и строительная площадка. Усатый прораб прошел прямо в конторку, а рабочие толпились на площадке, курили, разговаривали. Видно, трудилась тут молодежная бригада, потому что все работяги были молодыми парнями и только одетый в спецовку прораб отличался солидностью.

— И чего она стоит? — удивился суетливый каменщик Гоша Иванов. — Нет, интересно, стоит человек и пялит глаза в пустое небо!

— Мечтает, — предположил Юра Сутыркин.

— Разыгрывает. Смотри, смотри, ребя, вон Костя Крохин идет. Этот обязательно остановится.

И точно: Костя Крохин встал около девчушки и уставился вверх. Не отрывая взгляда от неба, рассудительно предположил:

— Нет, сегодня они не прилетят!

— Кто? — испуганно спросила девушка, и Костя увидел синие, синее неба, глаза.

— Гомоноиды. Есть, говорят, такие — на летающих тарелках шустрят. Вы ведь их ждете?

Девушка окатила Костю презрительным взглядом и пошла. Вроде бы так, посмотрела брезгливо, и все. А у Кости Крохина ёкнуло внутри.

— Что ты ей сказал? — загалдели ребята.

А Костя только рукой махнул и полез по лестнице крана к себе в кабину.

— Да чокнутая она! — крикнул вслед Косте Гоша Иванов.

Из кабины Косте хорошо было видно море обреченных к сносу деревянных домишек. Рядом на стенах строящегося дома появились загорелые парни — сварщики, каменщики, сборщики-верхолазы. Здесь и Гоша Иванов, и Юра Сутыркин.

А Костя Крохин смотрел на трамвайную остановку, до тех пор смотрел, пока не уехала эта странная синеглазая девушка.

Вообще-то, Костя Крохин уже, считай, четвертый год в этом городе живет. Два года в стройбате отслужил, и вот теперь на «вольной» стройке. Специальностей строительных у него хоть отбавляй. Сейчас вот заболевшую крановщицу заменяет. Костя хоть кем работать может. А плотничать он еще до армии умел. Мать приезжала из деревни. Посмотрела на Костину житуху, на комнату хоть общежитскую, но отдельную, и сказала:

— И не думай, Котыка, отсель мотать. Я пока поживу в Казанке, будешь наезжать как начальник на дачу. А как большую квартирку тебе дадут, приеду внучат нянчить. Только ты на путной девке женись. Мне твой начальник так и сказал: «Константин Крохин наш лучший работник». И под портретом твоим, что у конторы висит, то же написано.

А жениться Костя не торопился. Вон Гошка Иванов, отслужили вместе, а уж два раза женами обзаводился. Но что толку!

— Эй, Костя! Крохин! Уснул там, что ли? — это прораб снизу шумит.

Парень взялся за рычаги. Кран заурчал мотором, тронулся по рельсам. С конца стрелы побежал к земле стальной трос. Поддерживаемая тонкими канатами, панель медленно поплыла вперед-вверх к протянутым рукам обнаженных по пояс парней.

...К стройке подходил самосвал с раствором.

У связанных в большую охапку досок-сороковок стоял прораб и маячил рукой «майну». Рабочий день входил в силу.

И снова было утро. Ребята и прораб стояли около красной фанеры, на которой было написано: «До конца сдачи объекта осталось 39 дней». Слова написаны краской, а цифры — мелом. Прораб стер девятку и переправил ее на восьмерку. Теперь получалось, что «до конца сдачи объекта осталось 38 дней».

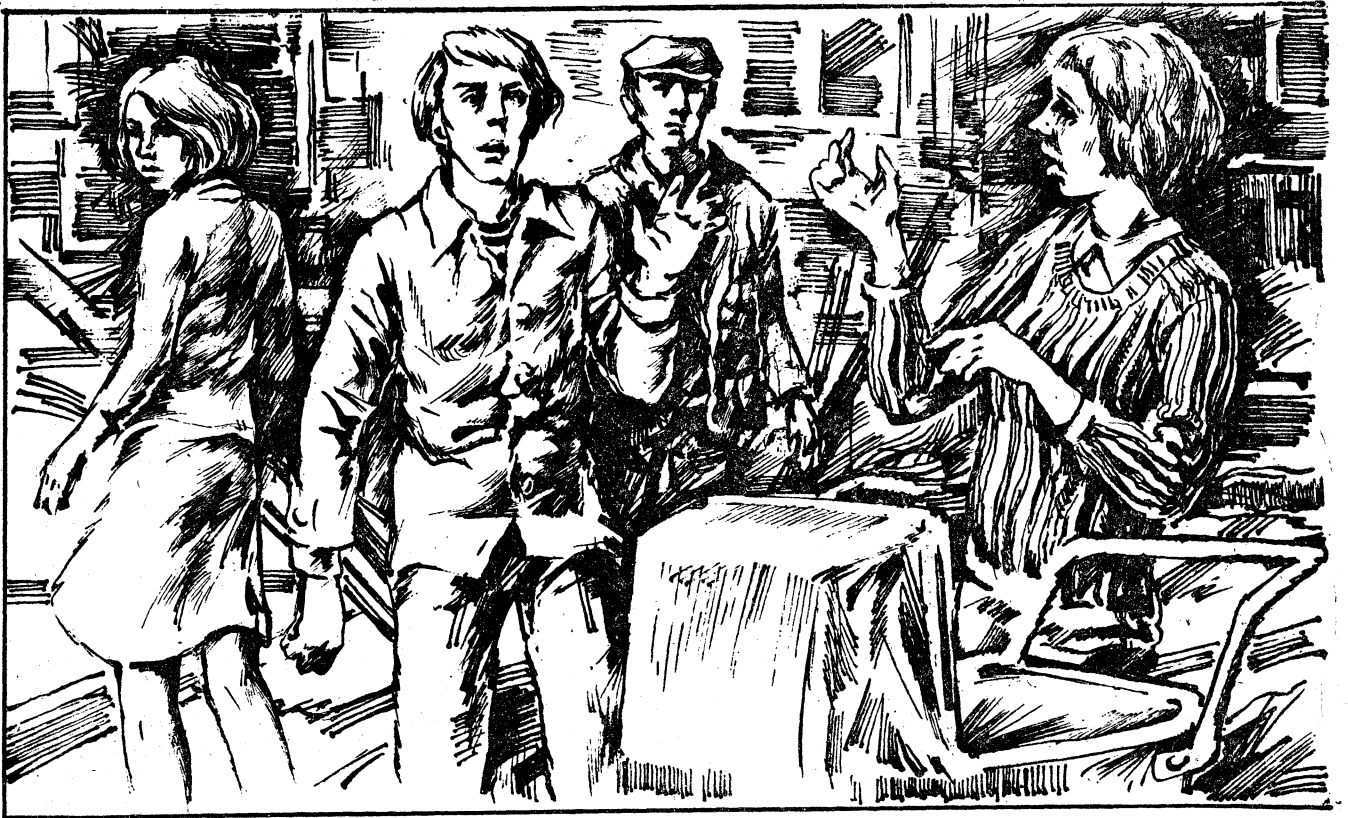
Костя Крохин забрался к себе на верхотуру.

Все так же кучно толпились внизу домишки. Костя глянул вниз и обомлел — вчерашняя девушка стояла под тополем. Костя высунулся из кабины и галантно приподнял берет.

Она едва заметно кивнула в ответ и тут же принялась разглядывать небо. Сегодня оно курчавилось редкими, но густыми, плотными облаками.

А от трамвайной остановки торопилась к стройке Жанна, вторая бывшая жена Гоши Иванова. Толкала перед собой детскую коляску. Остановилась недалеко от тополя. Одернула жакетку, поправила волосы, открыла было рот, но худенькая девчушка предложила:

— А вы поставьте коляску вот сюда, здесь тень.

Жанна послушно передвинула коляску и запричитала во все горло:

— Посмотри, Стеллочка! Посмотри! Вот он твой папочка, Иванов Георгий Михайлович! Вон кто тебя осиротил! Вон для кого я себя берегла.

На стене парни держали Гошку. Он вырывался, шипел:

— Убью стерву!

Прораб спрятался у себя в конторке.

А снизу, перебивая детский рев, неслось:

— Плачь, плачь, Стеллочка! Пусть твой папочка слышит, пусть он видит...

— Как, как вам не стыдно, — прошептала девушка. — Вы же себя позорите!

— Мне? Стыдно? — изумилась Жанна. — Ты кто такая? Чего здесь торчишь? А-а, к Гошке пришла? Смотри, смотри, Стеллочка, на папину полюбовницу!

Жанна уже протянула руки к оторопевшей девушке.

Тут и подбежал Костя Крохин.

— Не ори, Жанна! Во-первых, это моя девушка, во-вторых, если ты не прекратишь эти номера (Костя оглянулся на качавшую коляску девушку), мы всей бригадой будем хлопотать, чтобы дочь присудили отцу, потому что ты только калечишь ребенка.

— Я? Калечу? — задыхнулась Жанна. — Да вы все, да вы...

От здания на помощь Косте шла почти вся бригада.

А девушка исчезла. Ушла незаметно. И Стеллочка больше не плакала.

На строительной площадке никого не было. Крохин одиноко сидел у себя в кабине. Тоже небо разглядывал. Серое оно сегодня. Хмарью какой-то затянуло. Нет, интересно, чего же эта девушка туда глядит? Сегодня поговорит с ней Костя. Узнает, что к чему. Может, на стадион или в кино ее пригласить?

Девушка, как обычно, встала у тополя.

Костя приподнял берет, а она приветственно пошевелила пальцами.

Из нагрудного кармана Костя достал широкий блокнот. Написал: «Простите, что я вчера назвал Вас своей девушкой. А вообще-то, я не против».

Костя вырвал листок, смастерил из него голубя и пустил в небо.

Клюнувшись о стену здания, бумажная птица резко пошла вниз, упала у ног девушки. Та бережно подняла голубя, прочитала записку, пыталась, но не смогла сдержать смешок. погрозила Косте пальцем.

Оба рассмеялись.

А стройка оживала. Усатый прораб обосновался в конторке. На стенах появились парни. Подъехала машина с прицепом. На прицепе две готовые стены с оконными рамами.

...Костя плавно опустил громоздкий груз. Стену встретили загорелые руки парней. Салютно засверкали искры электросварки.

Костя вышел из трамвая.

Она уже стояла на своем месте у тополя. — Здравствуй, — несмело сказал Костя и дотронулся до берета.

Она кивнула и снова подняла голову.

Костя тоже глянул вверх, потом посмотрел на девушку, глазами спросил: «Что ты там ищешь?»

— Мы жили здесь, — заговорила она. — Я, бабушка и дедушка. У нас были голуби. Переехали в новый дом, а оттуда любимый голубь улетел. А наш дедушка болеет... Говорит, что голубь должен прилететь сюда... Если живой.

— А где он ночует, тот голубь? — вдруг спросил Костя.

— Наверное, у дикарей. Или в чужой голубятне. Но если вырвется, он прилетит сюда.

— Он прилетит, а тебя не будет, — пробурчал Костя.

— Улица Сахалинская, дом тридцать шесть, квартира шесть. Тридцать шесть и шесть — легко запомнить, как нормальную температуру. Я — Копылова Лена, дедушку зовут Федор Елисеевич, а телефона у нас нет.

— Ладно, я буду смотреть. Чуть чего, дам знать, — пообещал Костя.

— Дедушка приедет и его сразу поймает, — оживилась Лена. — Голубь его хорошо знает, он восемь лет у нас жил, ручной почти... Но вы не беспокойтесь, я и завтра приеду. У нас аптека с девяти работает, так что до полдевятого дежурить буду. А голубь этот для дедушки сейчас лучшее лекарство.

«...Во, разговорчивая какая! То молчала, молчала», — Костя шел к конторке, к ребятам.

— Ну и как? — спросил Юра Сутыркин.

Костя молчал, улыбался.

— А-а, все они... — оцетинился Гоша Иванов.

Костя Крохин рассмеялся и побежал к крану.

Назавтра она не пришла.

...Ее нет уже четвертый день.

Костя смотрит то в небо, то на тополь — ни голубя, ни Лены.

Сегодня накрапывает дождик. Под тополком горбится старушка. Разве спрячешься от дождя под таким деревцем. А старушка все стоит

и стоит. И вдруг осенило Костю. Он ссыпался с крана.

— Здравствуйте, бабушка.

— Здравствуй, сынок.

— Вы кого ждете?

— А тебя, видать. Ленулька меня послала. Пстой, говорит, немножко у тополя, он и подойдет к тебе. Да кто «он», спрашиваю. А она плачет, «добрый человек», говорит. Подойдет, говорит, и пособит... Нас, сынок, горе ушибло, помер дед-то, Федор Елисеевич. С самой войны от раненьев маялся. Одни мы теперь с Ленулькой. Она ослабела вся, встать не может. Уж на что в лекарствах разбирается, а ни одно ей не помогает.

— Подождите меня, бабушка, я сейчас.

Костя метнулся к конторке. Минут через пять вернулся. Подхватил старушку под руку.

Они ехали в полупустом трамвае на заднем сиденье.

Костя закрыл глаза. Слушал старушечий голос:

— Отстучала Катке в Норильск телеграмму, а она на похороны не приехала. Шалапутная у меня дочка, сынок. Не повезло Ленульке с родителями. О Матвее-то и вовсе ничего не слышать. Не знамо, где живет мужик... Ой, не повезло внученьке с папкой-мамкой. А она и говорит, иди, говорит, к топольку, пстой немножко, он и подойдет, добрый-то человек. Он добрый, потому как о голубях спрашивал. Интересовался, где они ночуют.

...В конторке судачили ребята.

— Кажись, вторился наш Костя, — сообщил Юра Сутыркин.

— Ничего, и он обожжется на этой верхоглядке, — пообещал Гоша Иванов.

— Поживем-увидим, — поправил усы прораб.

А дождь набирает силу.

Внучек-то ОДИН...

Рассказ

Владимир
КАРПОВ

Рисунки
Н. Мооса

Раннее утро. Чуть выглядывает из-за крыш солнышко, будто бы подсматривает — можно ли войти?

По железобетонному мосту громыкает повозка. Поскрипывает двумя огромными колесами, скрежещет об асфальт ободами. На повозке вздымается стожок, покрыт целлофаном, перетянут веревкой. Тащит повозку маленькая, сухонькая, скрюченная старушонка. «Козьявка», как прозвал ее сосед, здоровый мужчина. «Хохотун» — так в свою очередь окрестила его бабка. Переваливается старуха с ноги на ногу, кряхтит и помаленьку, потихоньку — прет, прет! С муравьем не сравнишь — куда ему! Путь проделывает каждое утро немалый: из Заречья, от самого почти леса, по мосту через реку — в центр, на базар. Встает раненько, чуть свет, режет в огороде лук-батун, укладывает на повозку, и часикам к шести, к половине седьмого уже на месте. А место у нее свое, постоянное, бойкое, недалеко от входа, под навесиком. Установит весы, свои, собственные (базарными пользоваться — денежку отдай и хлопотно), разложит лук по прилавку, ворохом, пучками — по полкило, килограмму. Делает все неспешно, но быстро, споро — навык. Чем-то напоминает рыбака, разматывающего снасти, напряженного, но в предвкушении улова. Из мешочка в консервную банку высыпается мелочь, а мешочек с рублями и тройками кладется в потайной карман фартука — сдача под рукой, простоя не будет. К первым покупателям готова: торчит из-за весов, зыркает настороженными глазками.

Может, людей притягивает, что вот такая маленькая надсаженная старушонка вынуждена зарабатывать на хлебушек, таскать такую оказию — повозка стоит рядом, — жалко старушку. Или просто лук особо хороший: трубки длинные, жирные, сочные. Да и знают бабку:

с самой ранней весны — снег еще не везде стаял — до поздней осени, до первых заморозков она на базаре. Так или иначе, но к полудню старуха сворачивается: целлофан, весы на арбу, снова впрягается и пошла. Теперь легче. А мешочек с деньгами стал поплотней. (В середине лета, в будние, непогожие дни, когда базарные ряды ломаются от всякой зелени, а народу мало, случается, остается ее мешочек тощим — тихо тогда идет, переживает.) Дорога обратная все больше по скату, повозка подпирает сзади, обгоняя, проносятся машины, некоторые озорные шоферы приветствуют бабку сигналом, чем страшно ее пугают, и она шевелит губами им вслед. Ускоряет шаг — работы сегодня еще много...

Наконец доползает до своего дома. И повозка останавливается у деревянных узорчатых ворот скромненького такого, кирпичного, под кровельным железом, с цокольным этажом, солидно возвышающегося над соседями, особняком. Живет старуха здесь вдвоем с внуком. Открывает она ворота — во дворе новехонький автомобиль «Нива». Бабушкин подарок кровиночке своей единственной — шестнадцать лет парню исполнилось, восьмилетку закончил, без отца-матери рос, сиротинушка: пусть живет за нее, за их и за свою долю. Именно эта мысль: мы жизни не видели, пусть он поживет, — кажется, и наполняет старуху энергией, неутомимыми силами.

Приготовила старуха обед, перекусила с внучком, вышли таскать кирпичи: вчера под ночь привезли, на гараж, свалили кучей у ворот. Накладывает она стопочку из шести штук, поднимает и, раскорячившись на искривленных старостью ногах, несет. Рядом внучек, парень вполне здоровый, крупноватый даже, берет всего по три кирпича. Больше бабушка не позволяет: «Не надсажайся, тебе жить еще, здоровье сгодится». И, похоже, внук согласен: не надо надсажаться. Он и с этими, тремя, идет вразвалку — неохотушка парню, мочи нет. И скоро ему не то надоест, не то правда, как он говорит, что на медкомиссию надо — в техникум поступает. И старуха остается одна.

— Петровна, ты че помалы таскаешь, бра-ла б хоть штук по десять, что ли? — усаживается на бревно у палисадника напротив толстый, краснощекий Хохотун.

Старуха уверена, специально, паразит брюхастый, вышел поехидничать. Что за человек, лишь бы похотеть! Конечно, чего ему не веселиться: пузо через ремень, морда лепешкой, пенсия сто двадцать, детям сказал: «Устраивайтесь сами». Живет себе — жрет, спит да языком чешет.

— Петровна, бутылку поставишь — помогу! — неймется мужику.

Скучно, что ли, человеку?

— Подависся бутылкой-то, — ворчливо отвечает старуха.

— А я ее глотать не буду. Я культурненько, в стакан перелью и выпью. Тебе могу подать.

К Хохотуну начинают подсаживаться. Каждый вечер сходка: мужики, парни молодые соберутся, кого-нибудь за пивом командируют, банку посередке поставят и сидят на бревнышке, попивают, несут всякую ересь. Однажды китайцами старуху совсем запугали. Зря, говорят, ты, Петровна, машину купила, не сгодится, китайцы уж за лесом окопы роют, вот-вот обстрел начнут, условие поставили: пусть, мол, ваша Петровна батун весь с огорода нам привезет, тогда миром уйдем. Старуха было поверила, кабы не заикнулись про батун. С батунном вечно подкалывают. Завидки берут. А уж как начнут бомбой атомной стращать — жуть! Внучек, сердечко родименькое, успокоил: не бойся, толкует, страна наша сильная, войны не допустит. А оно все равно сомнение берет: уж кто-кто, а она-то знает, что такое война — муж на фронте полег, самой, хоть и в тылу жила, а досталось...

— Соседка! — снова заговорил Хохотун, — а внучек-то че не помогает? Убежал — горбаться бабушка! Куда ты такого лоботряса откармливаешь? Девки портить?

Обижать внука бабушка не позволяла никому, маленьким еще был, задерутся ребятишки — хворостину в руки и на них.

— Сам ты лоботряс! — зло шепелявит старуха. — Парень в техникум поступает!

— Испортишь ты его, как жить будет?

— Не заботься, не заботься! — машет она рукой и, опускаясь к кирпичам, бросает уже всем: — Сроду от ребенка никто худого слова не слышал...

Старуха права: худого слова не слышали, но и доброго тоже. А Хохотун несправедлив — к девкам внучек не подходит. Кисель. Он и в техникум поступать не хотел, изъяснялся, правда, желание пойти работать, но не знал куда. Бабушка настояла: «Учись, пока я живая, выучишься — за столом, чистенький, будешь сидеть».

На бревнышке уже пять-шесть мужиков, переговариваются, смотрят на старуху — нашли цирк!

— Вчера дождь был, — вспоминает Хохотун. Он в центре.

— Ну.

— А перед самым дождем цемент привезли. Машину. Вот тут же у ворот ссыпали. Закапало. Я зашел домой, может, минут пять покрутился, глядь в окно-то — Козьявка уже донашивает. С двумя ведрами, как метеор, туда-сюда, туда-сюда. Гляжу — подчищает уже. Чуть, может, успело намочить.

— Двужильная, — вставляет седоватый, рых-

лый, тихий пожилой человек, по виду из мелких служащих. Он с соседнего квартала, приходит на бревно редко.

— Черт его знает какая! — восклицает Хохотун. — Для внука своего старается.

— Смех смехом, — выцедил сквозь улыбку тощий, черный, показно спокойный мужик. — А если б на производстве все так работали, давно бы полное изобилие наступило.

Петровна раньше жила не здесь. В Заречье же, но в другом месте, на фабрике; сюда переехала она с внуком недавно, весной, поэтому в соседях еще не остыло удивление, и они, немного ошарашенные, с удовольствием зубоскалили. Оттого, собственно, и ожили давно увядшие посиделки на бревнушке.

— И отчего нынче так? — поддержал Хохотуна седовласый и, мелко мигая глазами, зарассуждал: — До глупости над детьми трясемся. У меня вот дочь, Нина, недавно квартиру получила. Бегает, с ног сбивается, ищет ковер в детскую. Большой нужен, чтоб весь пол застелить и чтобы Танечка, внучка, могла ползать. А тут недавно приходит, говорит: «А пианино Танечке у нас уже есть». Купили! А внучке и года нет!..

— Что дурно, то потешно! — оборвал его чернявый. Новая тема, видно, его не грела, вернулся к старой. — Тут не пианино. Машина «Нива»! И достать сумела! Старая, неграмотная, а пронырливая, зараза. И отдала недорого, одиннадцать тысяч. По нынешним временам...

— Тринадцать, — поправил Хохотун. — За одиннадцать это дом, а машину за тринадцать.

«Нива» — это же класс! Особенно для наших краев. Не то что мой миленок-жигуленок! Вот предложили бы мне: выбирай — «Волгу ГАЗ-24» или «Ниву»... — Хохотун состроил задумчивую мину. Мужики замерли: машин ни у кого не было, но знали: «Волга» дороже. А если учесть спекулятивную цену?! «Волгу» можно продать, купить «Ниву», да еще деньги останутся. Но Хохотун с легкой улыбочкой докончил: — Я бы, конечно, выбрал «ГАЗ-24»! — и расхохотался первый.

За ним раскат смеха — не промах мужик!

— И неужели все на батуне? — вздыхает, смахивая слезинки с глаз, седовласый мелкий служащий. Он покраснел, удивлен, для него эти известия внове. Он вообще из тех, до кого события доходят в последнюю очередь. А коли дойдут, так удивляют долго, до тех пор, пока о случившемся все не забудут.

— На батуне, — охотно поясняет Хохотун. — Давно уж она его продает. На фабрике жила, огород засаживала. Домишко там у них был плохонький, а сюда переехала... Хе... Федор, хозяин бывший, на днях приходил. Дом свой, говорит, захотелось посмотреть, сад. Он теперь у сына живет, в казенном. Ну, заходит туда, к старухе, побыл там, выходит, — я тут сижу, — и слезами плачет! Сад-то у него какой был: яблоня стелющаяся, малина, смородина, крыжовник, вишня... Все под корешок срезала! Начисто! Один батун в огороде. Федор за голову хватается, сколько, говорит, я его удобрял, наземил, по кусту выращивал, берег! Знал бы — дом не продал. А что теперь сделаешь?

Мужики, хотя и были в курсе истории с бабкой, слушали с интересом, молчали, ухмылялись, кивали, а седовласый, вытянув лицо, почкачиваясь, пропел:

— Ай-яй-яй-яй, загубила, значит, сад, ай-яй...

А чернявый потянулся и гаркнул:

— Все, зараза! На следующий год огород засаживаю батунном!

— Ты на бабкину монополию не зарься. Надо свою изобрести...

И мужики стали придумывать, выискивать всякие прибыльные заведения. Вариантов было много, но в конце концов единогласно пришли к мысли: бабка-то двужильная, того еще закала — вот кабы нам по такой бабке!..

— Так, Петровна, как насчет бутылки? Поможем, — не дает покоя Хохотун старухе.

Та в ответ лишь недобро поглядывает и уходит с кирпичами молча. Мужики смотрят вслед. Они бы, конечно, без разговора помогли одинокой старухе — не надо и просить. Но помогать одинокой старушке носить кирпичи для гаража, где будет стоять ее автомобиль, как-то вроде нелепо. На такую можно день и ночь работать, конца не будет. У них у самих дома дел по горло, но охота посидеть, поговорить. Это тоже надо в жизни.

А старуха все таскает, таскает кирпичи, переваливаясь на согнутых, худеньких ножках, сокрушает людские понятия непомерным упрямством. И мужики начинают отчего-то нервничать, потихоньку расходятся, все же неловко, когда старый человек работает, а ты сидишь. И как-то неприятно становится на душе, хочется не видеть, не думать о старухе. И если тайно признаться себе, то выходит — завидуешь ей. Хотя чему? Чему? Сумела все-таки в жизни что-то совершить — этому, что ли? А дальше каждый думает по-своему. В чернявом, скажем, наверное, мутится злоба на мир, где бабка вроде, как оружие, делающее то, чего он сам никогда не сможет; и про себя он ей внутренне подмигнет — правильно, старая. Седовласому жалко сад, за ним почему-то и старуху, внука и их жизнь. А Хохотун побыстрее отмахнется от мысли — у него все хорошо, и слава богу...

К возвращению внука кирпичи почти полностью перекочевали во двор, выстроились рядками вдоль забора. Он принимает это как должное, равнодушно помогает доносить остатки. Лишь теплятся его глаза, когда посматривает на бабушкин подарок, на «Ниву», и, кажется, чувствует себя счастливым...

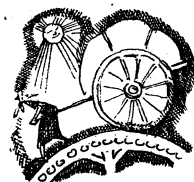
А у старухи свои заботы — одна, в общем-то. Вскоре началось строительство гаража. Строительство — иначе не скажешь. Подоспела как раз грибная пора, Хохотун целыми днями пропадал в лесу и просмотрел, что же такое

Козьявка завернула. Видел — работала целая бригада, был, непонятно для чего, даже экскаватор. И в считанные дни выросли каменные прочные стены гаража. Так этому делу и оставаться бы темным, но старуха позвала одного из мужиков, Чернявого: что-то перестала заводиться машина. (Прав у внука в связи с несовершеннoлетием не было, но иногда он выезжал, катался по своей улице.) Чернявый устранил неполадку, взял лежавшую в углу мешковину, вытер руки. Смотрит — под ней люк железный. В гараже никого, один — старуха пошла за бутылкой. Поднял люк — лестница вниз идет. Спустился, огляделся: бетонированная комната метра два высотой. А в углу снова люк, открыл — опять лестница. Дальше не полез, выскочил обратно, испугался даже малость. После поведал о виденном мужикам, высказал мысль: бомбоубежище, дескать, соорудила, что ли? Те поначалу отнеслись с недоверием: ты, мол, часом не того был, не под этим делом? Потом поудивлялись и опять же все обернули в смех:

— А что? Бомбоубежище построила бабка. Случится мировая катастрофа, империалисты в свои бункера залезут, отсидаются, думают: все, шанец, владыки мира! Вылазят наружу — а тут уж бабка все батунном засеяла!..

Что касалось внучка, старуха ничего мимо ушей не пропускала. Мужики, конечно, ради шутки пугали войной, но она затревожилась. Стала внимательнее смотреть телевизор, слушать радио и ясно поняла: на земле творится в этом плане порядочное безобразие. Все кому-то не живет спокойно, мирно, особенно этим, правящим кругам: то тут, то там вспыхивают очаги, даже фашисты опять объявились! Может, детишек у них нет или надеются укрыть их под землей где? А что делать ей? Старуха и решила: машина, дом — это для жизни. А ну как начнется что?.. Надо погребок бетонированный. На всякий случай. Внушек-то один!

Солнышко, совершив круг и досыта насмотревшись на всякие земные чудеса, снова добралось до небольшого уральского городка и выглядывает из-за крыш. Скошенный, подмигивающий его зрачок рассыпается лучами, словно бесчисленными руками обнимает горизонт — дотягиваются ласковые, теплые руки и до железобетонного моста, где громыхает повозка, которую, вцепившись в оглобли, тащит маленькая, сухонькая старушка.

ГЕНЕРАЛ СУВОРОВ И АДМИРАЛ ДЖОНС

Игорь
АЛЕБАСТРОВ,
Георгий
БЕЛЯКОВСКИЙ

Рисунок
И. Касаткиной

Ни в одной биографии Суворова не упоминается о его дружбе с флотоводцем Полем Джонсом. А между тем в своих мемуарах и письмах Джонс оставил исключительно интересные воспоминания о Суворове.

Немного о Джонсе. Шотландец по рождению, он с юных лет плавал на английских судах, потом уехал в США, где стал знаменитым корсаром, организатором американского флота. О его смелости и отваге слагали легенды. О подвигах Джонса написали романы А. Дюма и Ф. Купер. Но адмиральское звание он получил в России.

Шла вторая русско-турецкая война. Русская армия осаждала Очаков. Русская Лиманская эскадра не смогла прогнать турецкий флот от Очакова, а Севастопольская эскадра графа Войновича не спешила к Очакову, совершая непонятные маневры. Суворов писал главнокомандующему Потемкину:

«Севастопольский флот невидим. Войнович в пространстве. Может быть, он маневрирует, как академик».

Вот тогда-то Екатерина II вверила Лиманскую эскадру Джонсу, дав ему чин контр-адмирала. Войнович, принц Нассау-Зиген, командовавший галерным флотом, и сам Потемкин встретили Джонса враждебно. Им претила его демократичность. А вот Суворов помогал Джонсу всем, чем только мог, и писал Потемкину, что они с Джонсом «как столетние знакомцы». Их первая встреча состоялась 25 мая 1788 года. Джонс посетовал на то, что ему мешает незнание русского языка, русских обычаев. Суворов сказал Джонсу: «Обычай у нас один: вперед! Для вас сей анекдотец запомнится легко — он вам привычен, а русскому языку научиться».

Джонс писал, что Суворов «чудесным образом придал ему уверенность в своих планах». Джонс познакомил Суворова с тактикой фран-

цузского флота. «Мудрено, — сказал Суворов, — запутаешься. А у нас тактика проще: искать и бить!» Джонс заметил, что необходимо укрепить Кинбурнскую косу, на что Потемкин не давал разрешения. «Князь, конечно, слишком великий воин, чтобы не понять пользы предлагаемой меры», — настаивал Джонс. Суворов на это с живостью возразил: «Однако, любезный адмирал, вы — великий открыватель, если обнаружили в Потемкине великого воина». «Тут, — записал Джонс в дневнике, — мы посмотрели пристально друг на друга и заулыбались. С этого момента между нами установилось полное понимание».

Видимо, с ведома Суворова (потому что именно он свел Джонса с запорожцами) Джонс задумал беспримерно дерзкий план. В ночь на 16 июня 1788 года с запорожцами на их челнах (весла обвязали тряпками) Джонс проник в расположение турецкого флота и на флагманском корабле мелом написал: «Завтра сожгу!». Так оно и вышло. В морском бою 17 июня 1788 года у Очакова Джонс разгромил турецкий флот и сжег его флагман.

Потемкин и Нассау-Зиген клеветали царице на Джонса, называя его «сонным адмиралом». Только Суворов продолжал оказывать поддержку Джонсу. «Хитрый старик, — писал о Суворове Джонс, — был единственный друг, которого я имел среди русских. Он нарочно проехал в лодке 30 миль, чтобы переговорить со мною...» Суворов прямо сказал Джонсу, что «так действовать, как он хотел бы, в России невозможно».

Но и заступничество Суворова не помогло. Республиканские замысли Джонса показались царице и ее адмиралам слишком опасными. По пути в Петербург Джонс посетил Суворова. Вот что писал Джонс в своих мемуарах о Суворове:

«Он помещался в одной хижине вблизи взятого форта. В ней было

всего две комнаты, и в подобном жилище не поместился бы турецкий полковник. В одной комнате находилась канцелярия и столовая генерала, а в другой — его спальня. Вся его прислуга состояла из повара и двух денщиков, из которых один смотрел за лошадьми, а другой ухаживал за ним самим, хотя не очень заботливо. Офицеры штаба Суворова жили гораздо лучше его. По внешности он почти одинакового роста со мною, в плечах несколько сутуловат, грудь у него плоская и даже несколько впалая, вообще он худощав и далеко не внушительной наружности. Напротив лица его отличается приятным выражением, особенно, когда он весел и оживлен. Цвет его лица очень смуглый, благодаря сорокалетней службе во всех кляматах. Он гладко выбрит, и на его лице видны следы забот и страданий, так как у него много ран и ему уже минуло 60 лет. Он знает основательно и обстоятельно военные действия последних двух столетий, со времен Густава-Адольфа до Фридриха II, и, к моему удивлению, он подробно знает о военных операциях нашей республиканской войны, хотя о ней очень мало сообщалось в Европе. Он не стремится к личной славе, хотя я замечал, что он ценит мнение о себе военных людей Франции и Англии, которые он очень желает посетить. Суворов — замечательный лингвист: он хорошо говорит по-французски, по-немецки, по-шведски, по-фински и по-польски; он одинаково хорошо может объясняться по-татарски и по-турецки. По характеру он — человек душевный и всегда верен правде и чести. Находясь под зловещим начальством Потемкина, он никогда не писал ему докладов о своих военных действиях, потому что Потемкин не вынес бы правды, а Суворов не мог писать лжи.

(Здесь невольно вспоминается знаменитый ответ Суворова Потемкину, когда на грозный запрос Потемкина о том, чем он занимается у Очакова, Суворов написал: «Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу».)

Его великодушие равняется его простоте. Его кошелек открыт для всякого — одинаково для достойного и недостойного человека, — и он так прост, что его может обойти всякий!

Великолепную саблю с драгоценными камнями, подаренную императрицей за покорение Тавриды, он носил каждый день, и только благодаря его верному денщику он не потерял ни одного драгоценного камня, стоящего больше тысячи

рублей. Он расточителен только в отношении лошадей. Когда я был у него, то видел четырех чистокровных арабских коней, при этом их конюшня была гораздо лучше его собственного жилища. Он показал мне с гордостью одного серого жеребца, на котором он ездил из Таганрога в Москву и обратно без малейшей подставы. До сих пор эта лошадь здрава и невредима. Когда я хотел проститься с ним, то он вынул из своего походного сундука шубу из сибирского соболя, крытую желтой китайской материей. Я никогда не видел такой великолепной одежды. Но это не все: он достал еще гусарский доломан, подбитый белым, как снег, горностаем, и с золотыми шнурами. Это был зимний наряд Павлоградского гусарского полка, коего он был почетным подполковником. «Возьмите, Джонс, — сказал Суворов, — этот доломан слишком хорош для меня. Мои детушки-солдаты не узнали бы своего батюшку Суворова, если бы я так нарядился, но к вам он подойдет: вы, ведь, французский кавалер. А для вашего бедного брата Суворова, годится солдатская шинель и забрызганные грязью сапоги».

Я никогда его с тех пор не видел. Он был одним из тех немногих людей, которые интереснее завтра, чем сегодня, а послезавтра приятнее, чем завтра... Суворов — величайший воин в России не только теперь, но, я полагаю, и на будущие времена... Что же касается настоящего времени, то я полагаю, что он не только первый полководец России, но и всей Европы».

Нельзя отказать Джонсу в проницательности и верности суждений. Его отзыв был написан, когда у Суворова уже позади были Фокштаны, Рымник, Измаил, но впереди — Варшава, Ада, Третья, Нови, Альпы...

Суворов еще раз вспомнил о Джонсе, когда стал главнокомандующим в Польше и предполагалось его назначение командовать войсками против Турции. Джонс сообщает о письме Суворова к нему от 3 марта 1792 года, раскрывающем его стратегические планы и характеризующем его новое положение в обществе. Вот это письмо:

«Не позволяйте, мой добрый брат, какой-нибудь сирене во плоти, или в образе самолюбия, обольстить вас и побудить оставить службу ее величества. Я слышу дурные вести о вашем здоровье, но убежден, что климат Черного моря положительно не может быть вреден для вас...»

С тех пор, как вы уехали, выстроено девять линейных кораблей и шесть фрегатов; поэтому вы видите, что морские силы удвоены сравнительно с теми, что были в ваших руках на Лимане. Кроме того, теперь я могу вас защитить от придворных

интриг, чего прежде не мог сделать. Со времен Измаила придворные меня более не беспокоят, я от них отмахиваюсь, как от мух. В новой турецкой кампании я буду главным начальником сухопутных и морских сил, а вы будете давать отчет только мне, что, я полагаю, не будет вам неприятным. Поэтому умоляю вас, не затрудняйте себя никакими западными комбинациями, но возвращайтесь в Россию, как можно скорее...»

В этом письме замечательно предвидение Суворова о ходе развития революции во Франции и будущих войнах монархических стран Европы с революционной Францией, а вот относительно собственной «матушки-царицы» Суворов глубоко и жестоко заблуждался. Екатерина II готовила армию вовсе не для новой войны с Турцией, а для интервенции во Францию. «Нельзя допустить, — говорила царица, — чтобы Францией управляли сапожники». И Джонса Екатерина II не собиралась возвращать на русскую службу. Она уже знала о дружбе Джонса с Костюшко, Бонапартом и Робеспьером. Если сначала царица шутливо называла Джонса «одной из своих мордашек», то теперь она сказала о нем: «Этот Поль Джонс обладал очень вздорным умом и совершенно заслуженно чувствовался презренным сбродом».

В своих мемуарах Джонс не говорит, отвечал ли он на письмо Суворова. Всего скорее, что нет. В это время Джонс надеялся стать командующим флотом республиканской Франции.

Дружба с пылким республиканцем Джонсом — интересная страничка в биографии великого русского полководца.

¹ Вот здесь, как нам кажется, Джонс не раскусил русского полководца. Суворов только старался казаться таковым, а это — не одно и то же.

На снимке: программа театра.

ФАБРИЧНЫЙ ТЕАТР СТАНИСЛАВСКОГО

**Николай
ЛАМАН**

Завод-дедушка

Кончив институт, я получил назначение на московский кабельный завод «Электропровод». Первые по- па на заводскую территорию, с удивлением оглядывал его узкие и высокие дворы, скученные корпуса, старинную архитектуру. К этому времени я видел уже много совре-

менных заводов, великолепно обо- рудованных, свободно и красиво распланированных, похожих на иллюстрации к научно-фантастическим романам. «Мой» завод был не та- ков.

Главный инженер завода Русец- кий встретил меня приветливо.

— Ну, Архипыч,— сказал он пожилому человеку, впоследствии оказавшемуся начальником воло- чильного цеха,— вот тебе инженер.

Покажи товарищу цех, ознакомь его со всем, что есть, и начинайте дей- ствовать: ставьте современные ма- шины, создавайте цех.

«Как — «создавайте цех»? — по- думал я.— Разве цеха еще нет?»

Архипыч повел меня показывать свое хозяйство. Я увидел две во- лочильные машины, в которые за- правляли проволоку две молодые де- вушки. Они работали очень стара- тельно. Так работают те, кто рабо- тать еще не умеет. Остальное по- мещение пустовало. Абсолютно. «Н-да!..» — подумал я. Разочарова- ние мое возрастало. В другом отде- лении цеха пожилые женщины лу- дили медную проволоку. Они рабо- тали ладно и весело. Но меня это мало обрадовало. «Что за мастер- ская такая? — подумал я.— Что это за завод с бородой? Завод-дедуш- ка...»

Но прошло всего несколько ме- сяцев, и я уже чувствовал себя на «заводе-дедушке» как дома.

С Архипычем — Ильей Архипо- вичем, Галкиным — мы создавали цех. Старый рабочий, еще до рево- люции работавший волочильником, он, как мне казалось, недооценивал инженера производства. Я сердил- ся, кипел и говорил Архипычу, что буду вынужден поставить вопрос у главного инженера о его, Архипыча, неправильных взглядах. Споры кон- чились, когда нам пришлось, засу- чив рукава, осваивать весьма слож- ные по устройству высокоскоростные волочильные машины, которые про- тягивали и наматывали на катушки медную проволоку со скоростью 25 метров в секунду. Новые машины произвели на Архипыча сильное впечатление и убедили его гораз- до лучше, чем все мои ученые слова.

Через несколько месяцев меня избрали секретарем комитета комсо- мола. Но я не захотел бросать ра- боту в цехе и совмещал ее с комсо- мольскими обязанностями. Настали трудные времена. Одновременно я учился в заочной аспирантуре в Ин- ституте истории естествознания и техники. Историей техники я заин- тересовался в студенческие годы на кафедре замечательного педагога и специалиста профессора Ильи Льво- вича Перлина. Я хотел продолжать исторические исследования. Мой «завод-дедушка» давал мне для это- го интересную возможность. Я за- нялся историей завода. И вот что узнал.

В 1785 году «Семен Алексеев, сын Алексеев», прапрадед Констан- тина Сергеевича Станиславского, ос- новал в Москве золотоканительную фабрику. Более чем через сто лет торговый дом Владимира Алексеева (так звали сына Семена Алексеева — деда К. С. Станиславского) объеди- нился с золотоканительной фабри- кой «П. Вишняков и А. Шамшин».

Образовалось московское товарищество торговли и золотоканительного производства соединенных фабрик «Владимир Алексеев» и «П. Вишняков и А. Шамшин». Первым председателем правления этого товарищества был избран Константин Сергеевич Алексеев, обессмертивший себя под псевдонимом «Станиславский» и известный всему миру как великий режиссер. Именно при нем золотоканительное производство было сокращено, и завод стал вырабатывать нужные отечественной промышленности провода и кабели.

В моих глазах история завода мгновенно окрасилась новым светом. Теперь я не променял бы свой «завод-дедушку» ни на один из современных заводов. Сами стены хранили интереснейшие тайны, и я должен был их раскрыть.

У нас, комсомольцев завода, была подшефная школа. Одной из своих задач мы считали ознакомление школьников с производством и с профессиями. Я не помню уже по чьему предложению мы решили организовать встречу старейшего рабочего нашего завода Алексея Николаевича Романова со школьниками. В комитете комсомола сидели мальчишки и девочки и седой, очень симпатичный человек в очках неторопливо рассказывал им о дореволюционном фабричном житье-бытье. Романов даже принес ребятам образцы старых товаров — шелковые нитки, обмотанные плоской золотой и серебряной проволокой. Изделиями из этих блестящих нитей украшали когда-то дамские платья, ризы священников, мундиры военных и... гробы.

Рассказывая о жизни фабрики, Романов, между прочим, сказал: — Константин Сергеевич Станиславский организовал у нас театр из рабочих и служащих. Даже корпус специальный для театра построил — вон тот, кирпичный. Я тоже артистом был.

Не знаю, как на школьников, но на меня сообщение о театре, организованном Станиславским, произвело огромное впечатление. Мы распрошались с ребятами, требующими все новых и новых рассказов, и я с нетерпением стал расспрашивать Романова.

— А что рассказывать? Играли. Вот вам и весь сказ. А подробности я забыл. Давно это было.

— А нельзя ли найти кого-нибудь еще из актеров фабричного театра?

— Где их найдешь? Умерли уж, наверно, все. Или переехали. Да и что удивляться? Две войны ведь с тех пор прошло...

Но я решил попытаться счастья. Театр работал незадолго до революции. Разве это так уж давно и нельзя воссоздать историю забытого театра Станиславского?

Архивы

Вначале я перебрал фонды библиотек. О фабричном театре нашел только одну фразу — в небольшой книжечке К. Тумского «Золотоканительное производство в России и за границей» издания 1901 года было сказано: «При золотоканительной фабрике, являющейся крупнейшей в России, для рабочих создан небольшой театр...» Эта фраза обрадовала меня мало. Я знал больше. Романов говорил, что театральная труппа насчитывала человек 50—60. Режиссером театра был начальник отдела продажи, веселый и обаятельный человек Михаил Николаевич Николаев. Он часто советовался со Станиславским. Иногда Станиславский присутствовал на репетиции и учил актеров. Мне казалось странным, что такой беспримерный фабричный театр совсем забыт — о нем не знал ничего определенного ни музей МХАТа, ни музей Станиславского. Без всякого сомнения, архивы должны были хранить интереснейшие документы. И, в конце концов, документы были найдены.

Так как на золотоканительной фабрике было несколько директоров, существовала специальная «Книга записей директоров», куда каждый директор вписывал отданные им распоряжения и копии документов. Такая книга оказалась у меня в руках. 1902 годом был помечен протокол заседания правления под председательством Станиславского. На этом заседании было решено «в целях улучшения быта мастеров» построить на территории фабрики театральные корпус с читальней, библиотекой и чайной. На строительство театра отпускатся 37 000 рублей. Протокол был подписан Станиславским (я уже знал наизусть каждый завиток этой энергичной подписи — «К. Алексеев»). В следующем, 1903 году главный инженер завода вписал в «Книгу записей директоров» проект прошения на имя обер-полицеймейстера о разрешении на открытие театра. Очевидно, театр был открыт где-то между 1903 и 1905 годом, потому что, начиная с пятого года, в «Книге записей директоров» мелькало несколько замечаний, касающихся театра. Рукой Станиславского было, например, написано: «В связи с повышенным интересом рабочих и служащих к театру, увеличить количество мест. Для этого купить 350 стульев». Попадались любопытные записи: «О режиссере. Обязательство не ставить скабрзные вещи». Я чувствовал по всему — это был замечательный театр. Когда же он был открыт?

В разгар моих архивных изысканий мне повзвил однажды директор музея МХАТа Федор Николаевич Михальский. Увлечшись

моими поисками, он принял в них деятельное участие, и ему посчастливилось в газете «Русские ведомости» от 25 апреля 1904 года найти заметку об открытии при золотоканительной фабрике товарищества «Вл. Алексеев, П. Вишняков и А. Шамшин» театра «с постоянной сценой». Театр родился 24 апреля 1904 года. Он был открыт спектаклем Островского «Лес». Режиссером спектакля «Русские ведомости» называли Станиславского...

Понемногу, медленно и нехотя, архивы выдавали свои тайны.

Но меня все время преследовала мысль, что, кроме пожеланных истрепанных документов, о фабричном театре знают люди, живые люди, бывшие почти 60 лет тому назад актерами и зрителями этого театра. Но как их искать? Романов потерял связь со всеми. И я решил действовать наугад. В бумагах фабрики сохранилась копия паспорта главного бухгалтерера Алексея Матвеевича Ульянова. К моему удовольствию, у него оказалось пятеро детей — три сына и две дочери. Дочери — это для меня хуже. Они, очевидно, вышли замуж и изменили фамилию. И я послал в Мосгорсправку запросы на всех трех сыновей Ульянова. Я почти не надеялся на благоприятный результат. Сыновья могли уехать из Москвы, могли погибнуть, ведь с тех пор, как с горечью заметил Алексей Николаевич Романов, «прошли две войны». И действительно, на двух первых бланках работники Мосгорсправки равнодушно написали: «Не значится». Наконец, пришел третий бланк, на нем стоял адрес: «Аристарховский, д. 3, кв. 5». Неужели я вырвался из плена пыльных и сухих документов к живым свидетелям, к бывшим энтузиастам-актерам, к людям, которые называли Станиславского «господином Алексеевым, директором фабрики» и любили его как организатора и попечителя замечательного фабричного театра?..

Люди

Я ходил от человека к человеку и просил:

— Вспомните. Ну, пожалуйста, вспомните еще что-нибудь. Как выглядела сцена театра? Что ставил театр? Часто ли приходил Станиславский?

Но больше всего меня интересовал вопрос:

— Кого вы видите сейчас из старых актеров театра, из родственников, знакомых?

И постепенно разматывался клубок. Люди рассказывали. Вспоминали. Я впервые понял, как надежна, как обманчива наша па-

мать, как многое мы забываем. Я проверял рассказы одних рассказов других. И постепенно картина жизни театра становилась для меня все яснее.

Ульяновы (я нашел сестер Ульяновых) отослали меня к жене умершего ныне актера фабричного театра Александра Николаевича Приданцева. Здесь я получил портрет Александра Николаевича, и из комода, со дна ящика, Надежда Ивановна Приданцева достала старую-старую, вероятно, купленную еще до революции папку. В ней лежала программа спектакля фабричного театра. Отпечатанная типографским способом на салфеточной бумаге, обрамленная изящным малиновым орнаментом, она, казалось, хранила запах праздника, золоченых зеркал и кулис. Я невольно поглядел на Надежду Ивановну засмеялась:

— Она теперь не пахнет ничем. А раньше пахла тончайшими духами. Получишь такую надушенную нарядную программу — и сразу становится весело на душе.

Надежда Ивановна встретила меня очень сердечно и, наверно, когда я ушел, долго думала о давних временах, вспоминала знакомых и друзей, которые мне могли быть полезны. Через несколько дней она позвонила мне:

— Я вспомнила, — сказала Надежда Ивановна, — одну женщину. Когда я хожу на базар, часто встречаю ее. Муж этой женщины был актером нашего театра. Я забыла ее фамилию, но знаю, где она живет — такой старый дом на углу Ульяновской и Шелапутинского переулка.

Вот он передо мной, старый угловой дом на Ульяновской. Но как искать? Я спрашиваю старейших жильцов, терпеливо им объясняю:

— У вас тут должна жить женщина, муж которой до революции работал на золотоканительной фабрике и играл в театре. Не знаете ли такой?

Нет, не знают. Такой не знают. Наконец, одна бабушка говорит.

— Ну, конечно, жил у нас такой. Хороший был человек, веселый. В театре играл все. Иванов его фамилия. Он умер, а жена его, Софья Михайловна, живет сейчас во-он в том корпусочке.

Софья Михайловна Иванова рассказала мне о муже и дала три старые выцветшие фотографии — сцены из какого-то спектакля с участием Иванова.

— Какой же это спектакль?

— Не знаю. И людей никого уже вспомнить не могу. Да я и не всегда на спектакли-то эти ходила: дом, семья, дети. Разве со всем управиться?..

И вот в моих руках три фотографии. Я вглядываюсь в декорации, в лица. Здесь достоверно только одно: один из актеров — Дмит-

рий Николаевич Иванов. Неизвестен год. Неизвестен спектакль. Неизвестен даже театр, потому что Иванов в разные годы своей жизни играл на разных любительских сценах.

Как быть?

Я беру и несу фотографии Алексею Николаевичу Романову — первому человеку, рассказавшему мне о фабричном театре и до сих пор единственному известному мне актеру этого театра. Алексей Николаевич смотрит на фотографию и говорит:

— Ничего подобного я не помню. По-моему, это не наш театр. И смотрите — у нас занавес раздвигался, а тут опускается: это видно совершенно отчетливо.

Я очень расстроен. Ниточка обрывается. Фотографии не расшифрованы. Людей, связанных с театром, у меня на примете больше нет. Но тут Алексей Николаевич говорит:

— Помните, я вам рассказывал о режиссере нашего театра — Михаиле Николаевиче Николаеве? Я вам еще передал его портрет. Этот портрет я взял у зятя Николаева. Он живет в Салтыковке. Хотите — съездите к нему. Но боюсь, что ничего нового вы не узнаете: я сам расспрашивал его. И больше ничего он не знает.

Все-таки еду в Салтыковку. Нахожу дом. Стучусь. Меня вводят в бревенчатую комнату с удивительно чистыми деревянными полами. Из соседней комнаты выходит зять Николаева — Аркадий Николаевич Борисов. Он очень стар — ему 83 года. Один глаз у него совсем слеп. Другой видит плохо. Аркадий Николаевич долго прицеливается через очки на одну из фотографий, поворачивает ее так и этак и вдруг говорит:

— Это же я! Я снят на фотографии! Видите — с балалайкой, в парике и сапогах. Емелю в «Простушке и воспитанной» играю!

Я поражен.

— Почему же вас не узнал Романов? — спрашиваю я.

— Так Романов начал играть в новом, фабричном театре. А это мы еще на Большой Алексеевской в столовой играли. Константин Сергеевич за неимением помещения распорядился здесь небольшой театр для нас устроить. Сцену ставили на козлы временную, да скамейки составляли...

Фраза из «Русских ведомостей» приходит мне на память: «24 апреля 1904 года открыт театр с постановкой сценой...» Так вот почему репортер специально сказал о постоянной сцене — раньше сцена была временная.

— Когда же это было, Аркадий Николаевич? — спрашиваю я.

— А было это, голубчик, в 1903 году.

— Почему вы так уверены?

— Уверен, — смеется Аркадий

Николаевич. — Я женился на дочери Николаева в конце третьего года, и жена мне как-то-го-ри-че-ски запретила играть на сцене. А в водевиле «Простушка и воспитанная» я сыграл akurat перед женитьбой. Так сказать, ea прощанье.

Аркадий Николаевич мне во многом помог. Он опознал почти всех артистов на моих фотографиях. Много веселого и интересного рассказал о театре. Он готов был рассказывать без конца:

— Что вы, я совсем не устал, голубчик. Мне это приятно. Ведь я вспоминаю о лучших годах моей жизни...

Но ни с кем из живых актеров театра Борисов меня связать не сумел. И снова помог мне Романов. Вернее, его жена. Однажды, когда я (в который раз!) сидел у Романовых и говорил с ними о театре, жена Романова вдруг сказала:

— А помнишь, Алешка, ты играл на сцене вместе с Шевяковой Верочкой.

— Играл.

— Так что же ты молчишь!

— Что молчу? Забыл... Память-то у меня какая теперь стала...

Через день мы сидели втроем — я и двое актеров фабричного театра: Алексей Николаевич Романов и Вера Степановна Шевякова.

— Помните, Алексей Николаевич, — говорит Шевякова, — как мы с вами играли в комедии «Голодный дон Жуан»? Вы играли влюбленного гимназиста, а я — гимназисточку, вашу любовь... Как нас тогда зывали! Вы даже от радости в гриме фотографироваться побежали на Таганку... Давно это было. Больше полувека назад. И мы с вами были совсем не такие...

Но, честное слово, они остались такими же — увлеченными, обаятельными, прекрасными людьми. Именно такими мне показались все люди, причастные к жизни замечательного театра, открытого на фабрике товарищества «Вл. Алексеев, П. Вишняков и А. Шамшин» 24 апреля 1904 года и закрытого в 1909 году, когда помещение театра понадобилось под новый цех расширяющегося и меняющего профиль предприятия — золотоканительная фабрика превращалась в меднопрокатный и кабельный заводы... Театральный корпус не смог отстоять даже его организатор и попечитель — Константин Сергеевич Станиславский.

Театр, театр, театр...

С тех пор, как в 1882 году юноша Константин Алексеев, сын одного из совладельцев золотоканительной фабрики, поступил работать в

контору, фабрику охватила «театральная болезнь». Сначала Алексеев (который тогда еще не придумал себе театрального псевдонима) привлек рабочих и служащих для игры в любительских спектаклях Немецкого клуба, где он играл сам. Через 20 лет был организован настоящий фабричный театр. Он размещался в столовой: в дни спектаклей воздвигалась на массивных козлах сцена, для зрителей ставились скамьи. Это было в 1898 году. Уже в 1902 году Станиславский добился начала строительства на территории фабрики «настоящего» театра — с большой сценой, гримерными, с «ямой» для оркестра. Театр был светлым и нарядным — на лестницах лежали ковры, в фойе стояли обитые красным плюшем диваны, везде сияли зеркала. Фабричная труппа ставила разнообразные спектакли, но чаще всего — по пьесам Островского, любимого драматурга Станиславского. На спектакли рабочие приходили бесплатно. Шли семьями — с женами и детьми. Посещение театра было для детей настоящим счастьем. Первые впечатления сохранялись на всю жизнь. Очевидцы рассказывают, что они до сих пор помнят детское удивление и ощущение невероятной красоты и таинственности, которые вызвали у них сцены из оперы «Пиковая дама» («Пиковую даму» давал в фабричном театре приглашенный Станиславским театр Зимина). Василий Васильевич Докучаев вспоминает, как, играя в одной из пьес Островского, отец его на сцене с горечью воскликнул: «Вася! Где мой Вася!» Встревоженный маленький Васенька встал и изо всех сил закричал: «Я здесь, папа! Здесь!..» Этот неповторимый оттенок семейственности и теплоты сохранялся и на репетициях, после которых обычно по-родственному пили чай. Любое общение с театром Станиславский стремился превратить для рабочих в праздник. Программки пахли духами. Театр сиял зеркалами и светом. В антрактах играла музыка. Очень часто рабочие с семьями ходили в Художественный театр. В разные годы билеты рабочим во МХАТ продавались по очень низким ценам, а то были бесплатными вовсе. Романов помнит, как он ходил во МХАТ к Станиславскому за дешевыми билетами. Константин Сергеевич давал ему записку и говорил: «Обратитесь в кассу к Трушникову».

Несомненно, закрытие фабричного театра в 1909 году было для Станиславского тяжелым ударом. Сын Шамшина, одного из владельцев фабрики, пишет: «Вопрос, конечно, был сложный и неприятный для Константина Сергеевича, и наши разговоры с ним были длинные и нелегкие». Но законы капиталистической конкуренции неумолимы:

чтобы жить, фабрика должна была расти. В здании бывшего театра установили свинцовые прессы и аппараты для сушки кабелей и превратили театральный корпус в мастерскую свинцовых кабелей. Но перед закрытием театра Станиславский выговорил у правления следующие условия: ежедневно (кроме субботы и воскресенья) завод предоставляет рабочим бесплатные места в Художественном театре. Мало того, перевозку рабочих в театр и обратно завод берет тоже на себя. В жизни рабочих театр остался.

Труппа фабричного театра не распалась — она перешла играть в Охотничий клуб. И через несколько лет, в 1915 году, Станиславский сумел снова организовать самодеятельность на заводе: он был попечителем так называемой Алексеевской школы (основанной его родственником), и именно здесь проходили репетиции подновленной и возрожденной заводской труппы. Из МХАТа Станиславский пригласил в качестве режиссера артиста Шарова. Снова заводские рабочие собрали свой коллектив «артистов». Снова ходили они на репетиции. После репетиций, как прежде, пили чай: монументальный школьный швейцар вносил огромный кипящий самовар... После каждого спектакля для «актеров» устраивали угощение. Станиславский выделил специальные средства на эти маленькие угощения, верный своему желанию обставить всю «театральную» жизнь рабочих как можно радостнее и ярче. К этому времени у рабочих завода была уже «своя» ложа в Художественном театре. «Артисты» ходили туда со своим режиссером, смотрели игру лучших артистов России, в антрактах и после спектакля Станиславский беседовал с ними, показывал декорации, объяснял, как получаются казавшиеся в то время удивительными световые эффекты в спектакле «Синяя птица». В репертуаре и в игре актеры заводской труппы откровенно подражали МХАТу.

На заводе был не только театр. Был оркестр. Был хор. Многие рабочие и служащие организовывали и дома музыкальные вечера, создавали квартеты, квинтеты. Театр, музыка, искусство становились ежедневным зрелищем, удовольствием, занятием. Далеко-далеко протянулись нити этой «театральной болезни», которой заразил весь коллектив завода Станиславский. Недавно ушел со сцены певец хора им. Пятницкого Антон Васильевич Седов, свою театральную деятельность он начинал в 1915 году в драматической труппе Шарова. Несколько лет назад еще играла в театре миниатюр Ксения Михайловна Братановская. В 1925 году она поступила в театральную кружок завода «Электропровод».

Этот кружок жил старыми традициями, школой, энтузиазмом, духом Станиславского.

Таким Станиславский и был: беспечным, энергичным, всесторонне и невероятно талантливым. Он внес в деятельность директора фабрики непривычную, не принятую до революции теплоту и человечность. Завод стал для рабочих вторым домом. Здесь был театр, был прекрасный коток для детей. Здесь устраивались огромные сказочные елки, украшенные бракованным золотоканительным товаром, и дети уходили с елок, прижимая подарки, врученные им Станиславским.

Тот реформизм и стремление Станиславского к обновлению, которые позднее изменили не только русский, но и мировой театр, были в полной мере присущи и Станиславскому, директору фабрики. Отправившись в 1892—1893 годах по служебным делам во Францию, Станиславский подробно изучил золотоканительное производство на лучших фабриках Европы. По возвращении в Москву он ввел у себя высокоскоростные волочильные машины и гальваническое золочение проволоки. По его инициативе был открыт первый в России цех по изготовлению алмазных фильер. «Нельзя мириться с тем, что крупнейшая отечественная фабрика, каким является наше производство, зависит от иностранных производителей фильер», — заявил он. И уже в 1900 году на Международной выставке в Париже за высокое качество золотых и серебряных нитей фабрика получила высшую награду — «Гран-при».

Рабочие были влюблены в своего хозяина. Он привлекал непринужденностью и теплотой обращения. Каждый второй мужчина носил усы «под Станиславского». Каждый юнец намеревался обзавестись такими усами в ближайшем будущем. И эта маленькая смешная черточка говорит о том же, о чем говорят всемирно известные успехи Станиславского — о его обаянии, талантливой неутомимой человечности, за которые все знавшие его люди платили Станиславскому теплой привязанностью и горячей любовью.

Моя работа по созданию истории завода и истории театра еще не окончена. Я надеюсь отыскать новых людей, работавших на фабрике Станиславского и игравших на сцене фабричного театра. Я мечтаю найти театральный дневник режиссера фабричного театра Николаева. Я подозреваю, что где-то еще хранятся интереснейшие документы, которые пока молчат. Их надо заставить заговорить.

НАСЛЕДСТВО МЕЦЕНАТА

**Владимир
ПЕЧЕНКИН**

На Всемирную Парижскую выставку 1878 года многие фирмы привезли лучшие образцы своих товаров. Сугубо аграрная Российская империя экспонировала в основном продукцию сельского хозяйства. Однако кое-кто из русских заводчиков все же дерзнул состязаться с промышленным Западом, искусным Востоком и с заокеанскими мануфактурами. Кроме стендов с тульскими самоварами и ружьями, уральским металлом, подмосковным да ярославским фарфором и иными добротными русскими образцами, взорам европейских дельцов были представлены и изделия Николаевского завода (г. Николаевск-на-Амуре), принадлежавшего нерчинскому промышленнику Михаилу Дмитриевичу Бутину. Изделия нехитрые: ведра, чугунные котлы, печные вьюшки, топоры, подковы, сковороды, всяческая железная необходимость мужицкого хозяйства. Но нерчинская витрина привлекала аккуратностью работы забайкальских мастеров, тщательностью отделки, красотой исполнения. Расторопный приказчик давал желающим объяснения, показывал товар лицом.

А сам Бутин рассматривал экспонаты многих мировой известности фирм, прикидывал, что может пригодиться на забайкальских заводах и приисках. Остановился перед зеркалами, доставленными в Париж из Италии. Бутин любил аккуратность в работе, умел ее ценить. А уж постарались итальянские зеркальщики! Вот самое большое в мире зеркало площадью в 16 квадратных метров, другие поменьше — по 11 квадратных метров. А стекло чистое, ровное, без малейшего изъяна, амальгама содержит, вероятно, большой процент серебра. Отражение безукоризненно

Подошла группа британских дельцов, один сдержанно поклонился Бутину — познакомились возле нерчинского стенда.

— Нравится? — англичанин вскинул подбородок к зеркалам.

— Да, отличная работа.

— ...Не собираетесь ли вы их купить? — прищурился англичанин. Остальные улыбнулись удачной шутке.

• — Может быть, и куплю.

— О! Мистер Боутин — веселый человек! Как бы вы потащили их в свою Сибирь? И что там с ними делали? Едва ли кто из русских приобретет это, разве что император?..

Они отошли, посмеиваясь. О да, Сибирь — богатейший край, но полудикий, и этот мистер Боутин, с виду столь уважаемый, в сущности тоже, разумеется, варвар, азиат, и что ему итальянские зеркала!

Однако пришлось им изменить мнение о Бутине и о сибирской дикости, когда изделиям Николаевского завода Бутина жюри присудило Большую серебряную медаль. И еще сенсация: «Представьте, этот Бутин купил зеркала! Отдал за них слиток золота весом в 16 фунтов! Право же, следует обратить внимание... Сибирь богата, русские надежные партнеры в торговле, в делах...»

Восемь зеркал, в том числе и самое большое в мире, долго везли на пароходах через Средиземное море, Индийский и Тихий океаны, потом вверх по Амуру до Николаевска, отсюда на специально построенной барже до Сретенска. Дальше, до самого Нерчинска, хрупкий груз несли на руках. И установили в доме-дворце Бутиных. Незвестные нерчинские умельцы одели чужеземное стекло в резные деревянные позолоченные рамы в тон резным карнизам в залах.

Глава торгового дома Бутиных, Михаил Дмитриевич, был незаурядным человеком, своего рода белой вороной среди сибирских дельцов. За что впоследствии и поплатился.

Окончив всего лишь Нерчинское уездное училище, начав службу в приказчиках, он благодаря трудолюбию, постоянному самообразованию, практической смекалке стал крупным, даже для богатой Сибири, промышленником-миллионером и в то же время человеком весьма прогрессивных взглядов, меценатом, вольнодумцем. Позднее краеведы называли его «забайкальским Саввой Морозовым».

В 1866 году он начал разработку Дарасунских золотых приисков, через несколько лет открыл завод в Николаевске-на-Амуре, построил в амурских верфях три парохода, которые совершали регулярные рейсы по Шилке и Амуру. Бутин полагал, что Сибирь должна заботиться не только о сбыте своего сырья, но и о том, чтобы поднять собственную промышленность. Для изучения торговли, заводского дела и золотодобычи Михаил Дмитриевич ездил в Соединенные Штаты Америки и страны Европы, он автор серьезных статей по экономике Забайкалья.

За предпринятую в 1870 году вместе с братом Николаем торговую экспедицию из Нерчинска через Монголию в Пекин и Тяньцзинь Русское географическое общество присудило братьям серебряную медаль. За усовершенствование золотопромывальной машины и модель ее на Московской политехнической выставке 1879 года М. Бутин был награжден Большой золотой медалью. Серебряная медаль Парижской выставки, дипломы на звание члена многих научных обществ были признанием таланта бывшего приказчика.

По инициативе Бутина, в основном и на его средства, возникли в Нерчинске аптека со складом, типография, большой сад с редкими растениями, ферма с опытным полем...

Михаил Дмитриевич любил музыку, хорошо играл на нескольких инструментах, собрал в Нерчинске оркестр, открыл музыкальную школу. Бутин не боялся принимать на работу политических ссыльных и на-

ходящихся под подозрением. Инженер О. А. Дейхмана и П. П. Михайлова, изгнанных с казенной службы в 1865 году за послабление ссыльному поэту М. И. Михайлову, принял Бутин к себе управляющими приисками и демонстративно положил им оклад больший, чем получали они от казны. Сельскохозяйственной опытной фермой управлял сосланный по делу революционера Нечаева будущий видный забайкальский краевед А. К. Кузнецов.

В бутинской библиотеке насчитывалось до 25 тысяч томов, выписывались газеты и журналы на четырех языках, имелись редкие сочинения Палласа, лондонские издания Герцена, книги Маркса, Дарвина, Сеченова...

В те удачные восьмидесятые годы XIX столетия, годы расцвета торгового дома братьев Бутиных, не предчувствовал Михаил Дмитриевич, что вскоре разразится в Сибири жестокий промышленный кризис. Небывало знойное лето иссушило поля, иссякли ручьи, прекратилась промывка золота. Разорялись и нерчинские предприниматели. Наступила безработица, товары переполнили рынок — их никто не покупал. Иркутские конкуренты Бутина воспользовались моментом, чтобы нанести удар вольнодумцу-миллионеру. Сговорившись с московскими его кредиторами, они все одновременно предъявили к оплате его векселя, поспешили объявить о несостоятельности торгового дома, отстранили Михаила Дмитриевича от руководства делами и учредили «администрацию по делам фирмы братьев Бутиных». Более десяти лет пришлось ему доказывать в судах свою платежеспособность. Наконец, Бутин выиграл дело в суде. Но «администрация» успела распродать важнейшие предприятия, не постеснявшись отхватить огромные гонорары за свое «управление». Потеряв более пяти миллионов рублей, Бутин так и не смог взыскать их с ловких «администраторов».

Умерли бездетные братья Бутин. Перед смертью, в 1907 году, Михаил Дмитриевич просил не двигать монументального надгробия, ибо оставил он о себе память достаточную: в дар городу Нерчинску

свой дворец, библиотеку, оранжерею, картинную галерею, всю роскошную обстановку некогда богатого дома.

Не все удалось сберечь нерчинцам из этого наследства. В бурные годы гражданской войны побывали здесь и белые, и японские оккупанты, и банды атамана Семенова. Многое порушилось в бутинской усадьбе. Обветшали и развалились дворовые постройки. Погибла оранжерея — не до орхидей было в те смутные годы. Но сам дворец в центре Нерчинска все так же радует взор великолепием мавританской архитектуры.

Сохранились и зеркала, доставленные из Парижа сто лет назад. Жаль, два из восьми повреждены.

В Забайкалье лето жаркое. Июнь, в Нерчинске зной — сорок два в тени. Но в Бутинском доме прохладно, солнце не прожигает метровые стены. Огромные, от пола до потолка, зеркала чистейшего итальянского стекла отражают читальный зал районной библиотеки, позолоченные музы благосклонно взирают с резных карнизов на склоненные над книгами головы потомков отважных сибирских землепроходцев, первых поселенцев-казаков и местных охотников. Этим молодым нерчинцам по праву принадлежит наследство мецената, промышленника, журналиста, путешественника Бутина.

Память хранит...

По-разному увековечивается память о бывших воинах, павших в Великой Отечественной войне: обелиски, мемориалы... Но есть и иные памятники.

В Курске на братской могиле стоит белоствольная береза. И рядом надпись: «Здесь похоронены солдаты». К живому зеленому памятнику приходят поклониться люди.

В Белоруссии есть деревня, в которой жители посадили березовую рощу — каждому погибшему солдату свое деревце.

На Украине именами павших называют яблони, груши, вишни... В Днепропетровской области одна яблоня носит имя Тамары — единственной дочки, ушедшей на фронт и не вернувшейся домой.

А. ПАВЛОВСКИЙ

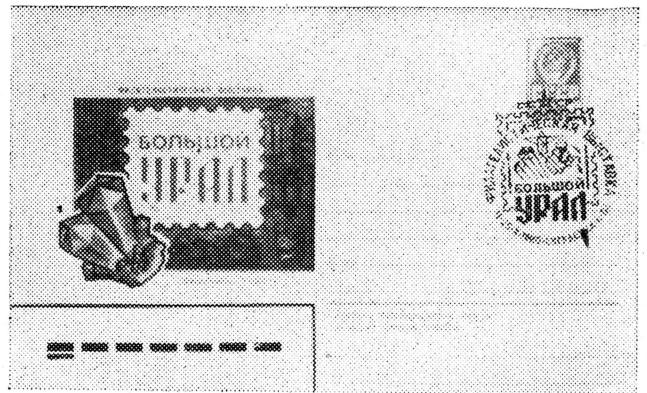
Праздник

марок

Две ничем не примечательные с виду почтовые марки: на темном фоне с трудом можно различить профиль английской королевы Виктории. Однако они составили бы честь любой самой великолепной филателистической коллекции. Ведь это знаменитые «Черные пени», увидевшие свет в Англии 6 мая 1840 года и ставшие родоначальниками всех марок мира!..

В экспозиции первой зональной филателистической выставки «Большой Урал-80», прошедшей в Свердловске, наряду с этими двумя редчайшими экспонатами, представленными свердловским ученым В. Я. Шуром, было показано немало уникальных почтовых марок, художественных и видовых открыток, конвертов со спецгашениями. Более десяти тысяч редких экспонатов украсили экспозицию выставки.

140 лет минуло со дня

выпуска «Черных пени», немало важных событий произошло в мире за этот долгий срок. И каждое из них нашло отражение в почтовых марках, открытках, конвертах. Много интересного рассказали экспонаты: собрание Б. Е. Ландау «Ленин — вождь трудового народа», «Международное сотрудничество в космосе», показанное В. Н. Шевелиным, «Визитная карточка Олимпийской Москвы» Ю. А. Муземниака и другие.

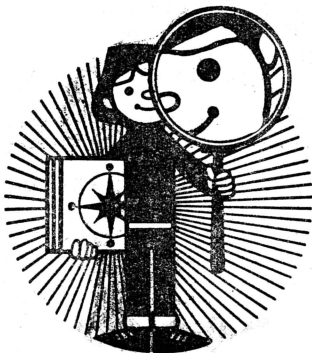
В представительном форуме филателистов Урала приняли участие более пятидесяти коллекционеров Свердловска, Перми, Челябинска, Магнитогорска, Ижевска, Орска и других городов региона.

На снимке: почтовый конверт, выпущенный Министерством связи СССР в честь зональной филателистической выставки «Большой Урал-80».

Я. АНДРЕЕВ

МИР

на ладоны

В кольце — огонь

Пожары на нефтяных и газовых скважинах иногда не удается потушить и за несколько недель. Специалисты испытательной лаборатории Управления пожарной охраны Новосибирской области предлагают практически мгновенный способ подавления огромного пламени так называемыми вихревыми кольцами.

Новый способ тушения пожаров заключается в том,

что создается мощный вихрь воздуха, который несет еще и гасящий порошок. И пламя не может вырваться из такого пыльного кольца, тухнет. Новосибирские экспериментаторы испытали недавно своеобразные огнетушители и для буровых. Это оригинальные устройства с импульсным пороховым зарядом. Нажатие кнопки — и взрыв охватывает очаг, засыпая его порошковой смесью.

В. КРИВОШЕИН

Творцы общезвестных слов

Любопытную историю происхождения важнейших ныне слов раскрывают научные сотрудники Ленинградского словарного сектора Института русского языка Академии наук СССР.

Как установлено исследованиями, слово «промышленность» образовано Карамзиным. Он же впервые ввел слова «добросовестность», «неловкость», «несоразмерность». Пушкиным образовано слово «вольнолюбивый». Лев Толстой впервые обнародовал слово «непротивление», а Ленин — «партийность».

Слова «знаменатель» и «числитель» ввел в обиход Магницкий. Ломоносову мы обязаны словом «торф», академику Севергину — россыпью терминов в области ботаники: «венчик», «сережка», «тычинка», «чашечка». Достоевский первым употребил слово «стусеваться».

Словарь русского литературного языка насчитывает сейчас 150 тысяч слов. А весь словарный запас нашего языка превышает миллион слов. Собрания сокровищ национальной речи состоят из диалектизмов — областных слов, топонимов — географических названий, неологизмов — слов, рождающихся в наш век...

В. ИВАНОВ

Грязь до небес

Осенью позапрошлого года сработал Южно-Сахалинский «грязевик», выдав двухсотметровой высоты фонтан грязи. Уже через сутки на месте интересного происшествия в природе были дальневосточные исследователи. Полученные ими данные подтверждают, что грязевые вулканы — это отдушину в земной коре, в кои и прорывается скопившийся газ. Чем полезны неогенные вулканы? Иногда их грязь целебна, а чаще всего из нее можно извлекать ценные химические элементы. Наконец, эти вулканы указывают, что в месте их действия — разломы земной коры, и, естественно, здесь нельзя ничего строить.

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Вертолет на пьедестале

Вертолет МИ-4 в трудном небе Ямала был первопроходцем. Он десантировал первые отряды геологоразведчиков в Надыме и Уренгое, возил почту, летал в стойбища к оленеводам...

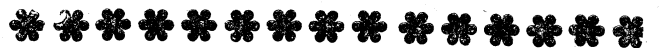
Вторым пилотом МИ-4 летала на Ямале одна из немногих женщин-вертолетчиц Любовь Данильченко.

Памятен подвиг пилотов МИ-4 с командиром

Владимиром Коваленко, которые в ноябрьскую пургу и кромешную темень сняли с дрейфующей в Обской губе льдины рыбаков.

У въезда в Салехардский аэропорт стоят необычные памятники: самолет ЛИ-2, гидросамолет АН-2В. Недавно рядом с ними встал на постамент и вертолет МИ-4.

А. СЕРГИЕВСКИЙ

Нашествие морских звезд

Рыбаки Мельбуерна и поселков на берегу залива Порт Филипп часто вытаскивают сейчас сети, кишашие морскими звездами. За последние три-четыре года они настолько расплодилось в прибрежных рифах, что в некоторых местах почти полностью покрывают дно. Звезды, до полуметра в диаметре, двигаясь сплошной массой, уничтожают мидий, устриц, морских ежей и других обитателей морского дна. После них ни рыбам, ни рыбакам там уже делать нечего. Рыбаки предсказывают, что если так будет продолжаться, то лет через пять в заливе совсем не останется рыбы, устриц и мидий.

Против морских звезд пытались применять химикаты, электрические разряды и другие методы, но все оказалось тщетным.

Д. ЭЙДЕЛЬМАН

Мой мишка

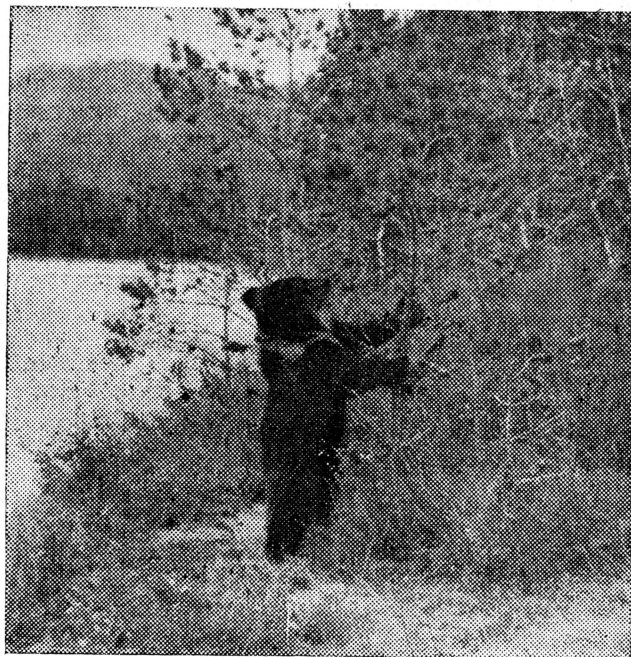
Медведь в сказках обычно — сильный и добродушный, наивный и благородный. Толстый и смешной Винни-Пух, мишки на старых гербах русских городов Новгорода и Череповца, знаменитые мишки в сосновом бору на картине И. И. Шишкина, гостеприимный олимпийский мишка с пояском из пяти переплетенных колец — да разве перечислишь все, что написано, нарисовано и придумано о медведях.

А у меня есть свой настоящий мишка. Шел я берегом Катюни. На одном плече у меня фотоаппарат, на другом этюдник. Иду, люблюсь горами за рекой и вдруг прямо перед собой вижу... мишку. Присел за кустом. Осторожно выглянул. Мишка был небольшой — видно, родился прошлой зимой. Стоит ко мне боком, что-то озабоченно лапой из земли выцарапывает. Потом поднял голову, понюхал воздух, не заметил ничего подозрительного и пошел к высокому гнилому пеньку.

Затвор «Зенита» щелкнул, как мне показалось, ружейным выстрелом, а мишка мой и ухом не повел. Почавкал, лапой нос почесал, наверное, муравья сбросил. Потом пошел к рябинке, поднялся на задние лапы, пригнул ветку, захватил ртом сразу целую гроздь, пожевал, да и выплюнул — горьковатой показалась.

Я нажал на кнопку затвора еще раз. Мишка посмотрел на ягоды повыше — не вкуснее ли там, — но доставать не стал. Опустился на четвереньки и потопал к реке. Чтобы увидеть его, мне пришлось перебраться на новое место. Смотрю, мишка стоит в воде на задних лапах, а передними по ней хлопает, брызги выбивает, совсем как разыгравшийся мальчишка.

Только я начал пленку переводить, слышу, кто-то тяжелый через кусты пробирается и ворчит глухо.

Ну, думаю, надо поскорее ретироваться, а то и пленку проявить некому будет. Осторожно-осторожно попятился к нашему лагерю...

Э. БЛЮМ

Гитара в России

В нашей стране гитара появилась позже, чем в других странах. Случилось это в XVIII столетии, когда итальянцы привезли инструмент в Петербург.

Первая русская гитара с семью струнами была создана в небольшой деревушке Шихово под Москвой. Ее изготовил народный умелец Иван Красно-

щевков. О гитаре узнал царь Петр I и заказал Ивану Краснощекову изготовить полный струнный оркестр. Мастер выполнил заказ, и с того времени семиструнные гитары с клеймом «Краснощевков» стали пользоваться большим спросом. Да и село Шихово потом прославилось своими мастерами, своим промыслом.

Интересно, что гитара побывала и в космосе: ее брал с собой на борт корабля Александр Иванченков.

Б. ЗЕЛИЧЕНКО

Вера Кальман из Перми...

В конце 1969 года в Москву приезжала Вера Кальман — жена выдающегося венгерского композитора, автора знаменитых оперетт. Она присутствовала на спектакле Московского театра оперетты «Фиалка Монмартра». Известно, что это веселое музыкальное произведение именно ей посвятил прославленный автор.

Вера Кальман (Макинская) родом из Перми, с

Имре Кальманом она встретила в Вене в конце двадцатых годов. Отец Веры, Константин Макинский, офицер царской армии, погиб в первую мировую войну.

А если вспомнить, что первый фильм Свердловской киностудии создан по оперетте «Сильва», то «родство» с Имре Кальманом для уральцев еще ближе...

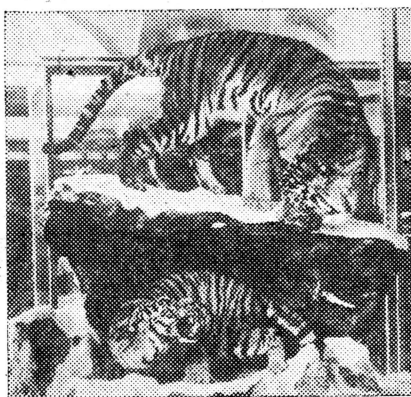
В. БУШУЕВ

Школа таксидермистов

С развитием сети краеведческих музеев, с организацией в школах и вузах зоологических кабинетов, уголков возникла необходимость создавать для них чучела птиц, зверей, рыб, обитающих в родных краях. Вот поэтому в Зоологическом институте Академии наук СССР организована лаборатория таксидермии, которая стала всесоюзной школой, готовящей мастеров по изготовлению чучел известных и редких животных планеты.

На снимке: уссурийские тигры, работа выполнена в школе таксидермистов.

В. БУРОВ

Хроника

старинного водопровода

1663 г. Христофор Галовой по свинцовым трубам развел воду в сады и в дворцы Московского Кремля...

Вот уже в какие времена строители кремлевского водопровода сделали эту ошибку: они применили трубы из вредоносного металла — свинца!

1684 г. Галактионко Никитин «взвел», как тогда говорили, воду на все дворцы Кремля — трубы опять были свинцовыми. А в Верховом кремле соорудили тогда бассейн, выложенный свинцом, и в нем малолетний Петр I осваивал «навигацкую» науку.

1687 г. На Потешном дворе Кремля появился пруд, выложенный свинцом.

1773 г. После пожара в Кремле из пруда в Верховом саду извлечено было три тонны свинца, которым пруд был облицован.

Итак: в проведении кремлевского водопровода в разные времена использовали свинец, вредный для здоровья металл. В связи с этим даже появилась легенда: царская фамилия, поколение от поколения, отравлялась свинцом, и якобы русские цари были больными... Например, Иван Грозный будто бы стал гневливым из-за нездоровья. Разумеется, это не было какой-то диверсией, хотя первые водопроводчики в Кремле — иностранцы. Это было обыкновенным неведением.

Ю. АЛАН

Крещение судна

«Плыви по морям и океанам, славь имя кораблестроителя и моряка, я нарекаю тебя...» Такова традиционная формула крещения спускаемого со стапелей нового судна. О форштевень корабля разбивают бутылку шампанского. Делает это обязательно женщина, крестная мать нового судна. Она считается почетным членом экипажа и пользуется правом бесплатного проезда на своем судне.

Обряд крещения — одна из древнейших морских традиций.

На протяжении тысячелетий обряд крещения носил религиозный характер и преследовал одну цель — снискать расположение богов, властвующих над стихией, задобрить их... жертвами.

В средневековье неизменным атрибу-

том крещения сделалось вино. Им щедро кропился палуба судна перед выходом в первый рейс. Именно так крестили суда, участвовавшие в плавании Христофора Колумба.

В Англии в годы правления Тюдоров (1485—1603) обряд крещения судна обставлялся весьма пышно. Королевский сановник произносил тост, ему преподносили вино в золотом кубке, который затем выбрасывался за борт...

Во времена «сухого закона» в США суда крестили... водой. В Индии вместо бутылки шампанского о борт судна разбивают кокосовый орех. В Японии судно украшают множеством цветных лент и воздушными шарами, а в Турции — кропят кровью молодого барашка, шашлыком из которого потом лакомятся команда.

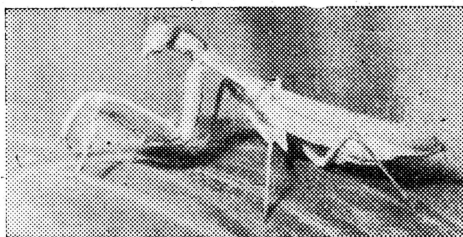
Д. МЯСНИКОВ

С ПЯТЬЮ ГЛАЗАМИ

Среди прямокрылых обитателей пустынь, которых по способу передвижения называют ходящими, встречаются насекомые, напоминающие богомольца. Они приподнимаются на задних ногах и склоняют передние, как руки во время молитвы, отсюда и название их — богомолы.

Удивительно и то, что в голове богомола, в профиль напоминающей лошадиную, пять глаз: два выпуклых, очень сложных по бокам, три добавочных — на лбу.

Считалось, что самый крупный богомол — около пяти сантиметров в длину — живет в Южной Америке. Оказалось, что

в пустыне Каракумы, в Туркмении, обитает богомол длиной около семи сантиметров.

На снимке: крупный каракумский богомол.

В. ЛЕОНИДОВ

ЧУГУННЫЕ МАСКАРОНЫ

Маргарита
СЕДОВА

Старинный уральский городок, привольно раскинувшийся на зеленых холмах, существует уже 270 с лишним лет. Это Каменск-Уральский, здесь возник первенец уральской металлургии. Каменский чугунолитейный завод до 1869 года был главным поставщиком государства чугунных пушек, в том числе и самых крупных — двенадцати- и двадцатичетырехфунтовых.

Каменское железо превосходило тульское и ничем не уступало шведскому, считавшемуся тогда лучшим в мире. А слава о русском оружии вошла в память народа, когда пушки, отлитые на Каменском заводе, впервые возвестили о себе в день битвы под Полтавой 27 июня 1709 года. Артиллерийские орудия, отлитые на Каменском заводе, участвовали в битвах под Чесмой, Бородино и Адрианополем.

Но не только выплавкой артиллерийского оружия прославился первый на Урале завод. Каменцы умели лить из чугуна разные замысловатые вещи. В 1778 году на завод пришел необычный заказ из Санкт-Петербурга на отливку кружевных чугунных ворот со статуями для столичного парка. Эта отливка из «сурового металла» является одной из первых в мире. Заказ был выполнен на славу, и о мастерах было сказано: «вкус имеют добрый».

Продукция завода отмечалась дипломом на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 года в Москве и золотой медалью на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге.

Самым распространенным видом литья в Каменске были чугунные маска-

роны — декоративные маски с изображением полуфантастических голов — то ли человека, то ли чудища какого. Почти у каждого каменца над окнами или на воротах красовались эти маскароны.

Но немногие отливки сохранились до наших дней. И имена их создателей канули в вечность.

В 1973 году краеведческий музей города приобрел декоративный барельеф Георгия Победоносца. Долгое время он украшал дом по улице Ленина, 133. Удалось установить и имя мастера, отлившего изделие, это был рабочий Каменского чугунолитейного завода Всеволод Андреевич Немтинов.

В память о двухсотлетию со дня выпуска первой продукции в 1901 году на Каменском заводе отлили медаль. Ею награждались старейшие рабочие завода. Вязь древнерусского шрифта образует кружево букв, в центре два перекрещивающихся молоточка — символ горных заводов, на обороте медали двуглавый орел, а на его щите изображение всадника на коне.

Может, тогда и запала у юного Немтинова думка вылепить славного русского богатыря — Илью Муромца. И вот взметнулся на коне всадник, острием копья пронзая змея-страшилище, смелый и бесстрашный, удалой, готовый прийти на помощь.

К этой теме обращались не раз художники. Образ Георгия Победоносца, юноши, не побоявшегося вступить в сражение с чудовищем и освободившем от неволи царевну, встречался часто в древнерусской иконописи. И каждый художник вносит в решение этой темы что-то свое. Так и здесь. Георгий изображен босым, на нем хитон, похожий на крестьян-

скую рубашку, левая рука держит удила. Прекрасно передано движение взметнувшейся лошади. Вся композиция вписана в овал 51×30 сантиметров.

В краеведческом музее Каменска-Уральского хранятся еще подобного рода декоративные изделия. Вот голова старика, простое лицо русского рабочего человека. Внимательный, пылкий взгляд из-под насупленных бровей, густая грива волос, борода, а на подбородке маски — сквозное круглое отверстие. Для чего оно? Может, чтобы вставлять ключ?

Рядом чугунная дощечка с рельефным изображением льва. Лев опирается правой лапой о шар, живописная грива, могучее тело... К сожалению, имя автора неизвестно.

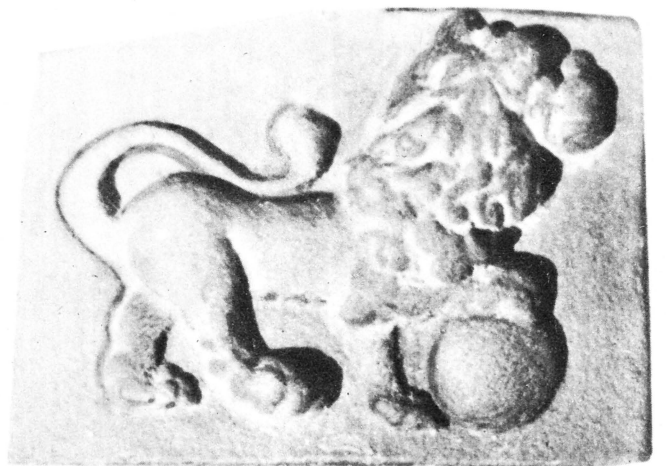
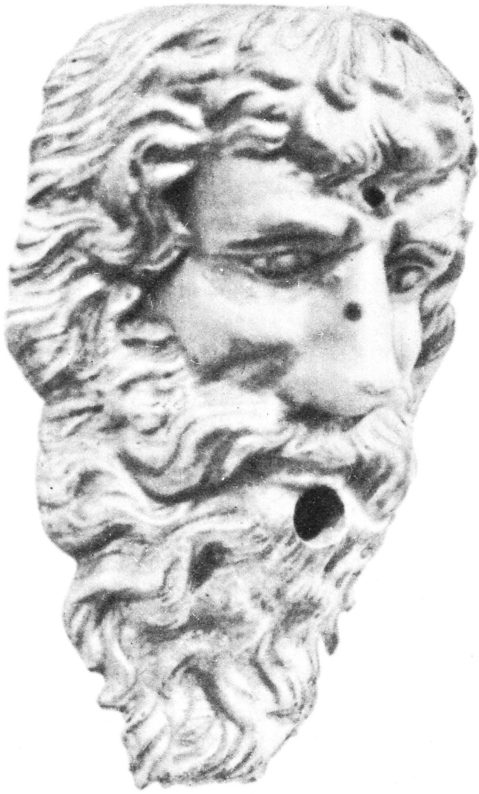
На улице Карла Маркса, № 29 стоит и поныне ничем не примечательный маленький домик на три окна, а на воротах, потемневших от дождей и времени, ясно виден светлый контур какой-то фантастической головы. И не человек это и не зверь. По рассказам, отливал ее то ли кузнец, то ли рабочий литейного завода, но, несомненно, этот человек был не лишен и чувства юмора, выдумки, когда создавал эту маску.

Несомненно одно — люди, создавшие эти уникальные изделия декоративно-прикладного искусства, были талантливыми мастерами своего дела.

См. фото ▶

Уральцы живут в каменном краю. На каждой полянке трава камнем вздыблена, на всякой горе из-под ноги камушек скатится, в любом булыжничке хоть слюды глазок да проглянет... Разные породы и минералы содержат древние наши горы, рассказать о всех и невозможно. А вот об основных «Уральский следопыт» расскажет читателям — на примере образцов из коллекции знаменитого Уральского геологического музея.

МЕДНОЙ ГОРЫ ХОЗЯЙСТВО

«Медного гроша не стоит» — это не про медь сказано. Ни про самородную медь, ни про медно-никелевые сплавы, ни про бронзу и латунь. Не медяками, а миллионами исчисляется стоимость изделий, содержащих медь. Провода и трубы, втулки и подшипники, детали часов и автомобилей, тракторов и морских судов, мельхиор, скульптурные произведения, медный купорос...

На Урале медные руды дают, в основном, колчеданные месторождения — халькопирит, борнит, серный колчедан. Но есть у медных руд и «царственные» родствен-

ники: зеленые, с затейливым узором малахиты, голубые и синие азуриты.

И вспомним, наконец, что медь была первым металлом, с которым познакомился человек. В эпоху перехода от неолита к бронзовому веку именно медь заменила камень...

На снимке: 1. халькопирит; 2. малахит; 3. самородная медь; 4. азурит.

Фото А. Нагибина